

***Великая Отечественная война
в судьбах
жителей Коми республики***

***Труды Коми отделения
Академии военно-исторических наук***

Выпуск 3

Сыктывкар 2005

УДК 947 (470.13)

Великая Отечественная война в судьбах жителей Коми республики.
Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 3. – 152 с.

В сборник, издаваемый к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, включены материалы, посвященные деятельности поискового отряда «Северная звезда», статьи по истории Коми АССР в военные годы, подготовленные известными в республике учеными-историками и краеведами, а также учащимися.

Редакционная коллегия:

к.и.н., академик АВИН **А.Ф.Сметанин** (главный редактор), д.и.н., академик АВИН **И.Л.Жеребцов** (зам. главного редактора), д.и.н., академик АВИН **А.А.Попов** (зам. главного редактора), к.и.н., член-корр. АВИН **И.О.Васкул** (отв. секретарь), д.и.н., академик АВИН **В.И.Чупров**, к.и.н., член-корр. АВИН **А.Д.Напалков**, к.и.н., член-корр. АВИН **М.В.Таскаев**, к.и.н., член-корр. АВИН **Д.В.Милохин**

Ответственный редактор выпуска д.и.н. **И.Л.Жеребцов**

Составители к.и.н. **Е.Н.Боле**, д.и.н. **И.Л.Жеребцов**

Рецензент д.и.н., проф. **А.Н.Турубанов**

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству ученых и краеведов, занимающихся изучением истории Коми в периоды Великой Отечественной, гражданской, Первой мировой и иных войн, участия жителей Коми в войнах и военных конфликтах, в организации военного дела и т.д. Статьи, заметки, публикации документов и другие материалы для очередных выпусков «Трудов Коми отделения Академии военно-исторических наук» принимаются преимущественно в электронном варианте и оформленные таким же образом, как статьи, публикуемые в данном сборнике.

Почтовый адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, ответственному секретарю «Трудов Коми отделения Академии военно-исторических наук» И.О.Васкулу. Тел.: (8212) 244924 (зам. гл. редактора И.Л.Жеребцов), (8212) 241702 (отв. секретарь И.О.Васкул).

E-mail: zherebtsov.hist@mail.komisc.ru; secr.hist@mail.komisc.ru

© Коми отделение АВИН, 2005

© Е.Н.Боле, И.Л.Жеребцов, состав., 2005

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

О.В.Золотарев

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КОМИ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

События Великой Отечественной войны отразились на развитии народного образования в СССР и Республике Коми. Условия военного времени не могли не сказаться на деятельности образовательных учреждений, так как основные материальные ресурсы государства шли на оборонительные нужды. Кроме того, и саму работу школ пришлось перестраивать применительно к военным условиям: учащиеся уделяли много времени военно-физической подготовке, принимали активное участие в оказании помощи фронту, в сельскохозяйственных работах, другой общественной деятельности. В годы войны основными задачами советской школы были, прежде всего, работа по охвату всех детей школьного возраста всеобщим обучением, организация агротехнической подготовки молодежи, массовая оборонительная и политико-просветительская работа, организация труда школьников на оборонительных предприятиях.

Работа школ серьезно осложнялась материальными трудностями этого времени, тем не менее, несмотря на это, финансирование образования практически не сокращалось. По Коми АССР расходы на образование даже выросли к концу войны почти в 1,5 раза по сравнению с довоенными годами. Это позволило построить за 1941–1945 гг. более десяти новых школьных зданий [1].

И все же война не могла не затормозить развитие образовательной системы. Так, замедлился процесс реализации всеобщего семилетнего обучения. Власти констатировали, что всеобуч был поставлен «неудовлетворительно». Особенно тяжелое положение сложилось в Усть-Куломском районе. В целом едва пятая часть школ выполняла план по всеобучу. Сложнее всего обстояло дело с привлечением в школу учащихся старших (8-10) классов. Среди этой категории школьников план по всеобучу выполнялся едва на 80%. Здесь, конечно, играла свою негативную роль необходимость привлечения труда учащихся старшего возраста как в личном хозяйстве деревенских жителей, так и в самих колхозах. Нередко только с их помощью можно было выполнить нужные работы в отсут-

ствие ушедших на фронт мужчин. Важнейшей из причин невыполнения плана по всеобучу можно назвать и ухудшившееся материальное положение населения. Власти признавали, что материальные условия «сильно влияют на посещаемость», и пытались хоть в какой-то степени снять остроту проблемы: в школах организовывались горячие завтраки, пошив одежды для учеников и т.п. Но, несмотря на помощь, которая оказывалась учащимся, отсев из школ Коми АССР увеличился за военные годы в 2–3 раза. Второгодниками оказывалось порой свыше 20% учащихся. Около 3,5 тыс. человек оставлялись на осенние испытания. За год учебные заведения покидало в среднем до 9 тыс. чел. (около 15% учащихся). Причем значительный отсев допускался, как указывали органы народного образования «без уважительных причин». Такая ситуация приводила к серьезному сокращению числа школьников: если в 1940/41 учебном году в школах автономии обучалось более 55 тыс. чел., то в 1944/45 г. – только чуть более 45 тыс. Между тем, имевшаяся школьная сеть «вполне обеспечивала выполнение закона о всеобуче». Более того: в Коми АССР за годы войны она значительно расширилась: было открыто 116 новых школ [2].

Расширение школьной сети было связано, в частности, с тем, что с 1944/45 учебного года было введено обязательное обучение детей с семилетнего возраста. Это создало немало трудностей: не хватало помещений, учительских кадров, педагоги не сразу смогли приспособиться к возрастным особенностям детей-семилеток.

Проведение всеобуча в этот период имело определенную специфику в связи с тем обстоятельством, что в годы войны многие учащиеся (особенно старших классов) покидали школы и шли работать в промышленность и сельское хозяйство. Чтобы охватить этот контингент обучением в 1943 г. были созданы школы рабочей и сельской молодежи, где можно было продолжать учебу без отрыва от производства. К концу войны в Коми АССР действовало 16 таких школ, в них обучалась почти одна тысяча человек [3].

Еще одной сложностью в реализации семилетнего всеобуча в Коми автономии стал приезд в республику большого количества эвакуированных семей. Власти были вынуждены провести серьезную работу по учету потенциальных школьников. Однако значительное количество детей школьного возраста в Коми крае не было учтено. Как отмечалось в одном из постановлений СНК Коми АССР: «... Школой большинство их не охвачено» [4]. Таким образом, несмотря на то, что власти проводили серьезную работу по реализации семилетнего всеобуча, больших успехов оно не имело.

Своеобразием работы образовательного комплекса военного времени было соединение собственно образовательных задач с ликвидацией безнадзорности детей, оставшихся без родителей. Кроме того, нередко взрослые члены семьи сутками работали на производстве, что также приводило к безнадзорности детей. В 1942 г. СНК СССР наметил ряд мер по борьбе с беспризорностью. На местах были созданы комиссии по борьбе с безнадзорностью детей, расширена сеть детприемников и детдомов. Но в первые годы войны, вследствие большого наплыва эвакуированных, эти меры не давали должного эффекта. Власти констатировали, что в ряде районов автономии «наблюдаются массовые случаи нищенства, безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних». Особенно большое количество беспризорников давали спецпоселки, дети спецпереселенцев после смерти родителей и ввиду отсутствия мест в детдомах пополняли армию беспризорников. Конечно, власти пытались не допустить подобного поворота дел, уже с августа 1941 г. говорилось о возможности прибытия эвакуированных и необходимости организации сети интернатов и детдомов для их приема, но, очевидно, что принятых мер оказалось явно недостаточно [5]. Действительно, деятельность созданных детдомов встретила со значительными проблемами. Прежде всего, серьезно вредило нормальной работе несвоевременное финансирование. Именно она порождала и другие проблемы: ощущалась нехватка воспитателей, сложными были материальные условия деятельности детских домов. Эти же трудности преследовали и работу школьных интернатов. Их число в Коми республике достигло 150 (в них содержалось более 3 тыс. детей). В ряде интернатов «плох» был обслуживающий персонал, наблюдались «антисанитарное состояние» в помещениях, питание было неудовлетворительным. Многие детдома и интернаты кормили воспитанников и сотрудников фактически тем, что «получали сами из подсобного хозяйства». Руководство детдомов и интернатов жаловалось, что получают «только хлеба по 200 г и крупы по 3 г в день, а от населения нет ни капусты, ни картошки, от колхозов нет помощи». Власти были вынуждены констатировать, что питание в детдомах «неудовлетворительное». Столь скудное питание и отсутствие должной медицинской помощи в условиях нехватки мыла, керосина порождали сложную эпидемиологическую обстановку, заболевания воспитанников. Конечно, наблюдалась, вследствие небольшой заработной платы и недостаточного снабжения продуктами питания, и острая нехватка квалифицированного педагогического персонала. Имеющийся же персонал был плох, в отчетах неоднократно указывалось, что работники детдомов и интернатов оказываются «не на высоте своего

положения» [6]. Но все же в непростых условиях войны властям удалось наладить работу сети детдомов и интернатов, функционировали в республике и детские сады. И это хоть в какой-то степени снимало напряженность с детской беспризорностью. Помимо этих мер СНК СССР принял решение (1943 г.) об организации суворовских училищ, специальных ремесленных училищ и т.п. для детей-сирот, детей военнослужащих и т.д.

Конечно, война внесла коррективы не только в структуру образовательных учреждений, но и в сам учебный процесс. Значительное место в нем стало занимать патриотическое воспитание. Учащиеся старших классов средних школ изучали военное дело (уже в 1941 г. Бюро обкома партии рассмотрело вопрос об организации всеобщего военного обучения, как в школах, так и на предприятиях). В учебных планах на военную подготовку выделялось значительное количество времени – 110 учебных часов в год. Однако, быстро наладить военное обучение руководству органов народного образования Коми автономии не удалось. По оценке Наркомпроса РСФСР, военная подготовка в республике Коми проводилась «неудовлетворительно». Особенное неудовольствие центральных структур вызывало отсутствие практической подготовки в военном и физкультурном деле. Неудачной признавалась и патриотически-воспитательная и военно-физкультурная работа. Основная причина этого крылась в отсутствии должных кадров военных и физкультурных руководителей (значительная часть школ не была ими укомплектована – так, в 1941/42 учебном году на 149 средних и неполных средних школ республики имелось всего четыре учителя, имевших физкультурное образование). Вину за сложившееся положение центральные власти возлагали на местных руководителей. Наркомпрос РСФСР полагал, что в республике «не все осознали важность военной подготовки», и требовал усилить руководство этой частью учебной работы. Это заставило Коми обком ВКП (б) возвратиться к данной проблеме. К концу 1942 г. положение в этом плане в школах Коми АССР улучшилось [7].

Помимо усиления военно-спортивной и патриотической работы, война потребовала внести коррективы и в содержание обучения. Теперь оно ориентировалось во многих случаях на практическое применение знаний. В частности, с 1941/42 учебного года было введено изучение основ сельского хозяйства, с 1943 г. при некоторых школах открылись учебные производственные мастерские. Немалое место было отведено работе школьников на полях колхозов и совхозов. Вопрос был столь важен, что Коми обком ВКП (б) уже в 1941 г. обратил внимание на организацию труда школьников в сельском хозяйстве. Осенью первого

военного года Бюро обкома выпустило постановление «О привлечении учащихся к уборке урожая в колхозах». Этим документом предписывалось направить школьников 5-10 классов на уборку урожая на десять дней «в связи с начавшимися заморозками и снегопадом». Только в 1941/42 учебном году учащиеся коми школ выработали более 2700 трудодней в колхозах республики. Летом 1943 и 1944 гг. было выработано соответственно 850 тыс. и 912 тыс. трудодней. Приходилось жертвовать учебой ради нужд воюющей страны. Впрочем, эта работа не только представляла серьезную помощь народному хозяйству, но и носила характер трудового воспитания. Конечно, эта деятельность так же не была лишена недостатков: нередко были жалобы на несерьезное отношение руководства колхозов к помощи со стороны учащихся – не запрашивалось мнение учителей, не составлялись взаимные договора и т.п. Конечно, это снижало как экономическую, так и воспитательную роль работы школьников [8]. Учащиеся и учителя оказывали посильную помощь фронту и другими методами: собирали деньги, теплые вещи и т.д. Так, в 1941/42 учебном году учителя коми школ подписались на военный заем в размере 65 тыс. руб. (многие – на пяти-шестинедельный заработок), учащиеся – на 17,5 тыс. руб. Оказывалась помощь силами учащихся и семьям фронтовиков. Только в феврале-марте 1944 г. на эти цели было собрано более 250 тыс. руб., а также значительное количество одежды, обуви, учебников и т.д. На личные сбережения учителей и школьников Коми АССР был построен самолет-истребитель «Пионер Коми АССР». Комсомольцы Сыктывкара в 1942 г. собрали на строительство танковой колонны 70 тыс. руб. [9]. Эта деятельность была не только оказанием помощи фронту, она имела и большое воспитательное значение.

Значительную роль в организации кампании помощи фронту оказывали комсомольские и пионерские организации учащихся. В годы войны в Коми АССР в школах действовало более 180 комсомольских организаций (более 1,1 тыс. человек). Работало в школах и 87 учительских комсомольских организаций (свыше 800 человек). Немалую помощь оказали и пионерские дружины. Их в Коми республике числилось 175. Они объединяли свыше 600 отрядов (более 16,5 тыс. человек). Конечно, такая сила могла и оказывала немалое содействие как в патриотическом воспитании, так и в организации материальной помощи фронту. Только в 1944 г. комсомольцы собрали свыше 1,2 тыс. руб. на танковую колонну, почти 3,5 тыс. руб. – на государственный военный заем, на денежно-вещевую лотерею – 1,6 тыс. руб. [10].

Тем не менее, учебная деятельность все же оставалась основной. И власти, понимая это, пытались улучшить качество учебной работы в школах, повысить уровень знаний учащихся. Особенно власти были озабочены улучшением качества преподавания, положением с дисциплиной в школах. В 1943 г. СНК РСФСР были утверждены «Правила для учащихся». Это способствовало укреплению воспитательной работы в школах. С января 1944 г. была введена пятибалльная система для оценки знаний учащихся. В середине 1944 г. вышло постановление СНК СССР «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школах». Согласно этому документу вводилась обязательная сдача выпускных экзаменов учащимися и награждение золотыми и серебряными медалями выпускников-отличников. Эти меры в определенной степени способствовали поощрению добросовестных учащихся, стимулировали школьников к получению более высоких знаний.

С 1943/44 учебного года в некоторых крупных городах стало практиковаться раздельное обучение мальчиков и девочек, хотя в основном школы оставались смешанными. Раздельное обучение в годы войны, хотя и выглядело, по мнению педагогов «непривычным», способствовало укреплению дисциплины, вниманию на уроках, лучше воспринималось военное обучение и военно-физическое воспитание. Руководство народным образованием Коми АССР оптимистично утверждало, что «раздельное обучение сыграло очень большую положительную роль в деле повышения успеваемости и улучшения дисциплины учащихся». Но уже тогда в оценках этого начинания звучали тревожные нотки, указывалось, что сами педагоги затрудняются дать оценку раздельному обучению, что в процессе создания мужских и женских школ возникает «много вопросов», что «изученный опыт работы... еще далеко не совершенен» [11]. Вскоре последовали и жалобы на плохую дисциплину в мужских школах. В целом решение о раздельном обучении нельзя было назвать удачным, так как в дальнейшем оно привело к серьезным проблемам с дисциплиной в школах для мальчиков. Несколько позже (в 1954 г.) от раздельного обучения отказались.

В конце войны школы стали работать по новым учебным планам. Но перевод работы на новые планы столкнулся с целым рядом трудностей. Прежде всего, на республику было получено всего 6 экземпляров, поэтому в Коми АССР только часть школ удалось в 1945 г. перевести на преподавание по новым программам. Кроме того, ряд предметов (в частности, черчение и иностранный язык) в большинстве школ не изучались из-за отсутствия соответствующих учительских кадров. Отрицательным образом на знаниях учащихся сказывалась и плохая согла-

сованность программ в русских и коми школах. Для коми школ были созданы очень упрощенные учебные планы. Например, ряд тем, которые проходили в русских школах в 4 классе, в коми изучались в седьмом. В результате учащиеся национальных школ отличались «скудостью языка», их словарь, по признанию педагогов, был «беден», речь «примитивна». Естественно, такое положение сказывалось на авторитете национальной школы, нежелании родителей отдавать своих детей в коми школу. Тяжело шла и попытка начинать обучение в первом классе с семи лет: дети плохо адаптировались к новым условиям, работали медленно, очень быстро уставали [12].

Власти видели эти сложности. С целью эффективного разрешения проблем педагогики в 1943 г. была учреждена Академия педагогических наук РСФСР. Разработки советских ученых-педагогов помогали преодолеть возникавшие в системе образования проблемы. А тот факт, что Академия педагогических наук была создана властями в непростые военные годы свидетельствовал о том, что государство уже задумывалось о будущем, послевоенном развитии общества.

В конечном итоге, все эти меры, предпринимаемые властными структурами в образовательной сфере, должны были способствовать улучшению успеваемости и дисциплины в школах, значительно снизившихся за годы войны, что вызывало понятное беспокойство общества. В Коми республике, например, за военное время уровень успеваемости редко когда поднимался выше 80%, на второй год и осенние испытания оставалось более 20% учащихся [13]. Конечно, подобная ситуация не могла устраивать руководство страны, ибо она мешала как послевоенному восстановлению экономики, так и дальнейшему индустриальному развитию державы.

Но все же, следует заметить, что в немалой степени снижение успеваемости было вызвано объективными военными трудностями, в частности, серьезными недостатками в интеллектуальном и материальном обеспечении образовательных учреждений.

Например, чрезвычайно негативно сказывался на знаниях учащихся недостаток квалифицированных педагогов. Во многом подобная ситуация объяснялась тем, что значительное количество учителей-мужчин было призвано в армию уже в самом начале войны. На фронт летом 1941 г. ушли из школ Коми автономии все учителя-мужчины моложе 40 лет (за исключением тех, кто занимал руководящие должности, например, директоров или завучей). А если вспомнить, что мужчины в 1930-е гг. составляли немалую часть контингента школьных работников, то становится понятным обнаружившаяся острая нехватка педагогов. Так, в

1942/43 учебном году по Коми АССР не доставало около 180 учителей. В результате, нагрузка имевшихся школьных работников резко, в 1,5–2 раза возросла, ведь они были вынуждены вести занятия за ушедших в армию педагогов. Естественно, такое положение вело к снижению качества преподавания. Пытаясь восполнить нехватку учительства, власти допустили к работе в школе работников, не имевших соответствующего их должности образования, в результате серьезно снизилась и качественная подготовка учительства. Например, среди учителей старших классов только 20% было с высшим образованием. Сложным было положение и с образованием руководящих кадров: среди директоров неполных средних школ автономии почти половина не имела подготовки даже в объеме учительского института (не говоря уже о высшем образовании). Кроме того, приход в школу новых работников вызвал ситуацию, когда значительная часть педагогов не имела опыта работы, педагогический стаж многих школьных работников был минимален (более половины учителей проработало в своих должностях менее пяти лет). Конечно, такая ситуация не могла не сказаться негативно на качестве учебного процесса. Надо помнить и о том, что помимо учебной нагрузки, учителям пришлось взвалить на себя и многочисленные общественные обязанности. Трудности с педагогическим контингентом не удалось преодолеть на протяжении всей войны, они продолжались, несмотря на то, что учительский персонал постоянно пополнялся новыми кадрами. Только в 1941/42 учебном году в школы республики пришло более 200 учителей (большая их часть была из числа эвакуированных в автономию педагогов). Пытаясь воздействовать на ситуацию власти и административными методами, в частности, СНК Коми АССР в 1943 г. потребовал возвратить с неучебных должностей бывших учителей. Это хоть в некоторой степени сняло напряженность в этом вопросе. Ведь педагогические учебные заведения не успевали выпускать нужных для школ специалистов, тем более, что качество подготовленных в годы войны школьных работников было невысоким (особенно «отличалось» в этом плане Усть-Вымское педучилище) [14].

На работе педагогов отражались и материальные затруднения. Несмотря на то, что в августе 1943 г. заработная плата учителей была значительно повышена, а СНК Коми АССР старался оказывать материальную помощь работникам школ, их положение оставалось непростым. Наркомпрос Коми АССР отмечал в 1943 г., что «снабжение учителей продуктами питания в некоторых районах поставлено плохо». Во многих селах работники школ «кроме хлеба, ничего не получили из торговых организаций и не могут купить на рынке». Конечно, такая

ситуация сказывалась самым негативным образом на отношении учительства к власти (руководство образовательными структурами констатировало распространение среди педагогов «нездоровых настроений»). Многие школьные работники пытались даже уйти на работу в колхоз, ибо «не могли жить при норме 400 граммов хлеба в день», не имея возможности хоть какого-то дополнительного снабжения продуктами питания [15]. Таким образом, материальное положение учителей было в течение всей войны тяжелым, хотя власти, как видим, старались улучшить положение педагогов (в частности, наладить их снабжение продуктами питания). Впрочем, материальные трудности не были в то время особенностью учительской профессии. Тяжело приходилось во время войны всему населению.

Власти видели и отмечали героизм школьных работников. В 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было награждено орденами и медалями более 5 тыс. педагогов. По Коми АССР – 26 человек, в том числе преподаватель педучилища А.И.Старовская, которая была удостоена Ордена Ленина [16].

Непростыми, несмотря на то, что финансирование школ за годы войны не сократилось, и даже возросло, оставались материальные условия работы образовательных учреждений. Ощущалась нехватка топлива, канцпринадлежностей и т.п. Наркомпрос Коми АССР в 1943 г. отмечал: «Большой недостаток в тетрадях, все черновые работы выполняются на газетах, в тетрадях только контрольные работы» [17]. В некоторых районах в школах не было даже ручек и чернильниц (в определенной степени их недостаток компенсировался местной промышленностью, наладившей изготовление линеек, ручек и чернильниц). Не хватало реактивов для опытов. Наркомпрос в связи с этим делал вывод: «Руководители школ и роно не создали материальных условий для обучения детей» [18].

Конечно, власти пытались решить эти проблемы. Причем не только своими силами, но и привлекая помощь общественности (например, декады помощи школам и т.п.). Однако в военных условиях полностью удовлетворить материальные нужды школ они были не в состоянии. Так, практически к началу каждого учебного года местные отделы народного образования пытались провести ремонт школ. Действительно, кое-какой ремонт осуществить удавалось, в основном силами учителей и учащихся, часто без необходимых стройматериалов. Конечно, такой ремонт не был в достаточной степени качественным. Кроме того, многие школы уже нуждались в капитальном ремонте, а приходилось обходиться в основном текущим [19]. Такая тактика выглядела не большим, чем «латанием

дыр», но в условиях нехватки как финансовых средств, так и строительных материалов иного власти предложить не могли.

Не были в должной мере снабжены школы и учебными пособиями и литературой. Хотя в годы войны учебные учреждения и продолжали снабжаться учебниками и другой литературой, тем не менее, в явно недостаточном количестве. Так, в 1944/45 учебном году для школ республики было необходимо более 300 тыс. экземпляров книг, а завезено было чуть более 90 тыс. Школы «серьезно нуждались» в географических картах, оборудовании физических и химических кабинетов. Ощущалась и нехватка мебели [20].

Весьма серьезной проблемой, затруднявшей работу школ автономии, была нехватка топлива. Действительно, во многих случаях топливо было заготовлено едва на треть от потребного, еще меньше его было подвезено непосредственно к школам. В результате многие учебные заведения вплоть до декабря не отапливались. Учитывая суровые климатические условия, такое положение могла сорвать работу системы образования (и такие случаи срыва занятий имели место, например в 1945 г. Усть-Усинская средняя школа почти месяц не занималась из-за «отсутствия дров»). Серьезной проблемой являлось и освещение школ – ведь зимой темнело очень рано. И из-за отсутствия нормального освещения (в деревнях не хватало керосина, в городах, где было электричество – лампочек) вечерние занятия часто срывались [21].

Материальные проблемы отразились не только на работе школ, но и на сети профессиональных учебных заведений. Значительно сократилось число студентов, ощущалась нехватка преподавателей, не было нужных для развития материально-технической базы средств. Однако действия властных структур позволили несколько поправить положение, вследствие чего, например, сеть средних специальных учебных заведений Коми АССР в годы войны даже расширилась: были открыты техникум железнодорожного транспорта в Ухте, музыкальное училище в Сыктывкаре, дошкольное отделение Сыктывкарского педучилища стало самостоятельным учебным заведением. К концу войны в Коми республике действовало 14 училищ и техникумов. Число студентов в них с 1943 г. стало расти и к 1945 г. составляло 2,4 тыс. чел. (на 17% больше, чем до войны) [22].

Особое внимание властям в этот период пришлось уделять подготовке массовых рабочих профессий. Ведь надо было заменять многих мужчин, работавших на производстве. Руководство автономии было вынуждено многократно обращаться к этой проблеме. Уже в 1941 г. Бюро обкома ВКП(б) рассмотрело вопрос «О подготовке трудовых

резервов в ремесленных училищах». Тогда в училища было принято около 1,5 тыс. чел. А в 1943 г. система училищ выпустила уже 2,4 тыс. специалистов. Власти постоянно держали в сфере своего внимания этот вопрос. Причем важное место отводилось подготовке рабочих для лесной отрасли – это объяснимо, ведь лесная промышленность не только была ведущей в хозяйстве автономии, в ее продукции остро нуждалась страна и фронт. Между тем, подготовка ведущих рабочих профессий в тресте «Комилес», по мнению властей, не была должным образом налажена. Поэтому еще в 1941 г. Коми обком партии потребовал организовать подготовку лесорубов через стахановские школы. Следует отметить, что подобная тактика оправдала себя, и лесная отрасль в течение войны получала относительно неплохо подготовленные кадры [23].

Вместе с тем, война, конечно, не могла не сказаться на работе учреждений и профессионального образования. Местные власти неоднократно сетовали на сложные материальные условия, в которых действуют техникумы и училища. Многие из них были вынуждены работать без ремонта, не хватало учебного оборудования и инструментов, полностью отсутствовали соответствующие лаборатории, неудовлетворительно было организовано питание учащихся (только к концу войны положение в материальном плане несколько улучшилось). Остро не доставало и квалифицированных преподавателей. Порой это приводило к невыполнению учебных планов (особенно в практической его части), что, конечно, влияло на качество готовящихся специалистов. Вместе с тем, работа учреждений профобразования продолжалась. И за пять военных лет учреждения профессионального образования Коми АССР выпустили 10,3 тыс. специалистов по 35 различным профессиям [24].

Война и все с нею связанные трудности отразились на работе педагогического и учительского институтов. Численность студентов уменьшилась более чем в два раза, ряд преподавателей ушел на фронт. Особые сложности испытывало заочное обучение. Многие студенты-заочники в силу понятной занятости по месту основной работы на сессии не являлись. Это касается в особенной степени педагогических училищ: на сессии приезжало всего 30–50% студентов-заочников (в институт – до 85%). Серьезные просчеты в работе педагогических учебных заведений вызывала понятное недовольство местных властей. В мае 1944 г. выходит специальное Постановление СНК Коми АССР «Об улучшении работы педагогических училищ», в котором содержались требования – улучшить учебную и политико-воспитательную работу в училищах, переломить ситуацию с заочным обучением, эти требования подкреплялись определенной материальной помощью этим учебным заведениям. Серьезные

проблемы сопровождали работу не только педагогических училищ (особенно Усть-Вымского педучилища), но и педагогического и учительского институтов. Эти учебные заведения в течение всей войны испытывали определенные трудности с набором студентов (выпускники школ сразу стремились устроиться на работу, чтобы не быть обузой семье, многие семьи были и не в состоянии содержать студента). Так, в некоторых районах (Удорский, Ижемский и др.) план набора в Коми пединститут не выполнялся и наполовину. Сложно было поставить и учебный процесс в институте – ведь многие преподаватели находились в армии. Материальное положение пединститута было так же непростым: не хватало топлива, плохим было освещение, не доставало письменных и учебных принадлежностей. Нередко значительное время студенты были вынуждены проводить на общественных работах (лесосплав и т.д.). Естественно, это сказывалось на качестве учебы. Так, в 1945 г. почти треть студентов имела задолжности по тем или иным предметам. Однако работа институтов не прекращалась. За годы войны ими было выпущено более 500 учителей [25]. Помимо Коми педагогического и учительского институтов, на территории республики в годы войны действовал и эвакуированный из Петрозаводска Карело-Финский университет.

Когда же исход войны стал уже ясен, власти самым серьезным образом поставили вопрос о качестве работы пединститута, в марте 1945 г. состояние учебной и политико-воспитательной работы в Коми пединституте стало предметом рассмотрения на Бюро Коми обкома ВКП(б). Бюро наметило целый ряд мер по срочному исправлению недостатков. А в сентябре этого же года вышло специальное постановление Бюро обкома партии «Об улучшении работы педагогических учебных заведений Коми АССР» [26]. Так что власти, как мы видим, не стояли в стороне от этой проблемы.

В целом можно констатировать, что советская система народного образования, созданная в 1920–1930-е гг., выдержала военный «экзамен». Она не только продолжала функционировать, но и по мере возможности улучшалась: велась работа по повышению качества учебно-воспитательного процесса, уровня знаний учащихся, по развитию сети общеобразовательных и профессиональных учебных заведений. Большая работа была проведена по расширению сети детдомов и школ-интернатов, что было вызвано увеличением детской беспризорности в годы войны.

Немало сделал для поддержания нормальной работы учебных учреждений в военный период Наркомпрос Коми АССР (он был организован в июле 1938 г., почти сразу после создания Коми автономной республики). Большую часть военного времени Наркомом просвещения была

Агния Ивановна Подорова (1901-1972). С 1939 г. она занимает должность зав. отделом школ Коми обкома ВКП(б), затем становится наркомом просвещения автономии.

Конечно, на функционировании учебных заведений не могли не сказаться особенности военной поры: сложным было материальное положение, ощущалась нехватка педагогических кадров и т.п. После окончания войны перед образовательной системой стояли не только задачи ликвидации этих трудностей, но и проблема дальнейшего развития и совершенствования образования.

Литература и источники

1. Безносиков Я.Н. Культурная революция в Коми АССР. – М., 1968. – С. 192.
2. Национальный архив Республики Коми (далее НАРК). Ф. 241. Оп. 1. Д. 472. Л. 7; Д. 462. Л. 1-10б; Д. 413. Л. 10об; Д. 459. Л. 3-3об; Безносиков Я.Н. Развитие народного образования в Коми АССР. – Сыктывкар, 1973. – С. 90-91.
3. Республика Коми. Энциклопедия. – Т. 3. – Сыктывкар, 2000. – С. 304-305; Безносиков Я.Н. Развитие... – С. 93.
4. НАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 72. Л. 6.
5. НАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 72. Л. 53; Оп. 2. Д. 66. Л. 129.
6. Там же. Д. 383. Л. 80, 85; Д. 384. Л. 2; Д. 413. Л. 6; Д. 388. Л. 1, 25, 80, 85; Оп. 2. Д. 66. Л. 157; Д. 75. Л. 6. (7). НАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 72. Л. 32,38; Д. 348. Л. 35-37; КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 413. Л. 38.
8. Там же. Д. 348. Л. 9об, 39; КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 404. Л. 67, 87; Безносиков Я.Н. Развитие... – С. 92.
9. См.: КРГАОПДФ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 778. Л. 73; Д. 827. Л. 9, 31.
10. НАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 348. Л. 9; Культурное строительство в Коми АССР. 1938–1960. Сборник документов. – Сыктывкар, 1984. – С. 93.
11. НАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 413. Л. 20.
12. НАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 472. Л. 10-11, 18, 20, 21, 23.
13. НАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 462. Л. 1; Д. 348. Л. 33 и др.
14. НАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 462. Л. 1об; Д. 384. Л. 6об; Д. 472. Л. 51; Д. 430. Л. 14; Безносиков Я.Н. Развитие... – С. 90.
15. НАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 72. Л. 6об, 47, 101, 113; Оп. 1. Д. 383. Л. 48.
16. Там же. Д. 384. Л. 3об; Д. 348. Л. 26об-27.
17. Там же.
18. Там же.
19. НАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 459. Л. 1об; Д. 472. Л. 2.
20. Безносиков Я.Н. Развитие... – С. 92; НАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 472. Л. 3.
21. НАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 66. Л. 35; Д. 454. Л. 107; Д. 348. Л. 42об; Д. 472. Л. 3.
22. Безносиков Я.Н. Развитие... – С. 93-94.
23. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 403. Л. 77-78; Д. 454. Л. 25; Д. 402. Л. 72-73.
24. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 473. Л. 95; Д. 454. Л. 25; Д. 512. Л. 6-8.

25. НАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 363. Л. 1; Д. 430. Л. 116; Д. 462. Л. 1-1об; КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 512. Л. 24; Первенец высшей школы. – Сыктывкар, 1982. – С. 34.

26. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 473. Л. 104-106; Д. 512. Л. 76-79.

Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 04-06-96001.

Н.С.Калинин

КОМАНДИР ШТРАФНОГО БАТАЛЬОНА

В этой статье я хочу рассказать о боевом пути в годы Великой Отечественной войны своего брата Константина Степановича Калинина, который после войны 7 лет (1949–1956 гг.) служил в с.Помоздино райвоенкомом.

Мы – три брата, уроженцы д.Вендинги Удорского района, были мобилизованы на войну. Старший брат Степан (1904–1977) служил в гвардейском полку, воевал на «катюше»; я – младший из братьев (1924 года рождения) строил военные объекты в г.Архангельске. Константин (1918 г. рождения) участвовал во многих боях в качестве командира взвода, роты и батальона стрелкового полка. Трижды был ранен и дважды контужен. После войны 12 лет служил в военкоматах республики. Сегодня живет в г.Северодвинске Архангельской области, полковник запаса, инвалид I группы, имеет 16 правительственных наград.

В 1939 г. Константин был призван на действительную военную службу и, как имеющий среднее специальное образование (в 1938 г. окончил Ульяновский сельхозтехникум), был направлен в военнотехническое училище в г.Златоуст Челябинской области, которое окончил перед самой войной – в мае 1941 г. Здесь, на Южном Урале, была сформирована из уральцев и сибиряков 358-я стрелковая дивизия, где в составе 1189-го стрелкового полка начал службу молодой лейтенант в качестве командира саперного взвода. Затем дивизию перевели в г.Бугуруслан Оренбургской области, где она прошла специальную подготовку для участия в защите Москвы.

В начале ноября 1941 г. дивизия выгрузилась в районе Москвы, доукомплектовалась, бойцы получили зимнее оборудование и через неделю вступили в бой. Это было начало Московской битвы 1941–1942 гг.

После оборонительных боев в ноябре-декабре 1941 г. 358-я дивизия в составе 4-й ударной армии Калининского фронта перешла в контрна-

тупление и двинулась на север вдоль Ленинградского шоссе. Первые победы над врагом давались особенно тяжело: силы были неравные. Немецкие войска тогда имели большое преимущество в танках и авиации, а наши солдаты-пехотинцы в основном воевали стрелковым оружием. Да и зима 1941–1942 гг. оказалась на редкость снежной и холодной.

Отступающий противник нещадно бомбил позиции наших войск, сжигал дома, взрывал мосты и дороги. Немец не давал возможность ночевать даже в деревенских банях, спать иногда приходилось на морозе в лесу, на еловом лапнике. Бои были такими тяжелыми, люди погибали в таком количестве, что брат не надеялся остаться в живых.

Вспоминается ему такой случай. Как-то ехал он на лошади, полем. Внезапно из-за леса появился немецкий бомбардировщик. Летчик заметил верхового, самолет начал снижаться. Брат понял, что это за ним. Прятаться было поздно, да и негде. Успел только прижаться к телеграфному столбу, как немец выпустил пулеметную очередь. Пули просвистели на полметра выше головы.

В начале 1942 г. назначили его командиром лыжного отряда. Однажды командир дивизии отдал приказ отряду – взорвать мост в тылу немцев, в 18 км от передовой. Дошли до места, а мост уже взорвали партизаны. На обратном пути внезапно столкнулись с лыжным батальоном противника, сопровождавшим около 400 подвод для гарнизона, окруженного нашей дивизией в г.Демидово. Вступили в бой. До наших было недалеко, комдив прислал на помощь стрелковый батальон. Так и захватили все эти подводы...

В трех боях за г.Демидов Калинин получил первое ранение – осколком снаряда. Лежал в госпитале, вылезился. И снова в бой.

Летом 1942 г. в звании капитана Калинин был назначен зам. комбата 1189 стрелкового полка.

Шли тяжелые, кровавые бои в районе деревни Белая Церковь в Смоленской области. Был такой эпизод: «отутюжили» наши позиции около 20 «онкерсов», затем на дальней опушке леса внезапно появились немецкие автомашины. Более сотни фашистов ринулись в атаку. Идут, почти не пригибаясь, орут, машут руками. Оказалось – пьяные. Прут несмотря на наш огонь.

Однако и такую атаку удалось отбить. Даже самим не поверилось, как все получилось. А вечером, после боя, когда батальонная кухня готовила ужин, налетели наши штурмовики – «яки». Забросали 200-килограммовыми бомбами наши позиции. К счастью, потери от этого налета были невелики. Оказывается, даже командование не поверило, что мы удержим деревню, думали, там уже немцы.

Зимой 1943 г. вызвали Калинина в штаб 4-й ударной армии. После продолжительной беседы командующий генерал-лейтенант Курасов назначил его командиром вновь созданного 40-го отдельного штрафного подразделения армии. Со своим особым отделом, с двойным командным составом, с дисциплинарными правами командира полка.

Штрафников набирали из осужденных военным трибуналом, из освобожденных по бытовым и уголовным статьям («политиков» в штрафбат не брали). Прибывали они партиями по 200 человек. Боевая подготовка шла месяц. Использовали штрафников только в наступательных операциях. Позади шел заградительный отряд НКВД с пулеметами.

Первый бой батальона штрафников произошел в феврале 1943 г. в районе г. Велиж Смоленской области. Этот город считался важным стратегическим узлом в обороне немцев. Перед этим другая дивизия не сумела взять высоту, господствующую над местностью, так как силы ее были истощены непрерывными боями. Генерал Курасов приказал штрафбату Калинина атаковать противника.

Константин вспоминает подробности боя: «Атаковали рано утром. При поддержке артиллерии штрафники, не обращая внимания на дикие потери, с первого раза ворвались в окопы немцев. Мат сплошной, взрывы гранат в окопах... Мне самому пришлось ворваться в один из дзотов. Там – трое. Двое сразу тянут руки вверх, лопочут: «Поль, поль» (поляки, значит). А третий метнулся ко мне от пулемета. В руках ничего, так укусил мою левую руку изо всех сил. «Ах ты...» – думаю... Но не застрелил, просто ударил в подбородок рукояткой пистолета. В том бою мы пленили 22, уничтожили около 60 солдат и офицеров. Кроме того, обнаружили то ли бордель, то ли богадельню из 8-10 молодых девиц, которые обслуживали немцев прямо в окопах. Отправили их на допрос в штаб. За этот бой получил орден Красной Звезды.

Воевать со штрафниками было можно. Потери были, конечно, огромные среди них. Да и среди командного состава тоже. После атаки штрафбат немедленно уводили с передовой во избежание перехода в плен к немцам. Сразу уводили в тыл.

Последний бой капитан Калинин провел в октябре 1943 г. на белорусской земле. На этот раз он командовал штрафбатом в составе 43-й армии, куда попал после очередного ранения.

15 октября батальон штрафников с боем занял важную высоту в районе Витебской возвышенности, но удержать ее не смог. К исходу дня немецкие части поддерживаемые интенсивным минометным огнем, контратаковали и отбили высоту. В рядах противника преобладали

пьяные власовцы, которые с русским матом волна за волной шли на высоту, и выбили штрафбат на исходные позиции.

Ночью командир корпуса по телефону дал приказ: вернуть высоту обратно. 16 октября рано утром начался штурм. Теперь уже горячие выражения звучали со стороны штрафников. Словно волна уничтожающей ненависти прокатилась тогда по высоте. Особенно досталось русским-власовцам.

Когда заняли позицию на высоте, в окопах было тесно от вражеских трупов. Калинин решил сам осмотреть окопы, показать своим штрафникам, что командир жив. Начал переползать от одной линии к другой. И тут резко ударило в стопу – разрывная пуля. Сработал снайпер, засевший в кустах. Он успел также вывести из строя его заместителя и двух ординарцев, которые пытались вывести командира из поля боя. За этот бой Калинин награжден орденом Отечественной войны I степени.

В госпитале г.Калинина брату сказали, что стопа сильно повреждена, началась газовая гангрена, и ногу надо ампутировать. Он отказался. Сделали еще одну операцию и через две недели отправили в глубокий тыл – в г.Свердловск, где он лечился до апреля 1944 г. Затем был уволен из действующей армии как инвалид II группы. Направили на работу в органы местного военного управления Коми АССР.

После 12 лет работы в военкоматах республики демобилизовался в 1956 г. в звании подполковника.

Н.И.Сурков

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СУДЬБАХ МОИХ БЛИЗКИХ

Самая жестокая война XX в., 60-летие окончания которой исполниться в ближайшее время, не обошла стороной ни одну семью тогдашнего Советского Союза. И сейчас, спустя многие годы, каждому человеку есть что сказать о том, как отзывалась война на его семье. На моей семье и моих близких Великая Отечественная отразилась самым разнообразным видом.

С войны не вернулся брат моей матери Петр Михайлович Мотин. Мои старшие родственники до сих пор не могут смириться с этой утратой. Петр отличался заботой о близких, не мог приехать домой без подарка для каждого. Был он заводилой в добром деле, человеком весе-

лого нрава, хорошо пел и плясал. Обладал острым природным умом, любовью к земле. Сначала окончил сельхозтехникум, потом – институт, партийную школу. Работал агрономом, к нему приходили за советом старые хлеборобы. По его чертежам в колхозе изготовили стогометатель, который облегчил труд односельчан.

В начале 1940 г. Петра Мотина, как офицера запаса, мобилизовали на войну с Финляндией. Пока везли, скоротечная военная кампания завершилась. Но Мотина не отпустили домой.

Великая Отечественная застала Мотина в Курске, откуда его перевели в город Гороховец Горьковской области. Там он стал обучать танкистов. Как преподаватель военного училища имел бронь, мог бы жить с семьей и воспитывать курсантов. Но подал несколько рапортов, чтобы не остаться в стороне от боевых действий, и в 1942-м ушел в действующую армию. Очевидцы запомнили, как двухлетний сынишка Валерик тянул вслед ручонки и плакал: «Папа, не уходи!». Петр Мотин участвовал в Сталинградской битве, горел в танке, лечился в госпитале.

Моему дяде посчастливилось дожить до Победы и отпраздновать ее. С окончанием войны ему поручили заниматься отправкой демобилизованных воинов на Родину. Он провожал их и с нетерпением ждал своего часа: обком направил командованию запрос о направлении Мотина в их распоряжение. Но случилось непредвиденное. Моему деду Михаилу Илларионовичу пришло письмо, подписанное начальником штаба капитаном Молочковым. Крупным каллиграфическим почерком в нем написано, что старший лейтенант Мотин Петр Михайлович погиб при исполнении воинского долга, похоронен в местечке Рансдорф. В его лице Красная Армия потеряла способного командира. А было-то ему всего 33 года.

В письмах Петр Михайлович имел обыкновение обращаться к каждому члену семьи. Так, в последнем сохранившемся письме, написанном 7 августа 1945 г., ровно за месяц до своей гибели в автомобильной катастрофе, он обращался и к моей матери – Акулине Михайловне: «Киля, что-то ты молчишь. Я от тебя давно никакой записочки не вижу. Как растет твой мальчик?». Это первое письменное упоминание о моем существовании. Меня охватывает неподдельное волнение. Обо мне из Берлина спрашивает родной человек, которого не суждено было увидеть.

Брат Петра Михайловича Николай Михайлович Мотин 1920 года рождения осенью 1940 г. был призван на действительную службу. С самого начала служил у западных рубежей страны, где встретил Великую Отечественную. С первых дней войны под постоянным огнем врага налаживал связь. А связисты, как известно, погибали одними из первых.

После очередного ранения выучился на пулеметчика, которых тоже неприятель стремился уничтожить в первую очередь. Не менее пяти раз был ранен. Кисть правой руки от ранения была деформирована, всю жизнь проносил осколки, часть из которых, причиняя невыносимую боль, постепенно выходила наружу. Дядя Коля всегда с гордостью говорил, что воевал в линейных войсках, т.е. был на передовой. Прожил старый солдат до 74-х лет и умер, стойко перенося мучительное заболевание – рак желудка.

На фронте с начала войны был и третий мой дядя, старший брат отца, Михаил Захарович Сурков. С мая 1941 г. он, старший лейтенант, находился на воинских сборах в есенинских местах – в селе Константиново Рязанской области. До войны учился в Академии связи им. В.Подбельского, преобразованной в гражданский ВУЗ. Ему поручили вести связь полка. Михаил Захарович воевал в 33-й армии, пережившей трагическую историю. В октябре 1941 г. в районе города Боровска Калужской области вместе с одним офицером вывел из окружения большую группу солдат, собранную из разных воинских частей. За это был награжден орденом Красной Звезды, что было тогда, при массовом отступлении, большой редкостью. Вся дивизия знала награжденных. Но в апреле 1942 г. 33-ю армию постигла большая неудача. Ее значительная часть была окружена в районе г.Вязьмы. Командарм, генерал-лейтенант М.Г.Ефремов, чтобы не попасть в руки врага застрелился. Многие попали в плен. Весной 1945 г. пленных освободили американцы и в Вене передали советской стороне. Даже при том подходе к пленным со стороны Сталина бывших военнослужащих 33-й армии фильтровали отменно. Их направили в Восточную Сибирь охранять японских военнопленных. Только в 1947 г. Михаила Захаровича демобилизовали. Он умер в 1998 г. на 92-м году жизни.

Четвертый мой дядя по матери Павел Михайлович Мотин 1923 года рождения был захвачен наступившими немцами и отправлен на каторжные работы в Германию, где пробыл до конца войны. Кормили всякими отбросами. Варили заключенным ботву турнепса, плохо промытую с червями. Некоторые брезгливые выбрасывали из миски, другие просили бросать к ним. В случае болезни заключенных увозили, и они исчезали бесследно. Обращение было необыкновенно жестоким, беспощадно наказывали за проступки. Так, один от голода вырвал на огороде свеклу. Хозяин доложил об этом охране. Провинившемуся надели на голову «парашу», избили до потери сознания. Подъехала машина, голову положили под задние колеса и дали ход. После тело убитого бросили в

кузов машины. Павлу Михайловичу удалось вынести эти страдания, сейчас он живет в г.Владимире.

Его жена Мария Герасимовна в несовершеннолетнем возрасте также была угнана в Германию. Там заставили работать на патронном заводе. Однажды пресс взорвался. Ее подруга превратилась в живой факел. С треском горели волосы. Кожа лица стекала потеками. Она кричала от невыносимой боли. Подбежал немецкий мастер, разбил стекло ящика, где было одеяло. Набросил его на горящую девушку, и пожар прекратился. С плачем просила пострадавшая дать ей зеркало, чтобы посмотреть на себя, но никто не решился это сделать, так как лицо было изуродовано. Через два дня от полученных ожогов девушка умерла.

Трагическая судьба постигла непосредственно и мою семью. Поэтому не могу я без волнения слушать песню, которая начинается словами: «Враги сожгли родную хату, сгубили всю его семью». Первая строчка не полностью относится ко мне. Мою хату, а вернее кирпичный дом на обе стороны, не сожгли, а разбомбили. А вот вторая строка на все сто процентов подходит мне. Вся моя семья погибла в годы войны. На сохранившемся фотоснимке 1940 г. изображена большая семья Сурковых: мой отец Иван Захарович со старшим сыном Витей, моя мать Акулина Михайловна с младшим сыном Толей, дед по отцу Захар Николаевич, тетя Анастасия с мужем, имя которого неизвестно. А мне предстояло родиться спустя два года.

В годы Великой Отечественной войны мои родные места, а это на стыке Орловской и Курской областей, были оккупированы гитлеровцами. Отца по состоянию здоровья не призывали в Красную Армию. Но фашисты вместе с другими мужчинами угнали его в один из концлагерей на границе с Белоруссией, там заставили заготавливать лес. Однажды отец, бывший колхозный комбайнер, отличавшийся физической силой, поссорился с конвоирами, отнял у одного из них винтовку, погнался за оккупантами. Но на него набросились и обезоружили. Поломали обе руки и бросили в карцер. Когда земляк принес ему еду, охранник прогнал его с криком: «Капут!». Земляком был житель соседнего села Герасим Павлович Бушученков, дочь которого после войны вышла замуж за моего дядю по матери. Поэтому мне стала известна трагедия моего отца.

Деда Захара во время оккупации немцы убили. Местных жителей гоняли рыть окопы. А он занедужил. Так его сбросили с печки, до полу-смерти избили дубинками и сапогами. Через два дня он, поплевав кровью, умер. Тетя Настя, сестра отца, умерла в период оккупации. Это была молодая красивая женщина, работавшая до войны учительницей

русского языка и литературы. Ее муж погиб на войне. У них осталась дочь Лариса, судьба которой до настоящего времени не известна.

В период войны и в далеком тылу всем досталось. Но во много крат труднее пришлось мирным жителям, где полыхала война. Люди пережили надругательства и издевательства оккупантов, налеты вражеской авиации, канонаду и стрельбу со всех видов оружия, смерть многих своих близких. У женщин-матерей разрывалось сердце от дум, чем накормить своих детей, о себе и думать было некогда. Они жили в постоянном страхе за судьбу своих мужей, сыновей и дочерей, находившихся на фронте.

В конце февраля 1943 г., когда началась подготовка к сражению на Орловско-Курской дуге, все местные жители были эвакуированы из родных сел. Тысячи из них попали в фашистские концлагеря. Моя мать тремя детьми оказалась в Слуцком концлагере Минской области. Лагерь с вышек охраняли вооруженные часовые. Было натянуто несколько рядов колючей проволоки, а в ней разрывы. Через них обитательницы лагеря пытались проникнуть наружу, чтобы раздобыть хотя бы немного хлеба, побираясь среди местных жителей. По возможности они помогали, несмотря на все запреты, как со стороны немцев, так и партизан. Последние это делали в целях безопасности и лучшей конспирации, что вполне оправдано. Если охрана не пристреливала, возвращались тем же путем к оставшимся в бараках детям.

Эту операцию заключенные, не считаясь со смертельной опасностью, повторяли неоднократно. Все кормление заключалось в пол-литре баланды на человека, где плавали кожа от проса, очистки картофеля, а изредка попадался и сам картофель и сто грамм так называемого хлеба. Это было все вместе – завтрак, обед, ужин.

Моя двоюродная тетя Екатерина Никитична Федорова (Юданова), ей тогда было 14 лет при весе в двадцать килограмм, писала мне: «Ходили как тени и то было изъедено вшами. А ты, Коля, был как старичок, как заплачешь, лицо покрывалось морщинами, а ручки и ножки были как плеточка». Мне довелось остаться в живых. Как утверждают старшие, спасло то, что я был грудным и, можно сказать, вытянул себе жизнь из материнской груди.

Но смерть косила беспощадно и в первую очередь детей. Рядом с лагерем был огромный ров, куда каждый день складывали до двухсот тел, присыпали землей, а на следующий день – новый ряд. Ранее в лагере содержались советские военнопленные, которых расстреляли, а тела сбросили в ров. В некоторых местах виднелись фрагменты шинелей, обувь и пена. От нечеловеческих условий содержания – голода, болезней, холода – погибли оба моих старших брата.

Но этим далеко не ограничивались страдания узников. Дело в том, что партизаны, ведя борьбу с фашистами, минировали дороги. Но вражеские солдаты первоначально гоняли по дорогам и окрестностям людей из концлагеря, заставляя их тащить бороны или бревна. Однажды моя мать вместе с другими вернулась в холодный барак и обнаружила младшего сына без движений. Конечно, для нее это был вверх несчастья. Ее дядя, тоже узник, стал на нее кричать: «Вынеси покойника!» Но материнское сердце не успокаивалось. Я отогрелся, зашевелился, тогда она стала плакать еще громче, но теперь уже от радости. В последующем она не оставляла меня одного, а брала с собой.

Нас беда обошла, но некоторые люди подорвались на установленных минах. Тогда партизаны прекратили минирование и перешли на срезание телеграфных столбов. Немцы в ответ пригрозили за диверсии расстреливать каждого десятого узника. Тогда партизаны приостановили диверсии, а немцы оставили в покое заключенных. Иногда я говорю, что ни одного дня не довелось побывать в пионерском лагере, но зато у меня компенсировалось пребыванием в другом лагере.

В июле 1944 г. после освобождения Белоруссии нашими войсками оставшиеся в живых узники вернулись домой. Спустя три года после войны моя мать скоропостижно скончалась в возрасте 38 лет. После соответствующего оформления мне присвоен статус несовершеннолетнего узника фашистских концлагерей. Германский фонд «Взаимопонимания и примирения» уплатил мне полагающуюся компенсацию. Так что они, по их мнению, рассчитались со мной за гибель моей семьи, за сиротское детство.

Н.С.Калинин

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Калинин Александр Иванович – кадровый военный, более 40 лет жизни посвятил служению Советской Армии. Родился в 1901 г. в с. Вендинга Ертомской волости Яренского уезда (ныне Удорский район Республики Коми) в семье крестьянина. Рано оставшись сиротой, сумел пробить дорогу в жизни. Окончил Вендингскую церковно-приходскую школу и высшее начальное училище в г.Яренске (1916 г.). Два года занимался крестьянством в хозяйстве дедушки.

Осенью 1918 г. белогвардейцы по Мезени и Вашке проникли на Удору. Они безжалостно расправлялись с активистами, сторонниками

советской власти. Многие молодые парни, чтобы не служить белым, бежали кто в лес, кто на Вычегду. Среди них были двое из Вендинги – Саша Калинин и Федя Ершов. Взяв охотничьи ружья и запас патронов, через леса и болота пробились они до уездного центра – г.Яренска. Саша до этого окончил здесь училище, и дорога от Вендинги была ему известна [1].

В Яренске 17-летний Саша Калинин записался добровольцем. В отряде, куда он попал, научили стрелять из винтовки, познакомили с устройством пулемета. Сначала он был чекистом в уездном ЧК, боролся против врагов революции. В скором времени отряд Чеченко, где Александр был пулеметчиком, влился в состав Вашско-Мезенского полка, который был сформирован на Удоре для борьбы с белогвардейцами. В этом же полку служили два старших брата – Константин и Михаил.

Тяжелые бои шли в районе Важгорта и Коптюги. Бои за овладение Важгортом – опорным пунктом белогвардейцев – шли 10 часов. Здесь большую роль сыграли пулеметные расчеты. Коптюгу атаковали три дня безуспешно. Белые здесь так капитально окопались, что не только пулеметами, но и пушками не удалось пробить их оборону [2].

После вывода полка из Удоры Калинины участвовали в боях на Северной Двине против белогвардейцев и интервентов. Александр Иванович вспоминал такой эпизод того времени: «Наступали вдоль Сев. Двины. В одном из боев на нас пошли английские танки. Мы таких «железных зверей» видели впервые и сильно испугались. Многие стали отступать. Но не испугался командир нашего пулеметного взвода, который бросился к моему пулемету и скомандовал: «Огонь по белым!» Танки ушли вперед, а «Максим» прижал беляков к земле. Когда танкисты увидели, что солдаты у них отстали, они не стали дальше проникать в нашу сторону. После этого мы уже не так робели перед «железными зверями» [3].

В сентябре 1919 г. полк, где служили три брата Калинины, после пополнения людьми и оружием, перебрасывают в Петроград, против Юденича. Враг с большими силами рвался в Питер. На Пулковских высотах завязались тяжелые бои. Беспрерывно шла пальба из пушек с обеих сторон, не умолкали пулеметы, рвались гранаты. Враг не выдержал огня, ряды его дрогнули и откатились на Запад. Красная Армия прогнала Юденича до границы с Эстонией. На этом наступление наших войск прекратилось. Эстония заключила мирный договор с Советской Россией [4].

В дальнейшем военная служба Александра Калинина была связана со штабной работой. Его определили сотрудником штаба 5-й бригады 2-й дивизии. Но с пулеметным расчетом он не распрощался. При штабе были две пулеметные тачанки. Дивизия тогда воевала на Польском

фронте против белополяков. Больше всего беспокоила вражеская Кавалерия.

Александр Иванович вспоминал такой случай. Как-то наша дивизия двигалась во втором эшелоне. И вдруг совершенно неожиданно из-за леса появился вражеский кавалерийский эскадрон. Конная лавина с пиками наперевес двигалась в сторону расположения штаба. Стрелковый взвод, охраняющий сотрудников штаба, бросился к реке. Тогда я кинулся к одной тачанке, дал команду пулеметчику второй тачанки: «За мной! Огонь по вражеской кавалерии!» Огонь двух пулеметов ошеломил кавалеристов, их ряды смешались, пораженные огнем остатки повернули назад. Так мы спасли свой штаб от разгрома. За это нас, пулеметчиков, командир дивизии наградил именными часами [5].

После окончания гражданской войны Калинин был направлен учиться в Высшую школу. 9 августа 1921 г. Ревком Коми автономной области выдал ему удостоверение-рекомендацию следующего содержания: «Предъявитель сего тов. Калинин Александр Иванович, происходящий из граждан с.Вендинги Ертомской волости Удорского района, будучи 17 лет отроду, в 1918 г. вступил добровольцем в партизанский отряд и до сего времени состоит на службе в Красной Армии. За время своей службы проявил себя честным борцом революции, гордо и храбро, не щадя своей жизни, защищал интересы трудящихся. Товарищу Калинин, как являющемуся из лучших и стойких борцов за советскую власть, безусловно должны быть представлены все права и льготы при поступлении в высшее учебное заведение вне всякой очереди» [6].

Александра направили на учебу в 1-ю Ленинградскую артиллерийскую школу имени Красного Октября. Будучи курсантом школы, в сентябре 1921 г. его принимают в ряды РКП(б).

В траурные дни 1924 г. курсант III курса артшколы А.И.Калинин в составе Петроградской партийной организации участвовал в Москве на похоронах В.И.Ленина. Вот как Александр Иванович вспоминал это событие: 22 января вызывают меня к секретарю Петроградского комитета РКП(б). Секретарь мне сказал: «Ты избран делегатом на похороны Ленина» и вручил мандат. Наша делегация 25 января ранним утром прибыла поездом в Москву. Москва была в трауре. Мы сразу же с транспарантами в руках отправились в Колонный зал Дома Союзов. Встали в почетный караул у гроба В.И.Ленина. Рядом с нами стояла сестра Ленина – Мария Ильинична Ульянова» [7].

После окончания артшколы в 1924 г., Калинин два года служил в артиллерийских частях Красной Армии, расположенных в Краснодарском крае. В 1926–1927 гг. учился в Ленинградской авиационной школе,

по окончании которой стал военным летчиком-наблюдателем. С этого времени он связал свою жизнь с военной авиацией. Служил по специальности в авиаэскадрильи инструктором-летнабом в военной школе летчиков в Оренбурге.

В 1933 г. Александр Иванович закончил на «отлично» третье военное учебное заведение – Военно-воздушную академию имени Н.Е.Жуковского в Москве. Это был первый выпуск инженеров-ракетчиков. После академии два года работал в научно-исследовательском институте по авиавооружению [8].

С 1935 г. и в годы Великой Отечественной войны А.И.Калинин работал в центральном аппарате Управления ВВС Красной Армии на руководящих инженерных должностях: начальник отделения, отдела, с 1942 г. – зам. начальника управления заказов вооружения и боеприпасов ВВС. Работа была связана с вопросами создания и внедрения новых средств вооружения авиации в серийное производство и приемкой этой техники военным аппаратом. Часто выезжал в действующие авиационные части, чтобы узнать какие новые виды вооружения использует противник, насколько эффективно работают наши системы. По делам службы имел контакты с главным конструктором ракетной техники С.П.Королевым [9].

Александр Иванович несколько раз подавал рапорты с просьбой направить на фронт, но ему отвечали, что надо работать в тылу, заниматься вооружением авиации современной техникой.

В октябре 1953 г. А.И.Калинина командировали в Китайскую народную республику, где он прослужил до мая 1959 г. В КНР проводил работу по линии Госкомитета по внешним экономическим связям, в основном по оказанию технической помощи вооруженным силам страны. За эту работу он награжден советским правительством орденом Красной Звезды. Китайское правительство его труды отметило медалью и Почетной грамотой, подписанной премьером Госсовета КНР Чжоу-Энь-Лаем. В Почетной грамоте, в частности, говорится: «Товарищ, А.И.Калинин! В период Вашей работы в Китае, длившейся в течении пяти с половиной лет, Вы успешно направляли и организовывали работу советских специалистов в промышленности и, используя передовой опыт Советского Союза, внесли большой вклад в дело строительства промышленности нашей страны» [10].

По возвращении из Китая А.И.Калинин снова работает в Управлении ВВС Вооруженных сил СССР. В 1960 г. вышел в отставку, работал на общественных началах в системе ДОСААФ, райвоенкомате и других организациях. За активное участие в оборонно-массовой и военно-

патриотической работе среди молодежи награжден Почетной грамотой ЦК ДОСААФ, почетным знаком Советского комитета ветеранов войны.

А.И.Калинин – генерал-майор инженерно-технической службы с августа 1944 г., награжден 23 орденами и медалями, в том числе орденами Ленина, Красного Знамени, трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды. Умер Калинин 19 января 1985 г. в Москве. Урна с прахом, по его завещанию, захоронена в Сыктывкаре в могиле старшего брата – Михаила Ивановича.

В Вендинге на стене здания метеорологической станции, основанной его отцом, в 1987 г. установлена мемориальная доска с надписью: «Памятная доска установлена в честь земляка – удорчанина генерал-майора авиации Калинина Александра Ивановича» [11].

В Важгортском народном музее при средней школе хранятся личные вещи и фотографии Калинина. Следопыты Важгортской средней школы под руководством учителя истории Б.И. Петрова еще 1960-е гг. подробно изучили материалы о династии Калининых из Вендинги. Однажды они написали письмо Александру Ивановичу с просьбой передать школьному музею что-нибудь из личных вещей и документы. Через некоторое время получили ответ из Москвы: «Дорогие ребята! На ваше письмо отвечаю со значительным опозданием, за что прошу меня извинить. Одну часть вашей просьбы я уже выполнил и послал в ваш адрес по почте то, что у меня нашлось от генеральской формы: погоны генерал-майора авиации – парадные, погоны повседневные, петлицы от шинели – генеральские, темляк (тесьма с кистью – прим. автора) к парадному холодному оружию генерала авиации и четыре фотографии»... [12].

В августе 1965 г. краеведов Важгортской школы пригласили в Москву для участия во Всесоюзной научно-практической конференции юных краеведов, где им вручили Почетную грамоту Центральной детской туристической станции Министерства просвещения РСФСР за активную работу. Там у них возникла мысль о встрече с генералом-земляком А.И.Калининым.

«Принял нас Александр Иванович очень тепло, – писал в своем дорожном дневнике юный краевед Александр Арефьев. – Сначала поинтересовался, как мы устроились, как прошла конференция, где уже побывали, понравилась ли Москва. Затем мы попросили его рассказать о своей жизни от солдата до генерала. Рассказывая о себе, Александр Иванович показывал альбомы с фотографиями, документы, надевал генеральский мундир. На память о встрече подарил нашему музею свой мандат участника похорон В.И.Ленина с грифом «Без права передачи в

другие руки» и уникальные фотографии, на которых запечатлены траурная Москва, гроб Ленина в Колонном зале, Петроградская делегация, похоронная процессия на Красной площади» [13].

В 1987 г. в фонды республиканского историко-краеведческого музея поступила коллекция экспонатов о генерал-майоре авиации А.И.Калинине. Более ста документов, фотографий, личных вещей Александра Ивановича передала в дар музею его жена Евдокия Степановна, побывавшая в Сыктывкаре [14].

Литература и источники

1. Улитин А. Олѳмсѳ снис авиациялы (Жизнь посвятил авиации) // Войвыв кодзув, 1979. – № 8.
2. Демина Е. Жизнь, отданная революции // Красное Знамя, 1987. – 21 окт.
3. Улитин А. Там же.
4. Улитин А. Там же.
5. Улитин А. Там же.
6. Демина Е. Там же.
7. Петров Б. Поиск венчают находки (Из опыта работы юных краеведов). – Сыктывкар, 1972.
8. Демина Е. Там же.
9. Улитин А. Там же.
10. Демина Е. Там же.
11. Виль туйѳд, 1987. – 20 нояб.
12. Петров Б. Поиск венчают находки...
13. Петров Б. Калининъяс. Виль туйѳд, 1987. – 18 авг.
14. Демина Е. Там же.

Н.И.Сурков

СУДЬБА СОЛДАТА

Петр Васильевич Смирнов родился 23 ноября 1919 г. недалеко от маленького городка Кувшиново, что в Тверской области. Родственники были работающими, имели достаток. Дед по отцу занимался продажей леса. В период нэпа сложились своеобразные условия. Многие предприимчивые люди организовали свое дело. Дядя по отцу, к примеру, имел два магазина. Состоятельными людьми были родственники и по материнской линии. Отец тоже, не покладая рук, работал в лесной промышленности. Был начальником сплава, директором леспромхоза. Мать вела домашнее хозяйство. Да, иначе нельзя было, ведь в семье насчитывалось пять детей.

Старшая Тамара родилась в 1917 г., живет в отцовском доме в Кувшинове. Она участник Великой Отечественной войны, дошла со своей частью до Берлина, а потом заканчивала войну на Дальнем Востоке. Следом шел Петр. За ним в 1923 г. родилась сестра Зина, которая живет с детьми в Петербурге. В 1925 г. родился брат Николай. Он погиб в годы войны. Был танкистом, награжден орденом Красной Звезды. Самым младшим был брат Александр 1927 года рождения, погиб вследствие несчастного случая – попал под поезд.

Петр с детства отличался смекалкой, с ранних лет приобщился к труду. Все его образование завершилось шестью классами. Учился бы дальше, да случай помешал. В школе подрался – приходи с отцом. Отказался вести отца и бросил школу. С 15 лет стал работать шахтером. Неподалеку добывали уголь. Глубина шахты около 90 метров, пласт угля 4 метра. Но вскоре шахту затопило и шахтерская карьера на этом оборвалась. А тут пришло время солдатской службы.

В октябре 1939 г. Петра призвали в Красную Армию. Новобранец высокого роста, сильный физически – 40-пудовую ударную бабу валил и ставил на место. Подходил к службе на флоте. Но снова помешал господин случай. Искупался в холодной воде и заболел скарлатиной. Признали годным к нестроевой службе.

Вместо морфлота направили в артиллерийский дивизион, дислоцированный в Сталинобаде. На вооружении были 76-миллиметровые пушки. За три минуты следовало разобрать орудие и погрузить на лошадь. При команде «отбой» надо было подготовить пушку к бою. Пришел навык, стал укладываться в норму.

Задерживаться долго в армии не было желания – дома ждала одноклассница Клава. А через год пришло известие – Клава вышла замуж за отслужившего солдата. Тяжелая служба помогла забыться и перенести нанесенную обиду. Этому способствовало и новое назначение в г.Куляб, где находился кавалерийский полк с приданной ему артиллерийской батареей. Не все сложилось гладко на новом месте. Не мог снести придиричивого к себе отношения одного сослуживца. Побил обидчика, за что получил 10 суток гауптвахты. Но через некоторое время они стали лучшими друзьями. Потом направили служить в воинский склад.

Служба шла к концу. На смену прислали молодого солдата, которого следовало обучить нехитрым обязанностям, сдать дела и домой. Да не тут-то было. Как гром грянула война! Сразу же дивизию развернули в две и одну из них направили на фронт. Петр попал в ту, которая осталась на месте. Через две недели – тревога. Пошли по направлению Курган-Тюбе, Термез. Надо было укреплять южную границу. Стояли

целый месяц. Потом дивизию погрузили и повезли, куда – неизвестно. Думали на фронт. Но оказались в Красноводске. Многие впервые увидели море. На рейде стояли корабли, баржи. Погрузились на плавсредства и переправились через Каспийское море.

Высадились на берег. Кругом лес, горы. Всех закачало, перемутило, многих даже рвало. Не успели прийти в себя от морской болезни – в глазах все мешалось, где земля, где небо. Команда – вперед! Перешли границу и внедрились в Иранскую территорию. Направление движения – Тегеран. С юга к Тегерану шли союзники – американцы, англичане, индийцы. Приказали вести себя осторожно, ничего не трогать, не воровать. Иначе могут расстрелять. Надо было показать пример образцового поведения. А вот кормили плохо. На день выдавали 200 г сухарей. От недоедания, отсутствия витаминов появилась куриная слепота, дизентерия, нарушился стул. Как-то повезло: нашли палую лошадь – ребра да кожа. Но пошли на еду и эти остатки.

Некоторые солдаты не выдерживали: стали фактом случаи дезертирства среди солдат среднеазиатского происхождения. Одна вера, общие традиции, языки близкие. Некоторые из них женились на местных женщинах. Но шла работа и по выявлению дезертиров. Применяли к ним самые строгие меры – расстрел.

Петр неоднократно просился на фронт, но шел год, второй и никаких изменений. Сформировали отдельный стрелковый батальон в полторы тысячи человек. Солдат одели, обули, выдали шляпы. Фотографироваться запрещали. Погрузили на машины и повезли на юг, на самый берег Персидского залива. Некоторые наши политики мечтают помыть сапоги в Индийском океане, так они опоздали. Петр Васильевич это сделал уже более шестидесяти лет назад.

По прибытии разбили палатки. Вступили в постоянный контакт с американцами и англичанами. Первоначально охраняли станции, проверяли составы, пломбировали их. Задача наших войск заключалась в приеме грузов, которые направляли союзники Советскому Союзу по ленд-лизу. Это – военная техника, боеприпасы, продовольствие. После проверки составы отправляли до Тегерана. Каждые сутки из батальона уходили 70-100 человек. Через двое-трое суток они возвращались. В Тегеране американцы сдавали груз нашей стороне. Работа была напряженной. В сутки уходило до 50 составов. В виде помощи поступали и американские автомашины. Их грузили и отправляли сразу до самой советской границы.

Запомнился гористый ландшафт. Где-то далеко внизу люди, как насекомые, дома со спичечный коробок. Между двумя скалами мост,

построенный немецким инженером. Были попытки вражеской стороны взорвать его и прервать сообщение. Но его тщательно охраняли. В горах водились тигры и свиньи. В реках было много рыбы, но ловить ее было некогда, да и запрещали. Петр Васильевич до сих пор помнит экзотические фрукты, специфические запахи специй – хурма, финики, халва, плов. Необычная страна, свои традиции. Идет толпа, и каждый нещадно бьет себя цепями. Близко к процессии подходить нельзя и не вмешиваться в их дела.

Кормить стали хорошо. Порой проходили встречи с союзниками. Англичане запомнились гордыми, просто вели себя американцы. Жили они в кирпичных домах, комнаты на два человека. На стенах никаких портретов политических деятелей, а только изображения красивых женщин. Посещали их клубы – мягкая мебель, буфеты. На столах бесплатно конфеты, печенье. Кто читает, кто играет в бильярд, можно смотреть западный фильм. В столовой столы на два человека.

В конце 1942 г. пришел приказ отправить дивизию на германский фронт. В течение недели сдавали свои дела прибывшим с фронта. Некоторые были ранены, имели ордена и медали. Довезли до границы, погрузили на корабли. И вдруг отбой. Оказалось – вновь прибывшие, которые считали, что им море по колено, напились технического спирта. Двадцать один человек отравился. Командование распорядилось каждую категорию военнослужащих водворить на свои места. Фронтовики снова отправили на войну.

В конце 1944 г. поступил очередной приказ – на фронт. Теперь окончательно. Опять погрузка на корабли, потом поездом. Прибыли в Румынию, далее направление – Венгрия, озеро Балатон, что примерно в 180 км от Будапешта. Мост через Дунай был взорван. Довелось принять участие в боях, даже ранение получил. А тут и война закончилась. На широкой груди заблестела медаль «За победу над Германией». Но служба продолжалась. Охраняли нефтяные вышки, нефтеперерабатывающий завод.

Невозможно было не обратить внимание на высокий уровень жизни венгров. Благоприятный климат, щедрая природа, вдоволь всяких плодов: вишни, яблоки, груши, сливы, виноград. У каждого хозяина винные погреба. Дома крыты черепицей, налажено газоснабжение. В каждом дворе полно домашней живности – коровы, лошади, поросята, куры, гуси. Чисто не только в доме, но и во дворе. По лесу можно пройти в ботинках. По вечерам молодежные гулянья. Девушки приходили с корзинами всяких угощений. Нигде не видели пьяных, никаких скандалов и драк.

В конце 1945 г., наконец-то, дали отпуск. Долго добирался солдат до родного дома. Ехал через Киев, Харьков, Москву. Вот и дом родной, который не видел целых шесть лет. Уже подходил к отчому дому, на крыльце сидела родная мать. Услышал ее фразу: «Военный идет, кому-то счастье». А счастье шло прямо к ней. Не узнала старая мать своего сына.

За время отпуска кое-что помог по дому. Руки исстрадались без крестьянского труда. Но заболел малярией и опоздал в свою часть. Правда, командир поверил. В воинскую часть для работы на кухне, в прачечной прислали русских девушек, угнанных ранее немцами на каторжный труд в Германию. Среди них была Анна Алексеевна Мишина, уроженка Курской области. Познакомились, поженились. В ноябре 1946 г. после семилетней службы солдата демобилизовали.

Молодые приехали в Курск. Все было разбито, кругом руины. Решили уехать в Калининскую область. Петр Васильевич брался за любую работу. Никогда не было сомнения, что не справится. Неплохо зарабатывал, да и надо было – родились две дочери, а в 1953 г. – долгожданный сын. После десяти лет семейной жизни произошел резкий поворот в его жизни. Судьба свела его с женщиной Таисией. Но никогда не порывал связей Петр Васильевич с прежней семьей. Постоянно общался с детьми, никогда не отказывал им в дополнительной материальной помощи, да и Таисия по-доброму относилась к ним.

В 1961 г. Петр Васильевич, как и многие земляки, приехал в Сыктывкар. Город бурно строился, возводились жилые микрорайоны. Нет ни одного крупного объекта в городе, где бы не работал Петр Васильевич. Сначала строил аэропорт, детскую музыкальную школу, пионерский лагерь в Кочееге, птицефабрику в Вьльгорт. Потом участвовал в строительстве ЛПК. В 1966 г. после долгих уговоров принял бригаду. Поручали выполнять самые сложные работы – строили радиопункт, телецентр, Орбиту, где делали прочный фундамент. Работали на здании Госсовета. Там заливали фундамент на глубину до четырех метров. На мелькомбинате из бетона изготавливали емкости для зерна, чтобы нигде не просачивалась вода, заливали прочный фундамент. Приходилось заливать до 200 тонн бетона. Притом делать это надо было непрерывно, быстро. До двух суток не отлучались с рабочих мест.

Сложный фундамент делали при строительстве мебельной фабрики. Оборудование было германское. Тщательно с ювелирной точностью устанавливали крепления для монтажа станков. Бригадир крепко держал в руках коллектив. Разговор шел на чистоту, бездельникам и пьяницам места в бригаде не было. Все должны были работать в полную силу.

При должном отношении к работе пришли заработки по 7-8 руб. в день, потом 9-10 руб., а с северными выходило до 15 руб. Месячный заработок составлял 300-400 руб.

В то время это были уже хорошие деньги. Но бригадиру приходилось вертеться. Снизу надо было рабочих подтягивать, а сверху отбиваться от начальства, с которым не всегда находился общий язык. К примеру, взят аккордный наряд, а поступает команда – нескольких рабочих из бригады перебросить на другой объект. Но ведь объем работы рассчитан на всех членов бригады, иначе аккорд будет сорван. Дважды начальство освобождало непокорного бригадира, но оба раза отменяло свои приказы. Бригада Петра Смирнова всегда была в передовиках. Строители получали переходящие знамена, премии, правительственные награды. Сам бригадир удостоен орденов «Знак Почета» и «Трудового Красного Знамени» и многих медалей. Он заслуживал и более высокие награды, да не всегда ладил с начальством, был строптив. Но, несмотря на это, его постоянно вспоминают с производства как участника войны, как заслуженного труженика.

В Сыктывкар переехали все дети Петра Васильевича с Анной Алексеевной. От второго брака детей не было. Сын Николай пошел в отца – высокий, сильный. Служил в Чехословакии, приезжал в отпуск. А через полгода произошло страшное несчастье. Он дал Родине солдата-гвардейца, а ему вернули цинковый ящик – груз 200. Так и не удалось выяснить, что же произошло на самом деле. Тридцать два года прошло, а горе не забывается. Ушла из жизни и Таисия.

Я знаю Петра Васильевича уже сорок три года как человека мудрого, доброго, большого оптимиста, что помогло ему дожить до своих преклонных лет. У него три внука, два правнука. Жизнь продолжается.

Н.А.Шпилева

КАК ЭТО БЫЛО: ВОЙНА НА ПЕЧОРЕ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

Все дальше и дальше отодвигается Великая Отечественная война, все меньше и меньше остается ветеранов и тем ценнее их память. Мы, их потомки, должны как можно больше узнать о жизни этих людей, об их судьбах, мыслях, чувствах, подвигах и страданиях, сохранить их драгоценную память. Старики не ждут от нас многого – приди, поговори,

выслушай! Часто они страдают сильнее не от материальных лишений, а от собственной никому ненужности, заброшенности.

В нашей гимназии под руководством учителя истории Г.И.Шпилевой работает краеведческий кружок. Учащиеся собирают воспоминания своих бабушек, дедушек, просто знакомых о каких-то событиях, свидетелями которых они были. Материалы нашего школьного «архива» (название слишком громкое для нескольких полок в шкафу) часто служат основой для написания рефератов по истории. Перебирая папки, я обнаружила некоторые воспоминания о событиях, происходивших в печорских селах во время Великой Отечественной войны, а именно, о попытке взорвать печорский мост, сопоставление которых показалось мне интересным. До сих пор считалось, что была только одна такая попытка, но эти материалы позволяли взглянуть на эту проблему совершенно по-другому. Я попросила разрешения использовать их в своей работе, хотя часть записана была не мною. Мой научный руководитель помогла мне подобрать необходимую литературу, консультировала по ходу работы, с ее помощью мне удалось встретиться с теми людьми, чьи воспоминания меня особенно заинтересовали.

Это настоящие драгоценности – свидетельства очевидцев о войне изнутри, о грязной, бесконечно тяжелой, невыносимой и кровавой работе – о войне далеко за линией фронта. В этих воспоминаниях встает перед нами написанная кровью история войны. Она обходится без карт и схем, без сводок и больших чисел. Своеобразие ее в том, что она проходит через сердце человека. Эта война не знает неудач, отступлений, сдачи позиций и территорий. «Она дает, как бы конечную формулу войны. Она символ и залог будущей победы, которую еще надо добыть ценою жертв и длительной борьбы» [1].

Частушка – зеркало жизни. Военные годы тяжело проходили на Печоре. Люди недоедали, не хватало жилья, детских учреждений. Анна Константиновна Опалева вспоминает, «что часто приходилось вместе с другими учителями заготавливать дрова в лесу, чтобы топить печи в школе. Зарплата в те времена составляла 1030 руб. в месяц, этого еле-еле хватало на скромное проживание с дочерью Галиной» (приложение 1). Ее дополняют воспоминания Листратовой Тамары Дмитриевны (родилась 18 сентября 1931 г.), которая во время войны жила в поселке Усть-Уса. «Жизнь была очень тяжелая, не хватало «продуктов, хлеба, была карточная система... (приложение 2). Нельзя обойти вниманием такой феномен как частушка. Частушки военной поры – зеркало жизни народа. В них все: и тяготы карточек и пайков, страдания и боль потерь, беспро-

светная тоска и всепобеждающий оптимизм. На вечерних посиделках, когда вязали варежки и носки для бойцов на фронте, пели:

«Задушевная подруга,
Как бы нам не опоздать –
На девятые талоны
Мужиков стали давать!»

В этой частушке отразилось все: и нехватка мужчин в селе, и необходимость женщинам выполнять мужскую работу, и карточки-талоны на различные группы товаров (приложение 3). Им вторили солдаты:

«У меня дролечки не стало –
Никого я не виню,
Виню Гитлера заразу
Пуля ржавая ему!»

Вернувшиеся со строительства оборонительных сооружений под Котласом, рассказывали, какой это изнурительный тяжелый был труд «рвы-то большие. Они были 3 метра в ширину, причем одна сторона срублена прямо, а другая пологая» (приложение 4). Рыли и постоянно ждали нападения. Несколько раз вражеские самолеты пролетали и листовки бросали:

«Советские дамочки, не ройте ямочки.
Поедут наши таночки, заруют ваши ямочки» (приложение 4).

Возмущенные таким бесстыдством женщины тут же выдают новую частушку:

«Жаба Гитлера рожала –
Вся Германия дрожала:
Ждите горя, ждите бед –
Появился людоед» (приложение 3).

Так, стараясь не потерять присутствие духа, и ни на минуту не оставиваясь, женщины, чем могли, помогали фронту.

Зимой свирепствовали невероятные морозы, летом одолевал гнус, но никто не роптал, не покладая рук все трудились на строительстве порта, ремонтных мастерских, железнодорожных сооружений. Жители района приобрели на 25 млн. руб. облигации гос. займа, свыше 600 тыс. руб. наличными передали на постройку самолетов, торпедных катеров и танков. Тыл и фронт были едины [2].

Вклад «ЗК» в строительство Печорского моста. Одной из главных строек Северо-Печорской железной дороги стало строительство моста через Печору. Пригнали на строительство два этапа из Печлага. Жаденов Борис Андреевич вспоминает: «Пригнали нас, – а разместится негде.

Наломали веток, побросали их в грязь и так ночевали, прижимаясь друг к другу, чтобы укрыться от ветра, казалось, ветер сдирает кожу с костей – мяса ведь на нас не было!» (приложение 5). Строители жили в нечеловеческих условиях. «Землянки – это полная темень, свет только от печурки. Вонь и смрад от гнилых лохмотьев, которые мы пытались просушить у буржуйки. Нары без матрасов, которые казались пушистыми от полчищ клопов и вшей» (приложение 5). Все это вольными и охраной воспринималось как дело обычное – так же и на других командировках – в конце концов не дворцы же для врагов народа строить!

Питанием тоже не баловали. Местные голодуют, чем же заключенные лучше? Действовал жесткий принцип «Кто не работает, тот не ест». В лагерном быту это значило: «Тем, кто не выполнил норму, хлебный паек урезался до 300 грамм в сутки. Разве этим наешься? Значит, завтра и вовсе работать не сможешь. Замкнутый круг» (см. приложение 3).

Время не ждет. Враг наступает. Правительство торопит. «Мост надо было закончить в срок, иначе расстреляли бы всех как саботажников» (см. приложение 5). Это понимали все – и кто строил и кто охранял – судьба у всех была одна. Работы задерживались нехваткой стройматериалов.

В грозные дни 1941 г. правительство, придавая большее значение строительству Северо-Печорской магистрали, принимает решение демонтировать металлоконструкции Дворца Советов, а также один из мостов через канал Москва-Волга и использовать этот металл для строительства моста через Печору. Однако не хватало не только металла, цемента, но и средств связи, главным образом проводов. Правительственными постановлениями разрешается снять два провода на Дальнем Востоке с участков Хабаровск-Свободный. Это косвенно подтверждается воспоминаниями Г.А.Жаденова: «На строительстве говорили, что металл для него привезли из Москвы, а провода аж с Дальнего Востока» (приложение 5).

Нерациональное использование таких «драгоценных» материалов даже сами заключенные расценивали как саботаж. «При мне расстреляли за вредительство 4-х человек. Катили они бухту провода, да на обледенелой горке не удержали, она и грохнулась с настила в реку...» (приложение 5).

Наконец, с таким трудом, с миру по нитке, собранный Печорский мост был смонтирован, закончено строительство железной дороги. В памятный день 28 декабря 1941 г. первый эшелон с воркутинским углем отправился на юг. Уголь Воркуты – это спасение жизни в блокадном Ленинграде, уголь Воркуты – это дополнительные тонны стали Чере-

повца, уголь Воркуты – это новые танки, залпы новых орудий, это сражающиеся Северный и Балтийский флоты. Народ тут же отозвался на это новой частушкой:

«Ты лети и не постукивай

Немецкий самолет.

Все равно победа наша

Дролечка домой придет!» (приложение 3).

Попытки немцев взорвать Печорский мост глазами местных жителей. Уголь Воркуты – это мощный удар по врагу. Гитлеровское командование не могло этого допустить. Нужно прервать поток угля, да так, чтобы русские не смогли бы его восстановить. Лучше всего этой цели можно достичь, если взорвать Печорский мост. Жемчужину Северо-Печорской железной дороги, который и сегодня высится стальной громадой над красавицей рекой. Один из штурмовых отрядов специальной диверсионной дивизии Бранденбург получил приказ: десантироваться в район Печоры и взорвать мост. Здесь начинается одна из неизвестных страниц Великой Отечественной войны. В фундаментальной «Истории Коми края» об этом событии всего несколько строк – «был произведен немецкий десант, попытка взорвать мост не удалась» [3]. Тем бесценнее для нас воспоминания очевидцев об этом суровом и страшном для них испытании.

Листратова Тамара Дмитриевна рассказывает об этом очень скупое: «Однажды в Усть-Усе приземлился немецкий десант, они хотели взорвать печорский мост, но они не успели, так как их поймали» (приложение 2). Более полная картина этих событий предстает перед нами в рассказе Н.Ф.Хомяковой. Раннее утро, над трубами изб дымочки, скрипели колодцы, из кузницы слышался будничный звон металла. Село Щелкуновское Печорского района просыпалось. Утром той зимы нагрянули десантники. Смерть в черных мундирах и белых маскахалатах.

Вот как это описывает Хомякова Надежда Федоровна: «Уже светало, и я могла разобрать, что к нам приближается большое количество машин и много людей, на головах которых одеты странные шапки, похожие на горшки. Они врываются в соседние дома и выгоняли людей на улицу. И не важно одеты, они были или раздеты» (приложение 6).

Люди второпях одевались, собирали кое-какие вещи, пытались спрятаться и переждать неизвестно откуда свалившееся на них несчастье. Обыскав все дома, десантники согнали жителей на площадь перед сельсоветом. Командир десантников выступил вперед и произнес несколько фраз. Никто ничего не понял. Тогда вышел переводчик и по-русски сказал, чтобы они сохраняли спокойствие и тогда ни с кем ничего не

случиться. Жители далекой деревушки на берегу Печоры, еще не видели страшное лицо войны, она грохотала далеко-далеко, поэтому они не сразу поняли скрытый смысл этих слов. Будут грабить твой дом, убивать соседей, издеваться над детьми – сохраняй спокойствие, будь покорным и тогда «новый хозяин» тебя не тронет.

Надежда Федоровна вспоминает: «Сначала несколько дней было нормально, но вскоре эти люди стали отбирать продукты, скот», знаменитые «матка – яйца, млеко» на ломаном русском зазвучало в домах. Жгли сараи – просто от нечего делать, издевались над жителями. Они сажали людей на горячи печи, закапывали раздетыми в снег» (приложение 6). Шестнадцатилетней Наде на себе приходилось испытывать дикие забавы «новых хозяев»: «Как-то они выкинули на снег мою младшую сестру, которой было 4 года, но я не выдержала и бросилась к ней, схватила и побежала в сарай» (воспоминания Н.Ф.Хомяковой – приложение 6). Долго ее преследовал веселый хохот десантников. так немцы устанавливали свой «новый порядок». Эти издевательства над людьми продолжались несколько недель – немцы ждали подкрепление.

Люди пытались вырваться из села, чтобы любыми способами добраться до своих и сообщить о беде, которая стряслась с ними. Помощь пришла, когда ее уже не ждали. Однажды на улице стал слышен рокот и автоматные очереди. Надя из окна увидела, что из леса выходят люди тоже в белых масках, но в шапках другой формы. Ее мама сказала: «Это русские солдаты, теперь нехорошие люди покинут село и все станет на свои места (приложение 6).

Действительно, село освободили отряды НКВД и солдат. Все село встречало своих освободителей, накрыли стол, угощали, чем могли, но к веселью примешивалась нотка грусти:

«Не запить мне своего горюшка

Ни пивом, ни вином

Не забыть своих сыночков

Мне ни ночью, ни днем» (приложение 3).

Прочитав текст воспоминаний Т.Д.Листратовой и Н.Ф.Хомяковой, я сначала подумала, что бабушки путаются, ведь везде записано, что попытка диверсии была в июне 1943 года! Но Тамара Дмитриевна четко разделяет именно две попытки. Если первую она описывает схематично: «Однажды в Усть-Усе приземлился немецкий десант...», как что-то далекое, известное понаслышке, то вторую – вполне реально с деталями, которые видела своими глазами: «Один немец проткнул штыком нашего знакомого Володю Родина».

Чтобы все уточнить, я попросила Евгения Хомякова устроить мне встречу с его бабушкой, Хомяковой Надеждой Федоровной – хотелось самой услышать ее рассказ. Я не стала задавать вопросов, чтобы она свободно рассказывала, а не старалась «угодить» мне ответами. Новый рассказ не во всем совпадал с записанным и это меня обрадовало, – значит, это «не заученная» однажды история, а, действительно, воспоминания. Главное – Надежда Федоровна подтвердила те детали, которые вызвали мой интерес и которые косвенно подтверждают наличие еще одного, более раннего десанта – зимой 1943 года.

Первое. Она настаивает, что десантники были одеты поверх всего «в белые халаты» (приложение 5). Если исходить из официальной версии, июнь 1943 г. – это явное недоразумение: представьте в зеленой июньской тайге людей в белых маскировочных халатах! Но если предположить наличие зимнего десанта, то все становится логичным и разумным.

Второе. По официальной версии группа состояла из власовцев, которые должны были проникнуть на «командировки» и поднять восстание среди заключенных, – значит, и одеты они должны были соответствующим образом. Н.Ф.Хомяков упомянула «какие-то странные шапки, похожие на горшки» – они сильно поразили простую деревенскую девушку из далекого северного села, вряд ли зековские ушанки, знакомые у нас каждому, могли бы произвести такое впечатление.

Третье. Надежда Федоровна неоднократно упоминала, что люди, занявшие село, говорили на чужом языке: «... Человек... начал говорить на непонятном языке. Я спрашивал у родителей, что он говорит, но они сами не понимали» (см. приложение 5). Даже если предположить, что девушка из коми села могла плохо знать русский язык, то родители должны были хоть что-то понимать! Далее в воспоминаниях следует: «Когда тот человек перестал говорить и отошел в сторону, вышел другой и стал говорить по-русски». Вряд ли власовцам, какой бы они национальности не были, нужен был переводчик, знающий русский язык. У них был переводчик из местных – А.Г.Дорофеев, логичнее было бы переводить с русского на коми язык, более понятный местным жителям.

Проанализировав все это, я пришла к выводу, что кроме официально признанного десанта в июне 1943 г. была еще одна попытка – зимняя и произведенная силами не власовцев, а немцев. К сожалению, имеющихся у меня сведений слишком мало, чтобы уточнить дату. Я и мой научный руководитель Галина Ивановна Шпилёва собираемся связаться с историками из Сыктывкарского государственного университета, чтобы предложить им заняться этой темой: у них больше возмож-

ностей связаться с жителями этих сел, возможно, есть и другие свидетели этих событий.

Ведь если факты подтвердятся, это будет пусть маленькое, но открытие!

Я лично уверена, что попытка десанта была не единственной. Косвенно это подтверждается развитием военных действий в 1942–1943 гг.: война на переломе. Зыбкое равновесие. Оба противника стараются использовать малейшую возможность, чтобы изменить ход войны.

Идея диверсии на Печорском мосту, чтобы прекратить поток воркутинского угля, была слишком заманчивой и слишком большое имела значение, чтобы от нее так легко отказаться.

В начале июня 1943 г. в районе печорского поселка Кедровый Шор была сброшена диверсионная группа парашютистов. Во главе диверсантов стоял Л.Н.Николаев, группа состояла из «власовцев». Кроме взрыва моста они должны были поднять восстание в лагерях ГУЛАГа на Печоре. В своем распоряжении диверсанты имели «радиостанцию, пулемет, 11 автоматов, 36 пистолетов, 645 гранат, 505 кусков взрывчатки, 15 мин, продовольствия на месяц, 175 тыс. советских рублей, одеты в форму НКВД» [4]. Проводником группы являлся А.Г.Дорофеев, уроженец села Глово. Об этом десанте рассказывает Листратова Тамара Дмитриевна: «Это было в 1943 г. Немцев было около 30 человек. Они напали на село, застрелили 18 человек и одну маленькую девочку. Немцы направлялись к Печорскому мосту...» (приложение 2).

«О появлении немецких десантников сообщила молодая девушка, работающая телефонисткой. Немецкий десант разгромили в селе Лытки Печорского района» (приложение 2). Николаев, руководитель группы, был застрелен, а Дорофеев предложил участникам группы сдать власть [5]. А печорский мост стоял! День и ночь стучали колеса эшелонов, пронесшихся по нему и никто из машинистов, кочегаров, солдат, даже не подозревал, какие драматические события разыгрались в маленьких деревеньках, затерянных в тайге вдоль Печоры.

Так со слов очевидцев, дополняющих и продолжающих друг друга, их бесхитростных рассказов, где нет красот, где все скупое и буднично, складывается бесценная мозаика – картина событий, кусочек истории Печорского района, охватывающий 1941–1943 гг. Строительство Северо-Печорской железной дороги, апофеозом которого стал пуск моста через Печору и борьба за него. Бои местного значения на Печорском направлении. Горькая слава Печоры. Горькая потому, что заплачено за нее было сотнями и тысячами жизней, слава – потому, что без

этой маленькой победы и сотен других не было бы общей Великой Победы.

Эта маленькая страница истории должна по справедливости стоять рядом с многотонной, фундаментальной историей нашей страны, «как волшебный кристалл, освещающий ее страницы дополнительным, человеческим светом или как луна, сквозь которую грандиозные события войны видны еще отчетливее, в более близком, простом и влекущем свете».

Приложение 1

Воспоминания Опалевой Анны Константиновны

Родилась я в деревне Опали Зуевского района Вятской области 14 декабря 1910 года.

Хорошо помню продразверстку. Для бедных крестьян это было тяжелое испытание. Все излишки продуктов, зерна, картофеля изымались продотрядами, и весной у многих нечем было сеять. Были люди, которые доносили о спрятанных в лесу картофельных ямах, зерне. Начала голодать и наша семья. Скоро от болезни и голода умерли мать, отец и младший братишка. Остались мы с братом вдвоем, мне – 12, ему – 11. Продали что осталось и уехали в Киров учиться. Позднее, в 16 лет закончила подготовительные учительские курсы. По распределению попала в Коми область. С 1939 г. работала заведующей школы.

Вспоминаю начало войны: рано утром пришел агроном и сказал, чтоб вставали и шли на собрание в школу. Все начали быстро одеваться. На душе стало нехорошо, как камень на сердце. И уже на собрании узнали, что немец объявил войну. Уже были готовы повестки для мужчин на войну. И они прямо с собрания ушли на фронт. И никто из них не вернулся.

Во время войны всей тяжелой работой занимались женщины. Часто мне приходилось вместе с другими учителями заготавливать дрова в лесу, чтобы топить печи в школе. Зарплата в те времена составляла тысяча тридцать рублей, что хватало на скромное проживание с дочерью Галиной.

Строительство железной дороги в город Воркута было тяжелым и суровым испытанием строителей. Из тысяч выживали единицы людей, умирая от болезней, голода, холода, непосильного труда. Умерших тут же хоронили около дороги, нередко закапывая под шпалы многочисленные трупы, так как вокруг была вечная мерзлота, трудно поддающаяся лопате и кирке. Один из родственников, проживающий в Киров-

ской области чудом уцелел на этом строительстве и с ужасом вспоминает эти дни. Он попал туда из-за связки дров, в которой нуждалась его семья в зимнее время.

Приложение 2

Воспоминания Листратовой Тамары Дмитриевны

Я, Листратова Тамара Дмитриевна, родилась 18 сентября 1930 года в селе Усть-Вымь Печорского района Коми АССР.

Отец – управляющий в отделении Госбанка (сберкасса), мама – домохозяйка – потому, что в семье было пять детей. Всю войну прожили в деревне Усть-Уса. Когда мне было 10 лет, мама умерла, и в 1942 г. папа женился на другой женщине. Кроме нас пятерых, она родила еще шесть детей и всех подняла.

Теперь я хочу рассказать, как нам жилось во время войны, до 1946 г.

Жизнь была очень тяжелая, не хватало продуктов, хлеба, была карточная система. Дети сами кололи дрова, ходили за грибами, ягодами. Однажды в Усть-Усе приземлился немецкий десант, они хотели взорвать Печорский мост, но не успели – их поймали. Второй раз это было зимой 1943 г. Их было около 30 человек. Они напали на село, застрелили 18 человек и одну маленькую девочку. Немцы направились к Печорскому мосту. На моих глазах один немец проткнул насмерть штыком нашего знакомого Володю Родина, – он ему просто случайно попался на дороге.

Про немцев нашим сообщила молодая девушка – телефонистка. Несколько немцев убили. Остальных взяли в плен у села Лытки Печорского района.

Приложение 3

Частушки напела Анна Константиновна Ополева

(Родилась 14 декабря 1910 г.)

О войне

У меня дролечки не стало –

Никого я не виню,

Виню Гитлера, заразу, –

Пуля ржавая ему!

Жаба Гитлера рожала –

Вся Германия дрожала:

Ждите горя, ждите бед

Появился людоед.

Ты лети и не постукивай,
Немецкий самолет.
Все равно победа наша,
Дролечка домой придет.
 Не запить мне свою горяшка,
 Ни пивом, ни вином
 Не забыть своих сыночков
 Мне ни ночью, ни днем.

О работе в колхозе, на строительстве ж/д
Говорят, что я не бела, –
Не под стеклышком сижу:
На колхозную работу
Я каждый день хожу.
 Ой, вы, слезы мои слезы –
 Не на травушке роса
 Не от радости осеклась
 Моя русая коса.

«Помню одну зековскую песню, только не всю – кусочек», – говорит
А.К.Ополева.

Двадцать лет трудовых лагерей
Подарил я рабочему классу.
Там, где были лишь тропы зверей
Проложил Воркутинскую трассу.

Приложение 4

Воспоминания Глазычевой Серафимы Александровны

Я росла без родителей со своей старшей сестрой Сашей. Я пошла работать 1 апреля 1939 г., мне тогда еще 16 лет не было. В начале войны посылают меня на трудовую повинность. На расстоянии 30 километров от Котласа рыли мы противотанковые рвы. Тяжело там было: голодно, холодно. Среди людей была большая вшивость, ведь мы почти не мылись, так как негде было. Потом мужики соорудили баньку, в ней мылись. День была мужская баня, день – женская. На трудовую повинность приезжало много людей из разных мест, были молодые и пожилые.

Мы копали противотанковые рвы, так как ждали нападения, но его, к счастью, не было. Правда, несколько раз вражеские самолеты пролетали над нами и листовки бросали:

«Советские дамочки, не роите ямочки.

Придут наши таночки, заруют ваши ямочки».

Эти листовки я никогда не забуду. Когда самолеты летели, нам скомандовали спрятаться. Мы разбежались кто куда, кто в окопах остался, кто в кусты убежал. Тогда страшно было. Мы испугались. Когда листовки полетели, так мы думали, что сейчас бомбить будут. Бежать то некуда было, ведь на открытом ржаном поле находились. Но самолеты улетели. Вот только поле испортили. Рвы-то мы большие рыли. Они были три метра в ширину, причем одна сторона срублена прямо, а другая – пологая. Потом пришел приказ: прекратить копать рвы, надо строить дзоты. На этом все закончилось. Нам выдали деньги, отдали документы и отпустили домой. Я честно все отработала. Другие сбежали, а я – нет, поэтому за документами шла спокойно.

Приложение 5

Воспоминания Жаденова Григория Андреевича

(Записал Бугаков Роман (внук). Воркута, пос. Северный)

Лагерь вспоминается, как череда этапов. Где хуже было, где лучше. Лучше – теперь это странно говорить. Везде голод, холод, страх, дрожащие руки, непосильная, изматывающая работа. Но были и вовсе гиблые места – старый кирпичный завод в Воркуте, где проводились массовые расстрелы. Хорошие – где есть медпункт, хотя бы на одну койку, или Новый бор, где занимались сельским хозяйством и потому там с питанием было получше.

Вспоминаю, как пригнали нас этапом на строительство моста через Печору. Пригнали нас, а разместиться негде. Наломали веток, побросали их в грязь, и так ночевали, прижимаясь друг к другу, чтобы укрыться от ветра. Казалось, что ветер сдирает кожу с костей – мяса ведь на нас не было!

Утром начали строить землянки. Работали день и ночь. Землянка – это полная темень, свет только от печурки. Вонь и смрад от гнилых лохмотьев, которые мы пытались просушить у буржуйки. Нары без матрасов, которые казались пушистыми от полчищ клопов и вшей.

Питались в основном жидкой баландой из крупы, мерзлой брюквы и картошки.

Работать приходилось много. Труднее всего была вывозка – готовили лес для шпал.

Заготовки проходили в разных частях леса, приходилось волоочь бревна к трассе. Построить снежные дороги не позволяло время и нормы. Мост надо было закончить в срок, иначе расстреляли бы всех как саботажников. Работа тяжелая, изнурительная из-за скудного питания,

жестоких морозов и снега в полтора метра. Тем, кто не выполнил дневную норму, хлебный паек урезали до 300 грамм. Разве этим наешься? Значит, завтра и вовсе работать не сможешь. А кто не работает – тот не ест! Замкнутый круг. Каждую ночь многие умирали. Но утром на развод и поверку надо было их трупы вытаскивать из землянки, чтобы вохровцы видели, что это архив «А» (то есть умершие), а не побег.

Мост строили быстро: днем и ночью. На строительстве говорили, что металл для него привезли из Москвы, а провода аж с Дальнего Востока. Видно уж очень он был нужен. При мне расстреляли за вредительство четырех человек. Катили они в бухту провода, да на обледенелой горке не удержали, она и грохнулась с настилу в реку.

И то верно – без моста этого дорога была, как человек без сердца.

И сейчас, когда в отпуск или из отпуска еду, мост этот всегда передо мной. Только опоры моста покажутся, меня, как темной волной, захлестывают воспоминания, каждый стук колес в сердце отдается. Не верится, что я выжил.

Приложение 6

Воспоминания Хомяковой Надежды Федоровны

(Записал внук, Хомяков Евгений. Воркута)

Я родилась в 1927 г. в селе Щелкуновка Печорского района. Жила с родителями и младшей сестрой Валей. У нас был дом, скот, огород – в общем все, что нужно для нормальной жизни. Во время войны жить было очень тяжело. И я, и родители работали в колхозе почти за даром, а вечерами все женщины собирались и вязали носки, варежки – собирали посылки на фронт. Вспоминали своих и плакали.

Как-то ночью мы проснулись от страшного крика. Я была любопытная, поэтому услышала шум, вскочила и кинулась к окошку. Уже светало, и я смогла рассмотреть, что к нам приближается большое количество людей, на головах которых надеты какие-то странные шапки, похожие на горшки и белые халаты.

Они врываются в соседние дома и выгоняли оттуда людей на улицу, и не важно было, одеты они были или раздеты. Я сразу не поняла, что это враги, ведь война шла далеко.

Отец и мать начали второпях одевать на меня и сестричку одежду и собирать вещи, чтобы куда-нибудь скрыться на некоторое время. Но на улицу выбежать не успели – к нам тоже ворвались немцы, схватили и вытолкали на улицу к толпе. Когда всех жителей села собрали вместе, к нам подошел какой-то человек в форме с погонами и начал говорить на

непонятном языке. Я спрашивала у родителей, что он говорит, но они сами не понимали.

Когда тот человек перестал говорить и отошел в сторону, вышел другой и стал говорить по-русски. Он говорил, чтобы мы сохраняли спокойствие, и тогда ни с кем ничего не случится. Еще он сказал, что они некоторое время побудут в селе. Потом всех распустили по домам и к каждому дому приставили по три человека. Мать запретила появляться мне в доме и смотреть в окно на улицу – боялась, чтобы со мной ничего не случилось.

Сначала несколько дней все было нормально, но вскоре эти люди стали отбирать продукты, скот, поджигать сараи, издеваться над соседями.

Они сажали людей на горячие печки, сажали раздетыми на снег, били и даже расстреливали.

Как-то они выкинули на снег мою младшую сестренку – ей было 4 года. Я не выдержала и бросилась к ней, подбежав, я схватила ее и унесла в сарай. Очень боялась, что выстрелят в спину. Это все продолжалось несколько недель. В один прекрасный день на улице стал слышен треск и рокот. Я спросила у папы: «Что это?». Он сказал, что автоматные очереди. Мы кинулись к окну и увидели, что из леса выходят такие же люди в белых халатах, но на головах у них другие шапки. Мама сказала, что это русские солдаты, и что все нехорошие люди покинут село и все станет как прежде. И действительно, в этот же день врагов погнали дальше, многих убили.

Русские солдаты навели в селе порядок и успокоили людей. Вечером в качестве благодарности, накрыли стол в сельсовете и устроили праздник в честь освобождения села от врагов.

Литература и источники

1. Говорят погибшие герои. – М., 1975. – С. 7-8.
2. Пыстин М. Печора. – Сыктывкар, 1974. – С. 33.
3. История Коми края. – Сыктывкар, 1988. – С. 453.
4. История Республики Коми. – М., 2000. – С. 412.
5. Там же.

И.А.Семяшкина

СЛЕД ВОЙНЫ В СУДЬБАХ МОИХ РОДСТВЕННИКОВ

Шестьдесят лет прошло со Дня Победы над фашистской Германией. К этому великому событию причастны и мои предки. Война оставила свой след в судьбах моих родственников. Какими были мои предки, какие качества проявили в трудное для Родины время – вот вопрос, на который я постаралась найти ответы с помощью воспоминаний моих бабушек В.А.Семяшкиной и А.А.Супрядкиной, дневника моего деда А.Н.Игнатьева, материалов музея села Петрунь.

На защиту Отечества от фашистских захватчиков поднялась вся страна. В боях участвовал и мой прадед по отцовской линии Ануфриев Александр Максимович, 1907 года рождения. До войны он работал председателем сельского совета с. Петрунь Кожвинского района Коми АССР, одновременно выполнял обязанности внештатного миллионера села. Известно, что у него дома проживал коми писатель Яков Рочев – Митрук Як, который какое-то время работал в нашей сельской библиотеке. Впечатления о селе Петрунь он выразил в описании села Петруш в романе «Два друга». Бабушка Вера Александровна, которой тогда не было и пяти лет, вспоминает, что называла его «дядя в очках» – «о́чкиа дядь», а старшая сестра Манефа Александровна – «красивый дядя», т.е. «мича дядь».

В августе 1941 г. Александр Максимович уехал в командировку в соседнее село Адзьавом. Оттуда домой он уже не вернулся. Из Адзьавома на пароходе «Иванов» с первой партией мобилизованных Кожвинского района решил добровольцем уйти на фронт. Да и где же ему быть, первому комсомольцу села, как не там, где труднее всего. Его жена Ульяна Ивановна, оставив девятимесячного младшего сына Феликса, успела съездить к нему попрощаться перед вечным расставанием.

Прадед мой сражался пулеметчиком на Ленинградском фронте. В 1943 г. в первых числах января Ленинградская блокада была прорвана, началось освобождение Ленинградской области, которое продолжалось до середины марта (Великая Отечественная война. Словарь-справочник. М., 1988). Весной 1943 г. домой пришла казенная бумага с горестной вестью «...пропал без вести у села Акулово». На современной карте село Акулово не обозначено, есть село Окуловка в двух десятках километров от Ленинграда (Атлас мира. М., 1984). Однако бабушка Вера Александровна, которой тогда было уже восемь лет, помнит, что на бумаге был написано «Акулово».

Было прадеду всего 37 лет. Дома остались трое детей: Манефа, Вера и Феликс. Его жена, Ульяна Ивановна (1910 –1986 гг.), «Иванко-баб», была родом из семьи умельцев: ее отец Иван Макарович мастерил замечательные вещи. Так, известно, что часть рукоятки граблей он делал полными, закладывал туда дробинки, и они перекатывались – гремели в такт работе. Иванко-баб, по воспоминаниям, была «огонь-женщина». Замуж больше не выходила, детей вырастила одна. Прожила 76 лет. Все дети выросли. Живут-работают восемь внуков-внучек в разных местах Республики Коми. Род продолжается. Имя моего прадеда Александра Максимовича есть в списке погибших сельчан в Великой Отечественной войне на памятнике, поставленном в центре села. В «Книге памяти» его имя тоже бережно сохранено (Т. 1, 1993, с. 281).

Примечательна судьба моего другого прадеда по отцовской линии Семяшкина Алексея Ивановича (1899–1973), по сельскому прозвищу Рёман Ёль. Он не участвовал в боях, однако черным крылом война коснулась и его. Иван Романович, Рёман Вань, отец моего прадеда Алексея Ивановича, по воспоминаниям односельчанки, Терентьевой Марии Федоровны (1904–1995), был высокого роста, русоволосым, добрым по натуре и грамотным. Он читал соседям библию по вечерам или в праздники, крестил детей; дожил до глубокой старости. Интересно, что в деревне Епач, где с семьей проживал Иван Романович, жили три семейства, было три дома и в каждом из них жили Иван и Марья. Сейчас этой деревни нету.

Единственный сын Ивана Романовича – Алексей, мой прадед – воевал в гражданскую войну командиром транспортной команды в городе Архангельске в 1921–1922 гг. (из материалов музея с. Петрунь). Когда начало полыхать пламя второй в его судьбе войны, Великой Отечественной, троих самых опытных оленеводов оставили бригадами, остальные оленеводы были отправлены на фронт. Вместо них в оленеводство направили школьников-подростков, среди которых был двенадцатилетний сын Алексея Ивановича – Егор, мой дед.

Жизнь повернулась так, что Алексей Иванович опять отправился в Архангельск. «В 1941 году на Карельский фронт колхозниками с.Петрунь было отправлено 600 ездовых быков, 30 оленьих упряжек» (об этом читаем в газете «Искра» от 19.05.1990 г.). Алексей Иванович их сопровождал до Архангельска. Олени, ездовые быки, предназначались для перевозки снарядов. Обрато же домой прадеду пришлось добираться пешком; по прямой линии по карте от Архангельска до Петруней 3720 километров. Таким образом мой прадед внес свою лепту в Победу.

В молодые годы Алексей Иванович был работником у богатого оленевода Якуни. Мой прадед рассказывал, что Якуня к работникам относился по-доброму, не так, как другие богачи; напоит-накормит и только после этого направит на работу. В 1930 г., когда началась коллективизация, Алексей Иванович был одним из пяти членов, которые первыми объединили свои хозяйства в колхоз. Потом он проработал бригадиром в оленеводстве до 66 лет, только в этом возрасте вышел на пенсию. За долголетнюю, добросовестную работу награжден Почетной Грамотой Верховного Совета Коми АССР.

У Алексея Ивановича и его жены Александры Егоровны было 10 детей: Егор, Елена, Иван, Александр, Ирина, Константин, Анна, Петр, Анастасия и Федор. Каким был мой прадед Алексей Иванович и его старший сын – мой дед Егор, я имею возможность воочию увидеть, посмотрев фильм «Жили-были старик со старухой», где они сыграли самих себя – оленеводов.

Моему деду, отцу моего папы, в год начала войны было всего двенадцать лет. Он был самый старший среди десяти братьев и сестер. Детство кончилось для него с началом войны. Его послали в оленеводство бронь-учеником, уже как умелого пастуха, вместо ушедших на фронт. Дед отличался золотыми руками: мастерил санки, нарты, украшения для оленей, табакерки из костей лося. До сих пор его дочь Тамара хранит миниатюрный костяной наперсток, который сделал отец для своей, тогда еще маленькой дочки. По воспоминаниям односельчан, мой дед был скромным и добрым человеком.

В 1945 г., когда ему исполнилось шестнадцать лет, его рослого, сильного, уполномоченный из военкомата приказал отправить на фронт. Но тут проявила свой ум, смелость моя прабабушка Семяшкина Александра Егоровна – «Саше баб», которая не позволила случиться несправедливости. Доказала, точно указала год рождения своего первенца.

У деда Егора была большая семья. Но шестерых детей поставить на ноги пришлось моей бабушке Семяшкиной Вере Александровне одной. В 37 лет, в 1966 г., он трагически погиб в тундре. Его старший сын Александр – мой отец. Дедушка имел удостоверение лучшего оленевода республики. Постановлением Совета Министров Коми АССР от 7 февраля 1958 г. за № 22 оленеводу колхоза имени Ленина Семяшкину Егору Алексеевичу за лучшие показатели по республике в соревновании в 1957 г. присваивается звание «Лучший оленевод республики». Подписано удостоверение Председателем Совета Министров Коми АССР Паневым.

И пусть только одному из прадедов довелось увидеть воочию огонь и взрывы Великой Отечественной, узнать окопную жизнь. Однако и

другому прадеду пришлось соприкоснуться с фронтом, проявить огромную силу воли и жизнелюбие, чтобы вернуться в родное село. И дед мой, попрощавшись с детством, работал до седьмого пота, чтобы по мере возможности помочь приблизить час Победы.

У бабушки хватало терпения помогать ему косить только тогда, когда солнышко в зените: тогда комаров меньше. «Я очень любила отца», – пишет бабушка мне в письме. Сражался на Ленинградском фронте. Был дважды ранен. В госпитали при первом ранении делал костыли, деревянные протезы для выздоравливающих. Последнее письмо было написано 11.03.1943 г. Писал, что 12 марта идут в бой, тяжелые бои проходят в шести километрах от Ленинграда.

14 марта был тяжело ранен и отправлен в госпиталь. Ранение было, видимо, смертельное. Долго мы о нем ничего не знали. Написали, что «пропал без вести», пишет мне бабушка. Только когда вышла «Книга Памяти Республики Коми», там нашли запись, что умер в госпитале и похоронен на Пискаревском кладбище. Бабушка ездила туда. Но, конечно, не нашла могилу своего отца, так как на Пискаревском мемориальном кладбище в братских могилах похоронены 470 тысяч человек.

В центре, на гранитной стелле, начертаны слова Ольга Бергольц:

«...Их имен благородных мы здесь перечислить не сможем

Так их много под вечной охраной гранита.

Но знай, внимающий этим камням:

Никто не забыт и ничто не забыто»

У прадеда была мечта, чтобы дочь получила образование и стала учительницей. «Я выполнила просьбу отца, его завещание», – сообщает в письме бабушка. Все пятеро ее дочерей получили высшее образование, а трое из них пошли по стопам матери. Прадед отдал жизнь за свою мечту, которая не только исполнилась, но и повторилась в поколениях.

Интересной, на мой взгляд, была судьба моего дедушки Супрядкина Александра Николаевича. Он родился в с.Ношуль, деревне Якутинская Прилузского района в 1926 г. в сентябре. Остался без отца, когда ему было лишь два года. Окончил семь классов, но дальше учиться не смог, так как на его, может быть, детские плечи легла забота о матери и двух сестрах. Дедушка стал хозяином в семье, пошел работать в колхоз.

В 1943 г. в октябре его призвали в Советскую Армию. Было ему 17 лет и один месяц. Шестьдесят человек из района привезли в город Грязовецк. В течение четырех месяцев обучали военному делу. А потом на фронт – шло наступление под Псковом. Дедушка оставил дневник о фронтовой жизни, в котором пишет: «Хорошо помню, как форсировали реку Великую летом около Пскова. В этот год был очень хороший

урожай ржи, в рост человека. Но немцы, отступая, около реки хлеба обкатали, чтобы хорошо просматривалась местность. Наша артиллерия прикрывала пехоту. Всем солдатам выдали надувные жилеты. Мы побежали по открытому полю. Ударили фашистские пулеметы, по ним стали бить наши пушки».

Остановить наступление немцам не удалось, и рота, в которой был дедушка, подвинулась довольно далеко. Далее дед вспоминает, что был отправлен в головном дозоре с товарищем Силюком, а рота осталась позади в километрах двух. «Вышли на поляну, и сразу автоматная очередь. Силюк громко крикнул, а я побежал вперед, где виднелась высокая трава. Одна пуля-дура ударила в голову», – так вспоминает дед о своем ранении.

Подоспевшие санитары перевязали, и лейтенант приказал идти по лесу в медсанбат. Немец стрелял не переставая, везде взрывы, нигде ни души. На счастье, его заметили наши. «Собрав все силы, побежал и кинулся к землянке», – пишет дедушка. Здесь его перевязали. На следующий день вместе с ранеными положили в лодку, и реку Великую пришлось форсировать в обратном направлении. Санитары, держась за края, толкали лодку вперед.

«Снаряд в нашу лодку не попал», – дедушка пишет об этом, как о выпавшем на его долю счастье. Один из врачей, которому в свободное время дед помогал готовить дрова в Грязовецке, узнал его, укрыл потеплее, принес хлеба с маслом, убедил других врачей, что раненный глаз можно вылечить, а не удалять. Ротный писарь сообщил домой, в Ношуль, что А.Н.Супрядкин погиб смертью храбрых при форсировании реки Великой.

После госпиталя снова отправился на фронт, догнал свою часть на эстонской границе. В дневнике дедушки читаю: «Попал в отдельный истребительный противотанковый артиллерийский дивизион. Мы ходили по переднему краю, искали огневые позиции, куда установить пушки, чтобы вести огонь по танкам. Нас в разведке было шесть человек».

Однажды в разведке, осматривая заброшенные немцами землянки, обнаружил фашиста-литовца. Командир приказал отвести пленного в штаб и принести расписку о доставке. Конкуренция бывает и на войне. Вот что дальше рассказывает дед: «По дороге попали два разведчика, стали отбирать у меня «языка», угрожать. Я не уступаю. Тут подоспел капитан разведки, он их пристыдил. Помог мне доставить пленного в штаб. Я докладываю, что без расписки «языка не оставляю, надо же командиру доложить, что я его не убил по дороге, а доставил живого». Расписку дедушка все-таки получил.

Страшный бой вспоминает дед осенью 1944 г. на территории Литвы. Не только немцы, но и литовцы, эстонцы и власовцы сопротивлялись отчаянно. Из дневника деда я узнал, что «от пехотного полка», где был дедушкин земляк Степан, никого не осталось». Дед среди мертвых земляка не нашел. После войны они встретились. И Степан рассказал, что «когда немец стал косить на открытом поле, где укрыться было негде, он повернулся задом к немцам, а голову спрятал. Вот и шлепнулись в задницу четыре пули, но остался жив». И прожил еще немало, до 1987 г.

Орден Красного Знамени дедушка получил за ночной бой. Темной ночью немцы неожиданно вышли в тыл к артиллеристам с целью уничтожить орудия и людей. Дед пишет: «Тут Брюшкин (командир) тронул меня за руку, сказал, что надо перейти речку, добраться до штаба, всех поднять и отбить атаку немцев. Мешкать было нельзя. Вдвоем переправились. Побежали в штаб, разбудили всех, вплоть до поваров, вернулись к хутору и атаковали. Но немцы ночью нанесли большой урон: половина дивизиона вышла из строя. Убитых и раненых фашистов тоже было много; все вдребезги пьяные. Мы были так озлоблены, что ни одного раненого врага не подобрали». За то, что сумели вовремя привести подкрепление, он и командир были награждены орденами. Дед рассказывал, что этот бой часто ему снится, и он просыпается в холодном поту.

До конца войны дедушка воевал в Прибалтике. Освобождал от фашистов детский лагерь смерти Саласпилс. Был награжден высшей солдатской наградой – медалью «За отвагу». В кругу бойцов, на войне, у дедушки было прозвище «веселенький», так как он был заядлым рассказчиком. К тому же рассказы его не были вымыслом, а о жизни и быте коми народа.

В июле 1945 г. двадцать человек сержантского состава направили в Ригу, а дивизион повезли на Дальний Восток – война еще продолжалась. С 1946–1952 гг. работал дедушка в комендатуре штаба Прибалтийского военного округа. В служебной характеристике, подписанной подполковником Сретенским от 16.02.1951 г., читаю: «Товарищ Супрядкин А.Н., будучи в военной части 13443, а также работая в комендатуре штаба ПРИБВО показал себя честным, дисциплинированным, примерным воином Советской Армии». Работая в штабе округа, был в охране Баграмяна, встречался с писателем Борисом Полевым. Один раз дедушка получил благодарность за то, что не пропустил генерал-лейтенанта Вашкевича, который ночью проверял, как охраняется штаб округа.

Спустя много лет дед высказывал сожаление, что не посвятил свою жизнь военной карьере, хотя и на гражданке работал достойно. По возвращении домой в 1952 г. он был избран председателем сельсовета в

с. Ношуль. Затем перевелся директором заготовительного пункта в с. Помоздино. В хозяйстве заготпункта находилась большая звероферма, на которой держали черных лис, песцов, куниц. После расформирования зверофермы сам довез зверей из Инты и сдал. Скорее всего, лисы и песцы попали в Петрунь, так как в селе в это время открыли звероферму. Вернувшись из командировки в Помоздино, был назначен начальником лесопункта, уголья которого находились в ста километрах от села. Сутками дедушка находился на сплаве вместе с рабочими.

Трудолюбием и пониманием заслужил большой авторитет среди рабочих и сослуживцев. По воспоминаниям моей мамы, Г.А.Семяшкиной, у ее отца был дар общения с людьми. К нему обращались за советом, за помощью. Дед старался помочь по возможности всем, даже тем, на кого люди уже махнули рукой. И рабочие старались оправдать его доверие.

Дедушка и бабушка Анна Алексеевна вырастили пятерых дочерей: Катю, Валю, Галю, Таню, Олю. Всем помогли получить высшее образование. Галя – Галина Александровна Семяшкина – моя мама, работает в средней школе села Петрунь учителем родного коми языка и литературы. За долголетний добросовестный труд дед Александр Николаевич награжден медалью «Ветеран труда», значком «Отличник советской потребительской кооперации». Моего дедушку знали и уважали за его скромность и трудолюбие, ум и проницательность, доброту и несуетливость. Сейчас его нет уже в живых, но добрая память о нем осталась.

Сколько шрамов оставила война в сердцах? Сколько горя она принесла! Это знают не из книг те, чьи души поранены войной. В их числе и моя прабабушка с маминой стороны – ее муж и мой прадедушка Алексей Николаевич Игнатов погиб в этом страшном пожарище, похоронен в братской могиле на Пискаревском кладбище. Даже увечный он встал на защиту родины. У него не было руки, но была честная душа, большое сердце, и он отдал жизнь за мир, за то, чтобы его дети, внуки, правнуки могли радоваться жизни, прожить ее достойно. Он ушел на фронт, чтоб были мы.

Сколько было случаев, когда мой дедушка Александр Николаевич Супрядкин мог лишиться жизни? Но, видимо, в счастливую минуту он был рожден. Чтобы пройти через огонь Великой Отечественной, нужно было иметь удачу и огромную волю к жизни. Мой дедушка, к счастью, оказался среди той малой части героев, которые вернулись домой. Я считаю, что мой прадед и дед внесли достойный вклад в Победу над фашистами.

Мой прадед Алексей Николаевич Игнатов (30.03.1905 года рождения, уроженец села Ношуль Прилузского района) добровольно ушел на фронт в 1942 г. До войны он работал в Ношульском лесопункте слесарем по ремонту тракторов. В горячую пору лесосплава всех рабочих направляли на эту работу. В одну из весен, когда спускали бревна со штабелей на воду, прадед получил увечье руки. Поэтому на начало войны он имел «белый билет».

В дальнейшем, работая председателем сельпо, слыя человеком добрым, умным, понимающим, оказывал в трудную пору войны помощь, особенно старым, по отовариванию хлебных карточек. Поняв, что ему трудно отказывать людям, решил, что легче с винтовкой в руках напрямую сражаться с врагом, чем быть в тылу и суметь остаться порядочным человеком. В армии прадед не служил, так как женился в 17 лет, по воспоминаниям, на 16-летней сиротке-полячке, у них родились дети и от призыва он был освобожден.

Рано оставшись без отца, успел окончить всего пять классов. По воспоминаниям бабушки А.А.Супрядкиной, он умел делать все: охотился на белок, добывал дичь, заготавливал бревна, держал большое хозяйство, кузничил, знал слесарное дело, мастерил игрушки из дерева. До сих пор моя бабушка помнит, как любил он петь на пару со своей женой, обожал животных. По воскресеньям в его доме устраивалась цирюльня для сельчан: сколько было веселья, разговоров, только вот выпивок бабушка не помнит. Считает, что ее отец был талантливым родителем: умел контролировать учебу своих детей, поощрить их или наказать. Его слово было авторитетным: похвалит сшитое дочкой платье из его рубашек – оно будет носиться с удовольствием. Прадед отличался удивительным терпением, незлобливостью, трудолюбием. В страдную пору без передышки одной рукой мог косить сено, таскать приделанной вместо руки лямкой копны сена, ловить рыбу.

На свете много людей, на первый взгляд, неприметных. Кажется, у них нет особой красоты, нет особого ума, но если взглядеться в их лица, узнать побольше об их судьбах, любимее этих людей вы никого не найдете. Я думаю, что человек не может жить только сегодняшним днем. Необходимо представлять себе свою жизнь продолжением предыдущей и преддверием будущей жизни. Все мы – и ныне живущие, и те, кто будут жить после нас – через своих близких так или иначе сопричастны событиям великого прошлого. Великая Отечественная война оставила след не только в судьбах людей военного времени. Ее след – и в нашей жизни.

«СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА»

ОТ РЕДАКЦИИ

О поисковой работе Коми республиканского поискового объединения «Северная звезда» было рассказано в предыдущем выпуске «Труды Коми отделения АВИН». В настоящем сборнике представлены материалы, раскрывающие одно из направлений деятельности поисковиков – работу с ветеранами Великой Отечественной войны и тружениками тыла по сбору воспоминаний. Беседы проводились по специально разработанным вопросам, в большей части во время республиканской молодежной акции «Возвращаем имена» в 2004 г.

В ходе работы по сбору и обработке материалов была использована методика устной истории, применение которой разрешает сохранить свидетельства о прошлом, дополнить полученную информацию данными из письменных источников. Примерный вопросник-путеводитель начинал тему разговора с большого открытого вопроса, требующего развернутого ответа: «Расскажите о войне». На первом этапе это позволило опрашиваемому задуматься, «вернуться в эпоху», «вытащить» самые яркие образы и ассоциации, связанные с интересующим периодом. Кроме того, подобная постановка вопроса позволила избежать возможных однозначных ответов «да» или «нет». Далее следовали частные вопросы, ответы на которые более всего интересовали поисковиков, так как связаны с родом их деятельности.

Воспоминания любого человека неразрывно связаны с осмыслением прошлого – как своей собственной индивидуальной биографии, так и истории общества, в котором прошла его жизнь, истории родной страны и всего мира в целом. Особенность представленных к публикации материалов состоит в том, что студенты и школьники, встречавшиеся с ветеранами войны и тружениками тыла, не получили жесткой инструкции опрашивать ветеранов строго по вопроснику. Если собеседники углублялись в воспоминания каких-либо отдельных эпизодов, связанных с биографией фронтового периода, их рассказ не прерывался. В этом случае собранные воспоминания публикуются с описанием сюжетной линии.

Безусловно, настоящий сборник можно оценивать как исторический источник. Известно, что в престарелом возрасте человеку чаще вспоминаются события, которые более всего потрясли его, были труднее пере-

житы. Ответы на многие вопросы представляют нам картину оценки очевидцев событий с высоты прожитых лет, выявляют отношение к прошлому и современности. Опубликованные воспоминания являются частью исторической памяти всего общества, показывают взгляд на прошлое с позиции мира повседневной жизни «маленького человека». Люди фронтового поколения сегодня, не страшась осуждения и идеологической конъюнктуры, которая преследовала в советские времена, открыто выражают свое видение окружавшего их мира, свою гражданскую позицию. И этим ценны встречи и беседы с ними молодых людей, следующих поколений. Эти встречи – своего рода канал живого обмена опытом, способствующий взаимному духовному обогащению. Не случайно, многие очерки сопровождаются комментариями – личными наблюдениями, ощущениями и переживаниями студентов и школьников, опрашивавших ветеранов.

В данном сборнике невозможно провести четкую границу между академической публикацией и другими формами популяризации исторического знания. С одной стороны, материалы могут рассматриваться и использоваться как исторический источник при исследовании самых разных тем истории Великой Отечественной войны. Все представленные воспоминания в максимальной степени следуют дословному воспроизведению аудиозаписей интервью в письменной форме. Наименования воинских частей и их фронтовые дороги описаны в соответствии с рассказами участников войны. Следует отметить, что транскрибирование текстов предполагает определенную редакторскую работу. Многочисленные повторы, малозначительные фразы, паузы, начатые и неоконченные предложения, просьбы повторить сказанное собеседников – все это затруднило бы читателю понимание смысла текста, создало неправильное представление о способности респондента к самовыражению, ослабило эмоциональное воздействие высказывания. С другой стороны, материалы адресованы массовой аудитории, и могут быть использованы в научно-популярной литературе, радио- и телепередачах, музейных экспозициях, лекционных курсах и школьных уроках истории.

Сборник воспоминаний сопровождается отрывками из школьных сочинений на тему «Взгляд на войну из современности...», которые предоставлены руководителем историко-краеведческого клуба «Поиск», г. Печора Людмилой Митрофановной Еделькиной.

Перелистывая книгу, читатель увидит, что в ней представлены два взгляда на войну – взгляд из прошлого и из настоящего. Показаны две линии, два отношения – пережитого (опытное знание о войне) и современного (приобретенное знание о войне из литературы, художественных

и документальных фильмов). Итог один – все едины во мнении о никчемности и ненужности для большинства населения, рядовых жителей развязывания военных конфликтов. Важно, что понимание этой аксиомы присуще представителям различных поколений. Это то, с чем пришло наше общество к 60-летию юбилею празднования Победы в Великой Отечественной войне.

Ветеранов и тружеников тыла опрашивали:

Андреева Татьяна – студентка третьего курса факультета педагогики и методики начального обучения Коми государственного педагогического института, п.о. «Поколение».

Володина Мария – студентка четвертого курса лечебного факультета Коми филиала Кировской государственной медицинской академии, п.о. «Северная звезда».

Коробов Иван – ученик 11 «а» класса школы № 16 г. Сыктывкара, п.о. «Северная звезда».

Липина Олеся – студентка второго курса факультета педагогики и методики начального обучения Коми государственного педагогического института, п.о. «Поколение».

Момина Александра – студентка второго курса лечебного факультета Коми филиала Кировской государственной медицинской академии, п.о. «Северная звезда».

Педаев Антон – ученик 11 «а» класса школы № 16 г. Сыктывкара, п.о. «Северная звезда».

Петрова Александра – студентка второго курса факультета иностранных языков Коми государственного педагогического института, п.о. «Поколение».

Семячков Сергей – студент четвертого курса исторического факультета Сыктывкарского государственного университета, п.о. «Возвращение».

Стефанович Светлана – студентка второго курса факультета педагогики и методики начального обучения Коми государственного педагогического института, п.о. «Поколение».

Ивашина Ольга – редактор ВГТРК «Коми гор», член Совета объединения, главный редактор «Вестника «Северная звезда».

Авторы школьных сочинений «Взгляд на войну из современности...» – члены историко-краеведческого клуба «Поиск», г.Печора.

Школьники: Листопад Марина, Костицына Саша, Федорова Галя, Петрова Катя, Пиликин Спартак, Семяшкин Илья;

Учащиеся профессионального лицея-23: Бутырев Никита, Ситдикова Зинфира, Каширина Надежда, Головата Алена.

Составитель:

Боле Елена – научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, кандидат исторических наук, ответственный секретарь Совета ОМО «КРПО «Северная звезда», командир поискового отряда «Возвращение».

ПОИСКОВИКИ НЕ ИГРАЮТ В ВОЙНУ

Деятельность общественной молодежной организации «Коми республиканское поисковое объединение «Северная звезда», как и ей подобных в других регионах страны, направлена на решение таких важнейших задач государства и общества, как увековечение памяти защитников Отечества, установление имен и судеб погибших, восстановление исторических событий периода Великой Отечественной войны, и, как следствие решения этих задач, – патриотическому воспитанию молодежи. Поисковые отряды в Коми вновь возродились в 2003 г. В течение двух последних лет были созданы и успешно работают шесть поисковых отрядов. Все они являются членами одной организации и объединяют в своих рядах более 70 студентов и школьников, юношей и девушек в возрасте от 14 до 30 лет.

ОМО «КРПО «Северная звезда» не является юридическим лицом, не имеет сотрудников, освобожденных от основного места работы. Ресурсным обеспечением деятельности организации являлась и является поддержка Комитета по делам молодежи РК, привлечение спонсорских и личных средств. Поставленные организацией цели и задачи на практике осуществляются в различных формах. Прежде всего среди них следует выделить поисковое направление, включающее поиск и захоронение останков погибших защитников Отечества в годы Великой Отечественной войны, восстановление имен без вести пропавших бойцов, поиск их родственников, осуществление исследовательской работы по поступающим от населения запросам по установлению мест гибели родных, создание базы данных по погибшим в годы войны бойцам, призванным военкоматами Коми АССР, чьи имена были восстановлены в ходе поисковых работ. Следует отметить, что неременным условием в работе по установлению имен, поиску сведений о погибших

воинах является сотрудничество «Северной звезды» с рабочей группой редколлегии Книги памяти Республики Коми.

Благородная работа, которой в поисковых отрядах занимаются молодые люди, книги, которые они читают, песни, которые они поют – все это способствует осознанию собственной причастности к подвигу предков. Ни один художественный фильм не даст того ощущения, какой дает поиск, работа в экспедициях. Переживания эпохи, душевный порыв, полет души перерождаются в поисковую песню, поэзию. Рождены песни и стихи и ребятами поисковых отрядов из Коми. Поисковая песня уникальна. Даже те, кто ни разу не бывал на раскопах, услышав их, может почувствовать, что движет этими людьми.

Пережитое и увиденное отрядами в поиске, по возвращении домой, нашло выход в проведение республиканской молодежной акции «Возвращаем имена». Воплощение идеи и инициативы молодежи состоялось благодаря финансовой поддержке Комитета по делам молодежи РК. В акции, представлявшей собой проведение встреч поисковиков с учащимися и студентами не только в г. Сыктывкар, г. Микунь, но и в шести сельских районах республики, приняли участие бойцы поисковых отрядов «Северная звезда», «Поколение», «Возвращение», «Звезда».

Акция «Возвращаем имена» проходила в два этапа. Первый этап ее состоялся в феврале 2004 г., когда за пять дней 15 участников акции провели 15 встреч, на которых присутствовало около 500 человек. На втором этапе, в ноябре этого года, в те же сроки с аналогичным числом участников было проведено 19 встреч, которые посетили уже около тысячи учащихся и их наставников. Все это свидетельствует о сочетании достигнутой цели по популяризации поисковой деятельности во время первого этапа акции, возросшем интересе к поисковой работе среди молодежи в течение года в целом. В ходе встреч, наряду с лекцией по краткому экскурсу в историю Великой Отечественной войны, т.е. попыткой объективного рассказа о ней, а также показом видеофильма о «Северной звезде», ребята исполняли стихи и песни, проводили минуты молчания. Демонстрация поисковых находок, привезенных с мест боев, позволяла наглядно освещать темы вооружения и обмундирования солдат Красной Армии и Вермахта в их сравнении, показать цену Победы, особое внимание уделялось разъяснению целей и задач поискового движения. На встречах присутствовали ветераны Великой Отечественной войны и труженики тыла, которые рассказывали детям об истории родного села, города в военные годы. Общая атмосфера мероприятия направляла ребят к своим корням.

Акция «Возвращаем имена» вызвала широкий интерес и среди взрослых. Свидетельством тому служат поступающие в Объединение как заявки о проведении повторных встреч, совместных мероприятий, так и запросы о содействии в поиске сведений о без вести пропавших в годы войны родственниках. Следует упомянуть также просьбы об оказании методической помощи в организации новых поисковых отрядов, а также о многочисленных заявлениях от школьников о вступлении в поисковый отряд.

Составной частью акции были встречи поисковиков с ветеранами войны. Поисковики объясняли ветеранам, что война для них не игра. Люди разных поколений: ветераны чувствуют Великую Отечественную войну изнутри, они ее пережили; поисковики же – спустя десятилетия – видят ее отражение, уснувшее в новгородских болотах и мурманских сопках, слышат ее отзвук, когда саперы уничтожают извлеченные из земли боеприпасы. Общее между ними одно – понимание ценности жизни сегодня. Быть может, в этом смысл связи поколений?

Участники акции, по специально разработанным вопросам, собирали воспоминания ветеранов войны и тружеников тыла. Эти люди – очевидцы давних событий, они живут среди нас, рядом с нами. Только они, сквозь призму своей судьбы, могут передать дух ушедшей эпохи, величие подвига народа. В ходе бесед ветераны рассказывали много интересного о войне, что в свою очередь только способствовало обогащению имеющихся знаний о войне. По наблюдениям, самым значимым итогом данных встреч явилось то, что ребята столкнулись с активной гражданской позицией пожилых людей, поражались их жизнестойкостью и жизнелюбием.

Воспоминания ветеранов войны и тружеников тыла, собранные студентами и школьниками, публикуются в данном сборнике. Все рукописные материалы, аудиокассеты бережно хранятся в архиве Объединения.

Можно с уверенностью констатировать, что молодежные поисковые общественные организации на современном этапе являются одним из немногочисленных общественных организаций, которые поддерживают связь между поколениями, без которой невозможно сохранить духовный стержень общества.

Елена Боле

Ануфриев Алексей Абрамович. 1922 года рождения. Воевал в составе 124-го стрелкового гвардейского полка 41-й дивизии. Дата опроса – 28 февраля 2004 г.

Расскажите, пожалуйста, о войне.

В октябре 1941 г. меня мобилизовали в армию. Нас повезли в Саратовскую область. Ехали мы очень долго. Дороги перегружены все были, некоторые солдаты ехали в товарных вагонах на нарах. До Нового года, до начала 1942 года, там и занимались, выдали обмундирование. Начали наступать немецкие войска, вскоре нас перебросили в Московскую область. До августа 1942 г. нас готовили в десантные войска, совершали парашютные прыжки. Имею три парашютных прыжка. А потом нас перевели в наземные войска. В начале августа поехали на Сталинградский фронт. Тогда поезд до фронта не шел, боялись, что немецкая авиация будет бомбить. Ночами шли пешком. Но и добрались в числах 14-15 августа до своего места, стали окапываться. 22 августа было первое наступление, 24-го – второе. Тогда меня и ранило. Пулевое ранение. Меня санитары подобрали, так как идти я не мог до полевого госпиталя. А потом я добрался до Новосибирска. В общей сложности в госпитали лежал 7 месяцев. А после сравнительного выздоровления – обратно в Москву, на пересыльный пункт. Там прошел комиссию, и признали меня не строевым, ну и определили в рабочий батальон в Подмоскowie. И до октября 1945 г. я был там, откуда как раненого меня демобилизовали. Так что служба у меня вышла четыре года, в конце октября 1945-го я приехал домой.

Когда Вы узнали о том, что началась война?

Я работал в Ухте. Радио-то было, вот по радио и узнали в 1941-м.

О чем Вы думали, что ощущали, когда узнали о начале войны?

Все молодые люди моего возраста думали, что это ненадолго. Как в кино было: наша граница на замке, мы будем воевать на чужой территории. Ну а на фронте-то совсем другое показалось. Немец как напал неожиданно, без объявления войны. Конечно, некоторая разведка знала, понимала. Ну а наш Генеральный секретарь не очень прислушивался к этим разговорам. Вот и что получилось...

До мобилизации на фронт Вы прошли курс подготовки молодого бойца в системе Всевобуча?

Когда еще в школе учился, было военное дело. Строевому ознакомили, стреляли из мелкокалиберных винтовок. Обучали, но этого не достаточно.

Расскажите, как Вас провозжали на фронт. Кто провозжал?

От военкомата приходит командир и выбирает, у кого на руках повестка. В ней написано: надо явиться в такое-то время, туда-то. Ну а кто там были, не помню.

О чем Вы думали в пути, когда добирались до фронта?

Мы тогда еще не могли думать по-настоящему о будущем. Не могли представить, что происходит на войне.

Расскажите о первых фронтовых впечатлениях. Вы скучали по дому? Часто писали письма? О чем писали?

Когда на фронте оказались и уже окопались, смотрим – регулярно самолеты летают, немецкие разведчики. Они чертили, где мы расположились, а потом наши координаты передавали своим и те обстреливали нас из минометов, из пушек. Самое неприятное, когда бомбардировщики бомбят, потому что укрываться некуда.

Когда был на фронте, письма было писать некогда, а после ранения в госпитале лежал и писал. О войне не писал.

Что Вами чаще всего вспоминается из фронтового быта, военной жизни?

Подавали котелки. Например, идет дежурный на кухню, обед готов. Приходит в роту и зовет на обед. И все с котелками идут туда за обедом. Котелок на двоих. В одном котелке суп, а в другом котелке каша, хлеб. Мы идем в расположение и там кушаем. Столовой не было, условия не позволяли.

В баню ходили. В армии принято ходить через 10 дней. Для них были предусмотрены специальные палатки.

Можете нам рассказать о том, как хоронили погибших бойцов, фронтовых товарищей.

Нет, не знаю. Это была другая команда. Вот идет наступление. Санитары подбирают на подвозку раненого и везут в госпиталь. А кого убили – ими специальная, похоронная команда занималась.

Где и как Вы встретили Победу?

Стояли мы в Подмосковье. Там по радио и узнали.

Что Вы при этом чувствовали?

Душевный подъем.

Вы помните, кто и как Вас встречал дома?

Я добирался из Москвы по Северной железной дороге до станции Ираель. Добрался, а в октябре месяце дороги уже нет, только тропинка. Вот мы сошли и пошли по этой тропинке. Если шаг влево или вправо сделаешь, там болото, можно провалиться. Только держались этой тропинки. Но удобно было тем, что через 15-17 км стояли избушки. В

них хозяйка или хозяин принимают, готовят чай, да и у нас кое-что еще оставалось с собой. Вот мы покушали, чайку попили, отдохнули и опять пошли дальше. Добирались до Ижемского района пешком, это примерно 100 км. До Ижмы вдвоем дошли, а из Ижмы ходит подвода каждый день, вот я и нашел ее, до дома на подводе доехал. А было холодно. Я в шинели, в пилотке. На уши ее натянул. Пока доехали, замерз изрядно. Из родных никто не встречал, так как я не вещал, что еду.

После войны работал в ремесленном училище, преподавал физику и математику. На пенсию вышел в 1975 году с ТЭЦ-1 Воркутинская.

Что дополнительно Вам хотелось бы сказать молодому поколению?

Учиться, учиться и еще раз учиться! И с молодых, ранних юных лет надо рождать какую-то цель, чтобы глаза были открыты на то, что тебе нужно делать. А то сейчас, заканчивая школу, не знают, куда податься, куда пойти учиться.

Записала Татьяна Андреева

«Взгляд на войну из современности...»

Война – это крах, разрушение, множество ненужных смертей. В то же время это жажда власти. Желание править всем миром захлестывает человеческий разум, что приводит к кровавым войнам.

Ярким примером является Вторая мировая война, когда только наша страна потеряла по примерным данным более 60 миллионов человек. И таких примеров, к сожалению, очень много в истории человечества. Было много неоправданного кровопролития, тогда как можно было договориться на словах.

Мне кажется, если в наше время появится такой агрессор, как Гитлер, то Третьей мировой войны не избежать. Но люди должны понять бессмысленность войны. В мире так много интересного и занятого. Лучшие жить в мире и согласии со всеми странами.

Бутырев Никита, 18 лет

Арихин Питирим Андреевич. 1924 года рождения. Уроженец с.Часово Сыктывдинского района. Призван Удорским райвоенкоматом в августе 1942 г. Младший лейтенант. Демобилизован в декабре 1947 г. Проживает в Сыктывкаре. (Книга Памяти Республики Коми. Т. 6. С. 97). Дата опроса – 29 февраля 2004 г.

В годы Великой Отечественной войны Питирим Андреевич воевал в составе 689-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка 5-й гвардейской Краснознаменной танковой армии. В послевоенное время получил высшее образование, работал экономистом в организациях «Комистрой», «Комигражданстрой».

Что Вы можете рассказать о войне?

На войне друг друга убивают. Ничего хорошего не скажешь. Но тогда на войне люди воевали на совесть. Народ был настроен за Родину, за Сталина воевать. Сейчас бы, наверное, такового не получилось, люди бросили бы войну. А тогда верили, что все равно победим.

Война – это тяжесть. Тяжело было. И в тылу плохо жили, и на фронте, когда воевали. Немец-то дошел до Ленинграда, город оккупирован был. И до Москвы дошел. Надо было его выгонять, ведь фашисты пришли на нашу землю – сами не уйдут. Воевать с ним надо было как следует. А сколько людей погибло... до сих пор, наверное, не знает никто точной цифры.

Но восстанавливают же имена погибших.

Да как это восстановишь. Столько мирных жителей убило, в боях, сколько людей умерло в концлагерях. Вот, например, прокладывали кабель до Берлина по Западной Украине; около 12 тыс. пленных закопали сразу же, чтобы не выдали тайну строительства, тайну этого кабеля.

Когда Вы узнали, что началась война?

Моя семья живет в Сыктывкаре с 1937 г. Я учился в 12-й школе. Теперь эта школа носит имя Олега Кошевого. Учеба в школе была платной. Родители не могли платить, нас детей было пятеро. В 39-м мне пришлось школу оставить. Работы без специальности найти было сложно, я услышал о курсах киномехаников звукового кино в городе Горьком. Войну встретил там, в 1941-м Горький бомбили уже. Сначала проводили учебные тревоги, а потом и настоящие были, боевые тревоги. В августе 1941-го учебу я закончил, приехал в Коми АССР, меня направили на работу в Удорский район. На следующий год, в августе 42-го призвали в армию. Прослужил в армии до 17 декабря 1947 г., 5 лет и 4 месяца.

Что Вы ощущали, когда началась война?

Что ощущал? Пацаном был, откуда мог знать, что есть война. Помню, объявят тревогу, так мы залезали под койку. А тревога учебная, потом проверка ходила, чтобы все на улицу выходили. Когда настоящие бомбежки начались, тогда уж все выбегали.

Проходили ли Вы курс молодого бойца в системе Всевобуча?

Какая подготовка? Никто куда нас не готовил. Я сам кино пока-

зывает – оружие из фильмов видел, но в руках никогда не держал. Какой там курс молодого бойца... Я еще и ростом был всего 1 м 48 см, но в армию призвали. По стандарту надо как минимум ростом быть 1 м 50 см. Некоторых парней взяли только через два года, они и потом на фронте не были. А меня взяли, сказали: «Поедет – вырастет!».

Как Вас провожали на фронт?

Родители жили в Сыктывкаре, а я на Удоре. Отец приезжал в Удорский район, а мать ждала в Айкино. С Кослана до Айкино мы 165 км шли пешком. И вот мать дождалась. В Айкино все парни сели на пароход «Добролюбов» и поплыли до Архангельска. К Архангельску подъезжали ночью, но нас не пропустили, город бомбили немцы. Бомбежка закончилась, пароход пошел дальше.

Какие Ваши первые впечатления о фронте?

Впечатления? Там убивают кто кого. Если ты не убьешь, тебя убьют. Вот и все. Если наскоро ты успеешь – хорошо, а если нет, то тебя убьют. Вся война. Она заведомо для того, чтобы господство завоевать над этой страной. Немец, Гитлер, Западную Европу всю оккупировал уже, только потом на СССР пошел. Но Россия выиграла обе мировые войны, и первую, и вторую.

Часто писали письма домой? О чем писали?

Писал. Писал «Жив. Здоров», что там еще писать...

О ранениях не писали?

Зачем о трудностях писать. Мы же не в санатории были.

Что Вам чаще всего вспоминается из фронтового быта?

Беда в том, что сутками, бывало, без еды. Как-то в полевую кухню попал снаряд. Это же фронт. В шинельках были. Я в сапогах ногу обморозил. Хорошо, что врач хороший был, ногу вылечили, не ампутировали.

Вот я один эпизод расскажу. Под Кировоградом нашу первую батарею отправили занять оборону. На полях были стога сена. Мы поставили четыре пушки. Я был командиром отделения радиосвязи. В отделении никого уже не осталось, кроме меня, так как командир батареи отправляет радиостанцию намного дальше основных частей. У немцев хорошо работал пелингатор, они быстро засекали радио и по рации они открывали огонь. Пока радио не замолчит, они все бьют. Мы вырыли окопы, много ли выкопаешь лопатой зимой. Грунт мерзлый, сами в шинельках. Под утро в 3 часа поднял голову, вижу идут 17 танков немецких. А у нас на линии обороны всего четыре пушки. И что там можно сделать? Я сообщил в штаб, что идут 17 тяжелых танков. Да еще танками называть нельзя было. В эфир говорили «коробки». Наши пушки открыли огонь, но наши пушки не брали лобовую тяжелых

танков, приходилось бить только по гусеницам. А на Украине темно на улице, не как на севере у нас. Четыре танка удалось подбить, немцы что-то кричали, отступили обратно. А наши пушки все были разбиты и людей очень мало осталось. Вроде человек 10 всего от батареи. Среди них остался жив Панюков Иван Михайлович, он был командиром первого орудия. Мой однополчанин. Он тоже был из Сыктывкара, умер два года назад. А всего нас однополчан было трое: Панюков, Марков Петр Михайлович с Удоры (отец Валерия Петровича Маркова, бывшего депутата Госдумы) и я. Петр Михайлович умер давно. Я один остался.

Расскажите, как хоронили погибших.

Погибших? Если время было, старались хоронить хорошо, достойно. Документы собирали. Гробов не было тогда, в шинельку заворачивали. Что говорить, как есть, так и захоранивали. А когда не успевали, как там хоронить...

А как родных погибших извещали?

Документы собирали, сдавали в Штаб. А там уже Штаб сообщал.

Где Вы встретили Победу?

Войну я закончил в Кенигсберге, сейчас это город Калининград. На Восточную Пруссию мы двигались день и ночь. Нас заправят и мы снова вперед. Объявили: «Кто первым зачерпнет каской воду из Балтийского моря – тот будет Герой». Ну наши, конечно, жали изо всех сил. Кенигсберг быстро взяли. Вот там меня и застала Победа.

А потом нас перебросили в Западную Украину, где и служил до 17 декабря 1947-го года. Мы там вели вторую войну – с бендеровцами. Там бендеровцы, в Западной Белоруссии – бульбовцы, а в Прибалтике были лесные братья. Все они воевали против нас.

Кто Вас встречал дома?

Кто встретит, когда никто из родных не знал, когда я приеду. Я и сам не знал, что писать, когда отпустят. Железной дороги до Сыктывкара не было. Кто мог знать, как долго в дороге буду находиться. Хорошо от Княжпогоста какой-то шофер взял в кузов машины, а то зимой в декабре пешком попробуй-ка.

Что бы Вам хотелось сказать молодым людям?

Чтобы не было войны. Сегодня молодые люди в армию идти не хотят, туда попадают только сыновья из бедных семей. По здоровью многие не подходят. По образованию. А как же неграмотная, нездоровая армия будет противостоять противнику? Сразу окажется побежденной, возьмут «голыми руками». Подход к армии другой нужен.

Записали Мария Володина, Александра Момина

«Взгляд на войну из современности...»

В современном мире война – это разрушительная сила, порожденная из тьмы. Хотя для некоторых она представляет собой один из способов захвата территории, владения или господства миром. Но такое представление возможно лишь у недалеких людей, не знающих, что такое потеря близкого, никогда не видевших смерть на поле боя, не познавших страха за свою жизнь. Такие люди пожинают плоды войны, преследуя свои корыстные цели. Возможно, из-за действия безнравственных людей и происходят войны. А гибнут на ней мирные граждане, ни в чем неповинные люди.

Для меня война – это что-то ужасное, хотя я знаю о ней лишь по рассказам. А вот люди, участвовавшие в битвах, даже при одном упоминании о войне – вздрагивают. Они знают на собственном опыте, как это тяжело, страшно и больно.

Я знаю, что ни одна страна не обошлась в свое время без войны – из истории этого не выкинешь. Но неужели нельзя жить в мире? Конечно, нужно защищать свое Отечество, быть патриотом своей Родины. Но зачем нужны те люди, стоящие во главе государства? Разве не для того, чтобы мирными мерами избавить свой народ от проблем? Это правители, творящие хаос на земле, виноваты в разрушениях и потерях от кровавых битв и сражений.

Народы должны жить в мире, и нужно находить мирные средства сосуществования в нем.

Ситдикова Зинфира, 17 лет

Белозеров Александр Михайлович. 1924 года рождения. Уроженец д. Равдуга Котласского района Архангельской области. Призван Котласским райвоенкоматом в августе 1942 г. Сержант. Демобилизован в ноябре 1945 г. Проживает в Сыктывкаре. (Книга Памяти Республики Коми. Т. 6. С.105). Дата опроса – 29 февраля 2004 г.

Наш разговор с Александром Михайловичем начался с подробного знакомства друг с другом. Мы рассказали ему о себе, о том, кто такие поисковики, чем в целом они занимаются. Показали фотографии. Почувствовали с его стороны полное понимание и одобрение проводимой нами работы. Наша встреча прошла в теплой, гостеприимной обстановке.

Автобиография Александра Михайловича многогранна. В 1942 г. он окончил Великоустюгский речной техникум. После войны работал в

Сыктывкарском техучастке. В 1961 г. закончил высшую партийную школу при ЦК ЦПСС в Ленинграде. Работал в обкоме партии, совнархозе республики. После его ликвидации в 1965 г. Александр Михайлович являлся первым секретарем Сысольского райкома партии. Затем вновь вернулся в Сыктывкар, работал в должности заместителя директора по кадровому быту Сыктывкарского лесопромышленного комплекса. Позже из сферы промышленности судьба привела его в область науки, где он являлся заместителем Председателя Президиума Коми филиала Академии наук СССР. Еще позже – директором Государственного архива Коми АССР. Вышел на пенсию. Но продолжал активно трудиться референтом по работе постоянных комиссий при Президиуме Верховного Совета Коми АССР. И еще 10 с лишним лет, до исполнения 75 лет, работал инженером по гражданской обороне в Управлении связи, ныне ОАО «Связь» Республики Коми.

Познакомившись друг с другом, мы приступили к нашему интервью.

Расскажите, пожалуйста, нам о войне.

Что о войне можно сказать? Война оставляет очень тяжелые последствия для народа. Для всех. Ничего приятного о войне сказать нельзя. Нужно стремиться к тому, чтобы на земле существовал мир, а не война.

Когда Вы узнали, что началась война?

О том, что война началась, узнал на второй день. Мы ехали на практику после 3-го курса техникума, на реку Суру в Чувашскую АССР. В субботу приехали в Алатырь, есть там такой городок районный. Устроились. Тогда по субботам работали. Нас устроили, оформили и сказали, что вечером на катере поедem до места работы. Вечер наступил, мы погрузились на катер и примерно около 11-12 часов ночи отплыли. Целый день плыли, до воскресенья. Тогда с собой связи никакой не было, радиоприемников на катерах не было. Так что сразу ничего не узнали. Приехали на место работы, выгрузились, переночевали. На завтра пошли на базар. Смотрим – красные флаги на базарной площади вывешены. Тут же военкомат располагается. Уже очередь стоит, народу полно. Вот тогда и узнали, что началась война. Война второй день шла, это был уже понедельник 23 июня 1941-го.

О чем Вы думали в эти минуты?

О чем думали? У нас был призывной возраст не за горами. Мы должны были пройти приписку. В сентябре после практики вернулись в техникум. Большинство ребят призвали в армию. В Великом Устюге были сформированы несколько лыжных батальонов из учащихся семи находившихся в этом городе техникумов. В ноябре-декабре 1941-го эти

батальоны уже воевали. Я был на последнем курсе. В январе сдавали госэкзамены. К этому времени в техникум вернулись с фронта те ребята, которые были ранены. Они продолжили учебу. Вместе с нами получили дипломы об окончании техникума, но без сдачи госэкзаменов. Считалось, что экзамен сдали на фронте.

Проходили ли Вы курс молодого бойца в системе Всевобуча?

Да, проходил. Сначала в техникуме, когда учился. Военная подготовка у нас была приличная: мы сдавали зачеты по стрельбе на значок «Ворошиловский стрелок». Но у меня такого значка не было, так как по нормативу очков выбивал в пределах 40-43-х из нужных 50-ти.

Скажите, на фронте Вамгодились знания военного дела, которому обучали в техникуме?

Мне она особенно не пригодилась. Дело в том, что пока я проходил курс молодого бойца, из одной части в другую переезжал – несколько раз выполнял команду: «Окончившие средние технические заведения – два шага вперед!». Таких были единицы, по 2-3 человека выходили из строя, не больше. В первый раз я попал в артиллерийскую часть, когда капитан из этой части выкрикнул эту команду, я вышел в том числе. Он говорит мне: «Будешь топографией заниматься. Ты приборы знаешь. Будешь определять координаты артиллерийских систем, привязывать их к местности. Готовить данные для стрельбы».

Позже попал в маршевую роту. Перевели нас в Волховстрой, на Волховский фронт. Вышли с поезда, перешли Волховскую плотину. Все замерзшее кругом, плотина не работает, кое-что разбито. Затем – марш 25 км и пришли мы в д. Новая. Было нас около 400 человек, целый состав прибыл. Когда стали к деревне подходить, прошел слух, что идем на пополнение 2-й артиллерийской дивизии. До этого ничего не знали.

В д.Новая вновь было построение и вновь команда: «Два шага вперед!». Вышли двое. Но вот тут меня определили в Штаб дивизии, в разведотдел. Здесь я и проработал. Ничего другого больше я не видел, меня куда не отпускали, в отделе и просидел.

Наша часть принимала участие в составе Волховского фронта на прорыве блокады Ленинграда. После прорыва – на Синявинских болотах. Там была еще одна, дополнительная операция. В это время нас перевели на Ленинградский фронт. Месяца через полтора снова возвратили на Волховский фронт, вернули на Мгинское направление под д.Ворново. Там несколько раз наступали, старались расширить прорыв блокады Ленинграда. Но ничего не получалось. У нас сил не хватало, а немцы упорно сопротивлялись. Им не хотелось отдавать

Синявино. Упорные бои шли. Так провоевали мы все лето. Ничего сделать не смогли, оставались на том же рубеже.

Где-то в октябре месяце нас перевели под Новгород. Плацдарм на р. Волхов севернее Новгорода. Там в январе месяце стала проводиться Новгородская операция. Началась 14-го, 20-го января освободили Новгород, дальше наше направление было на Лугу. В середине февраля вышли на Лугу. В это время немцы почувствовали, что их могут в районе Ленинграда освободить, и они побежали и из Мги и отовсюду: часть выходила вдоль Чудского озера, часть ушла в Эстонию. Окружить мы их не смогли. Они ушли.

Потом мы повернули на юг, на Псков. Там бои шли, Псков тоже долго не могли освободить. В июле месяце перебрались в район г. Остова, это в километрах 70-80-ти южнее Пскова. В этом районе прорвали оборону, зашли к немцам в тыл. И тогда немцы оставили Псков.

Скажите, пожалуйста, наименование дивизии, в составе которой Вы воевали.

2-я артиллерийская Краснознаменная Островская дивизия прорыва резерва Главного командования.

Когда Вы получили повестку?

Когда закончил техникум. В повестке написано: явиться со всеми вещами на призывной пункт. Пришел. Но оказалось, что я не готов для вступления в армию. Майор, который занимался призывом, говорит: «Надо под суд отдать». Я возмутился: «За что?». А он отвечает: «За то, что операцию вовремя не сделал». А рядом врач сидел военный, хирург. Он заступился за меня. Сказал майору, мол, «что ты к нему придираешься, он приписки не проходил. Первый раз в военкомат явился, задания на операцию раньше не получал. Выпишем ему направление на операцию. Я сам ее сделаю. Все будет в порядке. Через две недели он будет готов».

Сколько Вам тогда было лет?

Семнадцать с половиной.

Расскажите, кто Вас провожал на фронт? Как?

Провожали мать, отец.

А как Вы добирались до фронта?

Как добирались я Вам, девочки, практически уже рассказал.

Какие Ваши впервые впечатления, когда Вы приехали на фронт?

Неприятные впечатления. Идет сплошной гул, стрельба.

Вы скучали по дому?

Конечно, скучал. А куда денешься?

Часто писали письма домой? О чем писали?

Письма писал, но не регулярно. Где-то раз в два месяца, когда один раз в месяц. Писал, что «жив-здоров и Вам того желаю».

Сохранились ли Ваши письма, фронтовые фотографии?

Письма не сохранились, да и фотографий тоже нет. У рядовых солдат почти их не было.

Что Вам чаще всего вспоминается из фронтового быта?

Ну, конечно, особого бытового устройства не было. Где придется, там и ночуешь. Даже в Штабе, что уж говорить о солдате в окопах.

Расскажите, как хоронили погибших.

Мне непосредственно не приходилось хоронить погибших. У нас было несколько случаев. При выезде из отдела погибли лейтенант из нашего отдела и начальник отдела. Это было на операции где-то в районе боевых действий. А я оставался в тылу, можно так сказать, мы находились в 3-4 км от пункта. Как хоронили погибших на поле боя, я не видел.

Где Вы встретили Победу?

В километрах 15-ти за Берлином. Боевых действий почти не было уже. 2-го мая немцы окончательно сдались. Мы стояли в том районе, где американские войска встретились с нашими.

Что Вы чувствовали?

Остались живы. Были рады.

А когда Вы демобилизовались?

Нас передислоцировали в район в 75 км от Гамбурга. Дивизия наша была как комендантская служба, и наш командир был комендантом г. Шверин. Примерно до октября 1945-го наши части несли караульную службу и т.п. В октябре дивизию стали расформировывать. Солдат демобилизовали домой. Вышла из состава и стала самостоятельной 20-я артиллерийская бригада. А наш Штаб расформировали, мне поставили задачу сдать все документы оперативного и разведотдела. Все документы следовало отправить в главный архив Красной Армии в г.Бузулук. Вот этим делом я и занимался до 22 ноября. Тогда мне выписали документы, разрешили ехать. Ехал через Берлин, Москву. Из Москвы на Горький, затем на Киров и на Котлас.

Кто Вас встречал дома?

Никто не встречал. Приехал домой, дверь закрыта. Было уже за 12 часов ночи. Выходит старушка из соседней комнаты, говорит: «Ваши сестрички в клубе. Иди в клуб». Пошел в клуб, а там только вошел, кто-то меня уже узнал. Кричат: «Нина! Галя! Сашка приехал!». Вот так вот встретились.

Что бы Вам хотелось сказать молодым людям?

Учиться, набираться знаний. Сейчас армия другая. Техника другая. Без знаний управлять новой техникой невозможно. Это самое главное для любого солдата. Но и физически закалять себя. Быть здоровыми. Этому делу уделяется мало внимания и государством, и самими людьми. Лишь 10-15 процентов здоровых молодых людей на приписку идут.

Записали Мария Володина, Александра Момина

«Взгляд на войну из современности...»

60 лет назад закончилась Великая Отечественная война, в которой погибло много молодых людей, детей, женщин, стариков. Немцы хотели захватить нашу территорию, поработить наш народ.

Немцы брали людей в плен. Они издевались над ними. В плен попадали не только солдаты и офицеры, но и обычные люди, которые не участвовали в военных действиях. Фашисты поступали с ними так жестоко – пытали, избивали до смерти. Моя бабушка рассказывала мне про то, как немцы приходили в русские деревни и брали в плен людей. Они ночевали в домах. Если им что-то не нравилось, они сразу начинали избивать жителей, не жалея никого, даже детей. Она рассказала, что как-то немецкие солдаты несколько дней гнали людей с деревень в Ленинград. Люди падали от голода, умирали прямо на дороге, но солдаты не обращали на это внимания.

Итоги войны были ужасны. Огромные людские и материальные потери, экономическая разруха.

Я хотела бы, чтобы в мире больше не было войн, чтобы люди жили мирно и сотрудничали друг с другом.

Каширина Надежда, 16 лет

Емельянов Алексей Павлович. 1926 года рождения. Уроженец с.Лозым Сыктывдинского района. Призван Сыктывдинским райвоенкоматом в октябре 1943 г., рядовой. Демобилизован в апреле 1950 г. Проживает в с.Пажга. (Книга Памяти Республики Коми. – Т.5. – С. 693). Дата опроса – 24 февраля 2004 г.

Алексей Павлович воевал на Прибалтийском фронте в составе 948-го стрелкового полка 257-й гвардейской дивизии. После войны более 30 лет работал трактористом в Пажгинской МТС, затем РТС, позже переименованной в ПМК. Оттуда вышел на пенсию.

Расскажите, пожалуйста, о войне?

После призыва в армию с октября по май 1943-го обучался в Архангельской области. В мае, 22-го числа, нас повезли на фронт. Ехали в товарном поезде, по 40 человек в вагоне. Выдали сухпак. В поезде ехали 6 дней. Под Великими Луками была остановка, нам дали 10-15 минут, чтобы сварить кашу. Симаков Миша со мной из Лозыма был, разожгли костер. А под ним оказалась немецкая пружинная мина была. Мина как рванет. Я в это время кусок сала в кружке давил. Нас с Симаковым отбросило метров на пять. А вокруг костра человек 10-15 было. Трех убило сразу, у одного руки оторвало, семь человек ранило. И как мы целые остались? Правда, контузило, служил почти полуглухой. Больше кашу варить не давали. Дадут три сухаря, овсянку, перловку. Так сырыми и кушали.

Доехали до г.Полоцка. Фронт для меня, можно сказать, начался оттуда. Полоцк после освобождения еще не убраный был. Телефонные столбы все повалены, лошади, собаки лежат, гниют. Запах стоял, некоторые от вида в обморок падали. Мост взорван, рельсы железной дороги выкорчеваны.

Войска шли на Прибалтику. Все пешком. Я был помощником пулеметчика. Пулемет весит 8 кг. На мне еще винтовка, противогаз, три гранаты, каска, бутылка с зажигательной смесью. Бои разные были. Людей оставалось мало. Рота наша – 73 человека. Писатель с нами в роте был – удмурт. Он все записывал, сколько погибло.

Однажды, я уже не помню, под каким городом, в роте осталось семь человек. Командира роты ранило, но я сам не видел, говорили. Взводного убило. Командир отделения погиб. Мы остались шестеро, без командира, но идем все вперед. И вот, к рассвету вышли на дорогу. Трое перешли дорогу, нас трое остались. Три танка откуда-то появились, за яблонями их не видно было. Дуло направляют на нас. Парень карел был, фамилию забыл. Говорю, смотри, сейчас бухнет. Я не успел договорить – уже все в огне. Слышу: «Ой, ой, ой». Сам был ранен осколками в ягодицу, в лодыжку. На ноги встать не могу. Был я в американских ботинках, подошву разорвало. Другой товарищ был весь в крови. Осколки в лицо попали. Все говорил, просил: «Только не оставь, только не оставь». А я сам раненый, помочь не могу. Третьего убило.

Гранаты были, две забросили в сторону немцев. Я испугался, думаю: «Все, жизнь кончилась. Будут в плен брать». На случай, если в плен будут брать, последнюю гранату храню. Пополз по-пластунски, в винтовке пять патронов. А куда идти? Поле. Слышно бой недалеко, наша артиллерия бухает, и немец бьет. Но Бог есть. Я дополз до окопа старого.

Земля сыпится в окопчик со всех сторон, хорошо, каска была. Я эту землю обратно откидываю ею, чтоб совсем в окопе не засыпало. Израненный весь. Всякое передумал. Убьют, так и пусть убьют. А потом думаю, вдруг жив останусь. И опять ползком, ползком. Дополз до окраины поля. Вижу, люди ходят. Немцы или наши – кто знает. Смотрю, вроде форма не немецкая. Я встал, что было силы. А писарь, удмурт, узнал меня: «Алексей, Алексей! Жив! Жив!». Схватил меня, обнял, давай расспрашивать, кто еще из наших со мной были. «Ты, – говорит, – последний вышел из семидесяти трех». Сделали перевязку, покормили. В километре-полтора был штаб. В нем я отлежался до вечера, а потом погрузили на лошадь и повезли до санчасти. 28 августа делали операцию. Осколки извлекали. Девчата расспрашивают, есть ли жена, еще о чем-то. Чтоб мне легче было. А я плачу.

– Чего плачешь? Больно? – спрашивают.

– Нет.

– Тогда чего плачешь?

– Сегодня Успение. Вот и плачу, – вспомнил я про праздник.

– Не плачь, не плачь, – утешали сестры.

После операции на носилках унесли в домики, там, на полу лежали больные. А потом отправили поездом вместе с ранеными. Попал обратно в Полоцк.

Забодел сыпным тифом...

Когда Вы узнали о том, что началась война?

22 июня в д.Гарья празднуют праздник Речкой. Я пацаном тогда был, но меня на праздник взяли. Парни постарше меж собой говорили: «Раз война началась, значит, нас возьмут». Через день провожали на фронт двоих Емельяновых. Оба погибли в войну.

Что Вы почувствовали, когда узнали о начале войны?

Мы тогда не понимали о войне ничего. Кино не было. Нам говорили: война, война, живыми не прийти.

До мобилизации на фронт Вы прошли курс молодого бойца во Всевобуче?

Здесь в Пажге в Слободском рейде Всевобуч проводили для военно-обязанных. Днем работали на сплаве, а вечером вернувшиеся раненые учили, как надо себя вести на войне. Помню, два раза с занятий удирал.

Вы на фронт ушли добровольцем?

Нет, меня военкомат призвал. В 43-м добровольцев уже мало было.

Кто Вас провожал на войну?

Провожала мать. Пацаны-друзья все были уже там. Сестры маленькие были.

Вы скучали по дому? Письма писали?

Скучал и письма писал. Я служил семь лет. Семь лет «подъем-отбой, подъем-отбой», в отпуске был только один раз.

Как Вы встречали день Победы?

В госпитале в Двинске я часовым был. Ров, в котором хоронили умерших от ран бойцов, охраняли. Утром стоял в карауле. Вдруг начали стрелять.

– Что такое, что случилось? – спрашиваю.

– Война кончилась, – отвечают мне.

У меня у самого в винтовке было 30 патронов. Все в воздух выстрелял. Шуму было. Кто плачет, кто стреляет.

После войны я служил, приехал домой в 1950-м. Служил в Тильзите. Был завхозом.

Что бы Вы хотели пожелать молодому поколению?

Спасибо Вам, что интересуетесь. О войне, о том, как и после войны тяжело жили – рассказывать можно много. А пожелал бы, чтобы Вы не видели никакой войны.

После ответов на наши вопросы мы не сразу попрощались. Алексей Павлович с супругой Анной Федоровной усадили меня за стол, накормили обедом. Машина уже ждала под окном. Ребята провели занятие в Пажгинской школе. В местной библиотеке закончилась встреча с труженицами тыла. В тот день нашей группе выезда предстояло побывать еще в Лозыме. Поздно вечером вернулись в Сыктывкар. По дороге мы долго обсуждали все то новое, что узнали от ветеранов и труженников тыла. Так закончился один из дней первого этапа поисковой акции «Возвращаем имена».

Олеся Литина

«Взгляд на войну из современности...»

Война – это страшное явление, которое не щадит никого.

22 июня 1941 года граждане России услышали по радио о том, что началась война. Эта весть шокировала всю страну. Поначалу русский народ терпел поражения на поле боя. Но Россия – это Мать с большой буквы. И как ее можно отдать в руки врагу? Русский народ встал на защиту Руси-матушки и стал побеждать врага. Но какой ценой? Сколько горечи принесла эта жестокая битва! Матери потеряли своих сынов, жены – мужей, девушки – возлюбленных! А представьте, какую боль и

унижение терпели люди, которых жестоко пытали в лагерях? Из документальных передач я знаю, что фашисты делали из людей мыло, сжигали в печах, делали на них, даже на детях, опыты.

С каждым годом молодое поколение все меньше интересуется войной. И будет обидно, если когда-нибудь на вопрос: «А что было в 1941 году?» получишь ответ: «Извини, не знаю». А об этом забывать нельзя!

Головата Алена, 16 лет

Кислякова Елизавета Алексеевна. 1923 года рождения. Уроженка с.Деревянск Усть-Куломского района. Призвана Сыктывкарским горвоенкоматом в декабре 1941 г. Старшина медицинской службы. Демобилизована в октябре 1945 г. Проживает в г.Сыктывкаре. (Книга Памяти Республики Коми. – Т.6. С. 177). Дата опроса – 18 января 2004 г.

Когда мне, наконец, исполнилось 14 лет, в августе 2004 г. я впервые поехал в поиск, под Старую Руссу. А Кислякову Елизавету Алексеевну я встретил зимой, во дворе своего дома в Сыктывкаре. Разговорились. Каким сильным было мое удивление, когда я узнал, что Елизавета Алексеевна воевала в составе знаменитой 28-й Невельской Краснознаменной стрелковой дивизии. Тогда, когда мы встретились, я еще не мог предположить, что передо мной ветеран Великой Отечественной войны, человек с интересной судьбой.

Елизавета Алексеевна в 1939 г. окончила медицинское училище в Сыктывкаре. Ее боевой путь на фронтах Великой Отечественной связан с 28-й Невельской дивизией. Вышла на пенсию в 75 лет. Елизавета Алексеевна – почетный ветеран Коми государственного педагогического института.

Расскажите, как Вы узнали о начале войны?

22 июня 1941 г. мы смотрели кинофильм в кинотеатре «Родина». Во время сеанса вошел человек, сообщил о нападении Германии.

Я была военнообязанной. Написала на следующий день заявление в военкомат о добровольном вступлении в армию. Но мне было тогда, в июне, только семнадцать с половиной лет. Отказали. А в декабре снова пришла и написала, тогда уже исполнилось восемнадцать. Вручили повестку.

Как Вы добивались до фронта?

Мои коллеги в детских яслях подготовили теплую одежду и сухой паек. До Княжпогоста ехали на грузовой машине без тента в сорока-

градусный мороз. Спасибо, теплые вещи, подарки обогрели. Потом от Княжпогоста до Котласа, а там как раз формировалась наша дивизия. С самой ее организации и до 1945 г. была в одной дивизии, медико-санитарном батальоне. Так, в 134-м медсанбате все четыре года лечили раненых в палатках, помню, одежда всегда в крови была.

Скажите, пожалуйста, отличалась ли военная обстановка в летний период от зимнего.

Ничем, наверное. Такая же война. Хотя летом были моменты, что чувствовалось, как будто не на войне находишься. Как-то дали две недели отдыха. В один из дней назначили семинар. Помню иду на него – в гимнастерке, в кирзовых сапогах – а кругом такая тишина, цветы полевые цветут. Как будто нет войны. Я любовалась час или два, думала, что как хорошо, я жива, иду по лесу, дышу воздухом, нет стрельбы, нет умирающего передо мной человека. И вдруг, не знаю откуда, немецкий самолет. Откуда он взялся? На бреющем, на низком полете обстреливал местность. А я ничего, живая, но страшно испугавшаяся, вся грязная дошла до сарая, где проходил семинар комсorgh батальона. Я зашла туда, плакала от радости: немец стрелял-стрелял – меня не убил. Ракин, из нашего батальона, делает мне замечание: «Товарищ Попова, Вы единственная девушка, Вы посмотрите на себя, на кого Вы похожи. В каком виде Вы являетесь перед юношами, перед солдатами». А у меня слезы еще сильнее потекли, ничего не могла с собой поделать. Потом уж только объяснилась... Вот это было летом. Но моментов, когда можно было любоваться природой, все-таки было мало.

Расскажите, как хоронили погибших бойцов?

Была так называемая трофейная (похоронная) бригада. Да, кстати, и мой отец был в похоронной команде, мы встретились с ним в Риге в 1945-м. В ходе боев хоронили бойцов – лишь бы немного землей присыпать. А были моменты, когда погибшие безрукие, безногие, в шоковом состоянии... Но дан приказ – отступать или наступать. И закапывали. Не ставились ни кресты, ни палки, ничего на могилах не было. Мы вперед. Так наспех и закапывали. Вот и вам и без вести пропавшие...

Я сам гораздо моложе Вас, той прежней, когда Вас призвали на войну. Я не могу понять, как молодая, восемнадцатилетняя девушка попала на войну и... не растерялась что-ли... Объясните мне.

Я просто выполняла долг. Так воспитана была. Но никогда не скажу, что я была самая смелая. Нет. Особенно, когда служила в 235-м полку. Были моменты, когда я, можно сказать струсилась. Струсилась самым настоящим образом.

Как это было?

Как? Дом стоял, один дом остался. Немец заметил этот дом и прямой наводкой стреляет. У нас была санитарка Рая Храбрая, отца ее Храбрым звали, еще в гражданскую. Так вот, Рая Храбрая оказалась храбрее меня. Она осталась в доме, а я убежала в лес, не могла больше выдерживать. Дом дрожал, углы дома уже горели.

А что в этом доме было?

В этом доме были раненые, врач Нурамбеков, сестра и санитарка. Это было в Белоруссии. В этом доме среди раненых был один мужчина, который призывался из лагеря из-под Сыктывкара. Он сошел с ума. Он представил, что он остался в заключении, в тюрьме. Его потом отпраздновали в тыл.

Вообще, хочу сказать, что все ужасы и страхи – все было в Белоруссии. Все страшные воспоминания связаны с ней. Бедная Белоруссия. Вся она сгоревшая была. Мы зимой ни в одном доме не были. Одни трубы стояли от печек. Как много было беспризорных, голодных детей. Спасибо тылу. Обеспечивали нас, как могли. Я лично получала две посылки.

А раненым в лечении и ласковое слово помогало. Большое значение имело. Подойдешь, погладишь, скажешь: «Потерпи, потерпи еще немного». Они потом выпишутся – письма, бывало, пишут. Мне даже командир батальона однажды говорил: «Товарищ Попова, Вам надо открыть отдельную полевую почту, столько писем идет».

Как Вы выносили раненых с поля боя? Выносили на своих плечах?

На носилках. Даже в помощь использовали легкораненых немцев. Они с удовольствием помогали, не убегали. Мы радовались, когда наши брали немецкие блиндажи. Они оборудованы, там шоколад, шампанское, шнапс. Все туалетные принадлежности, косметика.

Вы знаете, до сих пор мы находили немецкие банки из-под крема «Нивея», зубной пасты, тюбики крема для обуви.

Да-да. И тогда этого было много у них, а мы радовались, когда занимали их позиции. Однажды мне так хотелось сшить из немецкой шинели платье. Гимнастерка, юбка, брюки мне так надоели... Хотелось в платье походить. И вот взяли наши новую немецкую землянку. Я немецкую шинель взяла, а она вся со вшами оказалась.

В нашей армии вши тоже были, как боролись с ними?

Раздевались у костра и через огонь проводили белье. Вши – это страшно.

Четыре года в бане не были. Мылись – повесим простыни, разведем огонь, воду согреем.

Десять бойцов заболели сыпным тифом. Я ухаживала за ними. И спать хочется. Легла неподалеку от них. Когда трое суток не спишь – на четвертые падаешь. А там уже безразлично, возле чего.

Как хоронили умерших от ран в санчасти?

Умерших солдат складывали недалеко от медсанбата. Один раз собрали не одну сотню умерших солдат. Много-много. А на их руках писали имена и фамилии. Но через двое-трое суток, как они полежат, в результате биохимической реакции все надписи пропадали и солдат закапывали безымянными.

Однажды командир полка приехал. Посмотрел двух раненых, на руках не видно записей, не ясно кто. Мне дали задание – в течение трех суток разобрать груды умерших. В помощь определили двух санитаров. Мы должны были по ранениям (регистрация в журналах велась) опознать их всех. Мы справились.

Потом похоронили в братской могиле.

Как Вы обходились с ранеными и погибшими немцами?

Тоже хоронили. Кто там разберет. Иногда танки идут. Раненых много лежало. А иногда и не понимаешь, человек лежит или бревно. Настолько притупляются человеческие чувства. Особенно много раненных было при форсировании рек.

Вы можете рассказать нам про солдатские медальоны?

Бойцы редко имели медальоны. И я не носила. У меня красноармейская книжка есть.

В фильмах, бывает, показывают, что наших солдат застреливали, когда те не хотели идти в бой. Такие случаи действительно были?

Были. Я видела сама. Был военный трибунал. Застреливали также, как и немцев. Но все зависит от людей. Судили тоже по-разному.

Расскажите, пожалуйста, наиболее запомнившийся эпизод из истории фронтовой жизни.

В Прибалтике 12 раненых немцев сдались в плен. Кто-то из них говорил немножко по-русски. Я им оказывала медицинскую помощь. Настолько жалела, все такие же молодые ребята. Что заставляло воевать, умирать? Долг гуманный меня обязывал. А потом пришел один человек из Особого отдела с двумя автоматчиками. Выстроили этих пленных, которые нас так благодарили, даже один из них за лечение мне золотое кольцо подарил. Двум автоматчикам этот старший лейтенант приказал: «По две очереди по затылкам». Так они, бедные, сразу и погибли. Как мне их жалко было. Жалко было и медикаментов, которые потратила. Я пистолет к виску приложила, застрелиться хотела. Все думала о цене человеческой жизни. Жить не хотелось. А потом подумала, а что обо

мне напишут родным? Ведь не погибла же на поле боя. Это же позор для родных. Такая депрессия была со мной на фронте два раза.

У Вас был пистолет?

Да. Мне его подарил один старший лейтенант. Я все хранила его. А мне, как старшине медслужбы, пистолет не положен был. Я из-за этого пистолета трое суток гауптвахты получала.

Помню, как отмечали мое двадцатилетие. С девушками в землянке песни пели. На радостях забылось, что я в тот день была дежурной по роте, надо, чтобы санитарная рота всегда была готова к приему раненых. Часовые стоят, я их не сменяю. Вдруг звонок, мы не слышим. Заходит в землянку офицер: «Кто дежурный по роте?», – спрашивает. Я мигом очнулась. Дали мне снова трое суток гауптвахты. Правильно, я же нарушила, села отмечать день рождения. Оказывается, взяли в плен латыша, которому надо было оказать срочную медицинскую помощь. Была разведка с боем, а мы об этом не знали же. Трое суток за пленным ухаживали, сердечные кололи. Ну, потом он дал показания, поступил приказ об его уничтожении. А я же «отличилась», парторг роты и на гауптвахту, – все об этом знали. Говорят, чтобы Попова исполнила приказ. «Что хотите со мной делайте, я в него стрелять не буду», – сопротивлялась. Мне было уже все равно. Мне жаль человека, три дня ему жизнь спасали, лично ухаживала. Это было в 1945-м уже. Но приказ выполнили другие, отойдя всего-то на 20 м от палатки. Вот вам и война.

А я жду, когда снова на гауптвахту посадят. А это яма, сидишь в ней, дадут стакан воды, 200 грамм хлеба на сутки. Без ремня, без воинской атрибутики. Жду-жду. Самой стыдно. Парторг санитарной роты. Как же другие на меня смотреть будут. Подхожу к подполковнику, говорю: «Жду исполнения Вашего приказа. Отведите меня на гауптвахту». А он все трое суток, оказывается, за мной наблюдал, пока мы языка спасали. Улыбнулся, даже назвал по имени, сказал: «Ты свою гауптвахту отгуляла».

Как Вы жили после войны?

Я поставила перед собой задачи: учиться, подлечиться и семью создать. Все выполнила.

Сейчас нас из 28-й Невельской в живых осталось только четверо.

Меня очень вдохновил рассказ Елизаветы Алексеевны. Это человек с устоявшимися моральными принципами, который прошел все ужасы войны. Сегодня она – инвалид первой группы. Но каждый день находит в себе силы, старается делать прогулки, летом выезжает в деревню. Казалось бы, война делает людей жестокими и усыпляет их чувства, но у этого человека сердце осталось таким же молодым и добрым, каким

оно было у семнадцатилетней девушки перед войной. Именно такие люди нужны нашему обществу.

Антон Педаев

«Взгляд на войну из современности...»

Война – это всего лишь слово, а его значение каждый понимает по-своему. Войны бывают как захватнические, так и освободительные. Но в любом случае главную роль играет политика. На мой взгляд причина всех войн – борьба за власть.

На протяжении всего существования человечество вело войны. Начинали их диктаторы и лидеры. Прибегая к войне, они хотели добиться своей цели. Будь то: обогащение, как в средние века, или отмывание денег, как в случае Чеченской войны.

Но в результате страдает население. Ведь сколько невинных людей погибает на войне, сражаясь за чьи-то идеи.

На мой взгляд, война – это часть политики, ведущая к массовому убийству, к голоду и разрухе в стране. И очень жаль, что наши «великие» деятели не могут решить все ситуации дипломатическим путем.

Листопад Марина, 18 лет

Коробова Лидия Викторовна. 1936 года рождения. В годы Великой Отечественной войны проживала на оккупированной фашистами территории – в Белоруссии, в д. Тимошково Печенковского селского совета Мстиславского района Могилевской области. Проживает в г.Сыктывкаре.

Этот очерк о моей бабушке – Лидии Викторовне Коробовой. Моя бабушка долгие годы проработала на Воркутинском цементном заводе. Она – ветеран труда, кавалер знака «Ветеран Воркуты».

Расскажите, пожалуйста, о войне.

Война... тяжело вспоминать. Очень, очень страшно. Голод, холод, смерть. Главное голод. Ели жмых, его вкус навсегда останется в памяти. Картошки почти не было, а о хлебе и мясе и говорить нечего. В самом начале войны в ходе бомбежки были уничтожены колхозные зерновые хранилища. Они полностью сгорели. Уже когда пришли немцы, и начался голод, мы ходили туда собирать жженое зерно. Но немцы, почему-то, не разрешали это делать, даже солдат

там поставили. Зимой самый голод был, ждали лето. Ждали ягоды, грибы, щавель. Трава, конечно, особо не наешься ...

Запомнилось навсегда обожженное лицо советского летчика, который летом 1941 г. постучался в окно с одним вопросом: «Где фронт?».

Почти три года в нашей деревне стояли немцы. Они были средних лет. Не было жестокости и насилия с их стороны. Бывало, даже продукты подкидывали. А потом уже в 1944 г. наши войска по хатам стояли. У нас в хате жили девчонки-связистки. Делились с нами почти всем пайком.

Кто воевал в Великой Отечественной войне из Ваших родственников?

Мой отец, Лопухов Виктор Матвеевич, он был рядовым, стрелком, 1908 года рождения, уроженец Могилевской области, Мстиславского района, Печенковского с/с, д. Тимошино (Тимошково). Пропал без вести в марте 1944 г. В самом начале войны отец с односельчанами направлялся в военкомат. И по пути их безоружных перехватили немцы. Согнали всех в концлагерь в г. Оршу. Там он просидел до поздней осени, пока не был отпущен как гражданский. Вернулся к нам, очень худой был. Всю зиму болел. Весной подался в партизаны. Приходил несколько раз за три года, и то по ночам. Боялись, что увидят немцы или полицаи. Полицаев даже больше боялись. Эти из кожи вон лезли, чтобы выслужиться перед немцами. Следили за всеми, подсматривали, подслушивали...

Немцы боялись партизан. В лес запрещено было ходить группами. Немецкие самолеты сразу бомбили и обстреливали всех без разбора. Работая в поле, услышав вой самолетов или увидев летящий клин, ложились в траву и лежали не шевелясь...

Когда наш район освободили от немцев, отец ушел дальше с Советской армией. Потом без вести пропал.

Когда (как, при каких условиях, где находились, от кого) Вы узнали о том, что началась война?

Нас собрали в сельском совете. Говорил председатель. Слушали радиосообщения. Все были сильно взволнованы.

Можете ли Вы рассказать о том, как хоронили погибших бойцов?

Война обошла стороной нашу деревню. Вот Орша была очень разрушена, она была в девяносто километрах от нас. Целых домов почти вообще не было.

В лесу недалеко от деревни было много партизанских землянок и окопов. Редко попадались мины. В основном – советские. Трупы

людей по весне сносили в одно место и закапывали, обозначив место холмиком. А вообще-то в лесу убитых мало было.

Помню, как только пришли немцы, они поймали где-то красноармейца и на виду у всех жителей деревни расстреляли. Запрещали подходить к трупу и хоронить. Лишь через день ночью, чтобы не узнали полицаи, закопали солдата на огороде.

А потом немцы стали ездить по деревням и забирать всех евреев. Вскоре их расстреляли в лесу у ст. Рясна, что неподалеку (10 км от деревни).

Немцы вырыли большой и широкий ров (примерно 12 на 3 метра) и там начали расстрел.

Дня два расстреливали. Поставили часовых и никому не разрешали не то, что закопать погибших, а даже подходить ко рву. Потом немцы пост сняли, ров закидали землей, а когда люди пошли к этому месту – земля «дышала и шевелилась»! Люди лежали друг на друге, в несколько слоев. Было много просто потерявших сознание или оглушенных. Их потом удалось спасти...

Уже после войны ров обвалился. Страшное место...

Где и как Вы встретили Победу? Расскажите, что Вы при этом чувствовали?

До Победы очень запомнилось освобождение деревни. Отец пришел к нам. Он уж был в форме с автоматом. На улице пальба (сальтовали и солдаты, и партизаны), крики, шум.

А через год пришла Победа. Столы поставили прямо на улице. Смеялись от радости, но больше плакали от горя. Потом начали приходить из армии односельчане и вместе с ними угнанная в Германию молодежь.

Да, война серьезное испытание для народа. Одно – смотреть фильмы о войне, и совсем другое – слушать воспоминания очевидцев и видеть ржавый оскал войны в лесах и болотах во время экспедиций. Голод, холод, смерть... смогли бы мы выдержать такое? Мы – «люди 21 века», которые испытываем дискомфорт при отключении света или горячей воды?

Иван Коробов

«Взгляд на войну из современности...»

Война – это самая большая беда человечества. Война никогда не приносит счастья, от нее лишь смерть и разруха. Война, конечно, может привести страну к победе над другими странами, но она также может и погубить страну, сделав ее, например, колонией.

Веками люди воюют, и это продолжается до сегодняшнего дня. Хорошо, пусть люди воевали в стародавние времена, когда были малообразованны, отсутствовала цивилизация. Но сейчас, в наше дипломатическое время, почему люди не могут мирно все решить?

Причин войны очень много, но заканчиваются они всегда одним – страданиями: страданиями родных и близких, которые погибают, а особенно молодых людей. Ведь у них, кажется, еще вся жизнь впереди, много планов. Может быть, поэтому в последнее время многие призывники не идут служить. Мне кажется, на первом месте у мужчин должна быть любовь к Родине, верность – это должно быть основой их жизни. Они должны осознавать ответственность за судьбу своей страны. Если такие мужчины еще существуют, то их надо беречь, а войны надо прекратить.

У нас было такое непредсказуемое прошлое, с потерями стольких замечательных людей, и ждет нас неизвестное будущее. Не известно, от кого оно будет зависеть – от нескольких людей или от воли одного человека, который по какому-то совпадению станет вершителем многих человеческих судеб, как, например, Сталин или Гитлер.

Костицына Саша, 18 лет

Лушков Иван Иванович. 1922 года рождения. Уроженец с. Куратово. Призван Сысольским райвоенкоматом в июне 1942 г., старший сержант. Демобилизован в декабре 1946. Проживает в с. Куратово. (Книга Памяти Республики Коми. – Т. 6. – С. 408). Дата опроса – 6 февраля 2004 г.

В 1938 г. Иван Иванович закончил семилетку. Но дальнейшую учебу продолжить не вышло. В семье было пятеро детей, нашему герою пришлось пойти на самостоятельные заработки. После войны И.И. Лушков работал бригадиром животноводства и полеводства. Вот уже более двадцати лет он живет один, как скончалась жена. С ней они вырастили трех дочерей и четырех сыновей.

Расскажите, пожалуйста, о войне?

Когда началась война, я работал на сплаве. Мужиков, что постарше

были, забрали сразу. Провожали их. Я играл на гармошке, на пароме сопровождал, и на подводе, когда ехали. Мне тогда еще 17 лет было. Ждали своей очереди, знали, что придется воевать.

21 сентября 1941 г. меня взяли в армию, в Архангельск. Попал в лыжную часть. Заболел. Прошел комиссию, нас таких трое было. Отпустили домой. Выздоровел. В мае 1942 г. обратно взяли. Отправили в г.Грязовец. Побыли несколько дней. Перед ужином, нас человек 200 было, построили нас трое. А мы погоны не видим, не знаем, кто такие. Команда: «Образование 7 классов и кто шофера, выйти из строя!». Ну, думаю, на фронт направят, образование у меня же было. Таких из 200 нас вышло из строя 14 человек. Нас обследовали, не болеем ли, определили учиться в танковое училище. Учились 9 месяцев, сдали экзамены. Потом нас отправили в г.Горький. Собрали две танковые роты и направили в Баку, получать танки. Плыли по Волге почти месяц. Многие из нас заболели куриной слепотой. Кормили плохо. Три месяца ждали, когда придут английские танки. Наши офицеры три раза писали в Москву об этом. Ответ пришел не о расформировании нас, а об отправлении по железной дороге на Украину. Переодели нас во все новое, сапоги выдали (на нас были ботинки и обмотки). Первую роту в дороге разбомбили немецкие самолеты (их семь штук было) во время остановки на станции. А мы доехали до Украины, все живы. Но английские танки мы так и не получили. Посадили на свои тридцатьчетверки (Т-34). Хороший танк. Вот так я попал на Первый Украинский фронт в 39-й отдельный танковый полк прорыва. Там воевал.

Какие Ваши первые впечатления, когда Вы прибыли на фронт?

Нас посадили на танки. Экипаж – 5 человек. Вместе мы и воевали, помогали друг другу. Учились мы и на бортмехаников и на радиострелков. Кто-то вышел из строя – его значит надо заменить.

Расскажите о боях?

Танки очень горели. Воюешь 2-3 дня, и остается от полка по 2-3 машины. Наши танки были с ремонтной базы, так как наша задача – прорвать. Мы были первые мишени. А за нами шли танковые бригады и дивизии. Там танки целенькие, заводские.

Во время боя думаешь – только вперед, есть приказ. Больше в голове ничего нет, даже не думаешь, что можешь умереть, вдруг убьют тебя. Только когда сидишь на выжидательной позиции, ждешь приказа – вот тогда думаешь, что дома есть мать, отец, брат, сестры, родные... Вот в эти минут 10. А потом в ушах: «В атаку!». И опять – ни о чем не думаешь, только о приказе. Это большая привычка.

Часто писали письма домой? О чем писали?

Не часто. Писали, что «жив-здоров, воюем».

Сохранились ли фронтовые письма, фотографии?

Сейчас уже нет.

Расскажите о фронтовом быте?

Одевали хорошо. Кормили. Но были и случаи, когда не могли подвезти питание сутки, двое, трое. Но тогда обстановка такая была, обижаться нечего.

Где Вы встретили Победу? Что Вы при этом чувствовали?

В Праге. Радовались, что живы.

Как Вас встретили дома?

Домой я приехал на Новый 1947 год. Дома знали, что еду. Было у меня три сестры и мать. Отец рано умер. Родные радовались, целовались. А потом через райком партии назначили бригадиром колхоза. У кого образование два класса, у кого как, а учет надо вести, люди же работали. Тогда мужиков не было, одни бабы остались. Проработал так 36 лет.

Что бы Вы хотели сказать в напутствие молодому поколению?

Быть дисциплинированными. Сейчас, можно сказать, ой-ой-ой. Не работают, пьют. Надо работать и служить. Быть честным человеком.

Александра Петрова

«Взгляд на войну из современности...»

Человечество ведет войны на протяжении всей своей истории. Но в разные времена люди относились к войне по-разному.

Я к войне отношусь отрицательно. Ведь это кровь, страдания, разрушения. Она уносит жизни невинных людей, принося с собой несчастья и голод. И война 1941-1945 гг. тому пример. Не было, наверное, человека, которого не коснулись бы все тяготы того времени. Тем не менее, люди шли воевать, потому что это был их священный долг перед Родиной. Самоотверженно и бесстрашно они воевали против врагов.

Люди, которые воевали, в их сердцах и памяти навсегда останется отпечаток войны.

Федорова Галя, 18 лет

Митюшев Алексей Егорович. 1925 года рождения. Уроженец д.Тебеньково Сысольского района. Призван Сысольским райвоенкоматом в мае 1944 г., капитан. Демобилизован в феврале 1948 г. Про-

живает в с.Визинга. (Книга Памяти Республики Коми. – Т.6. – С. 411).
Дата опроса – 26 февраля 2004 г.

С июня по сентябрь 1944 г. Алексей Егорович воевал на Карельском фронте в составе 303 гвардейского полка 101 гвардейской стрелковой дивизии. После заключения перемирия с Финляндией и до самой Победы дивизия сражалась на Втором Белорусском. Принимал участие при форсировании рек Висла, Одер. После окончания Великой Отечественной войны Алексей Егорович работал в Сысольском райкоме комсомола, был коллегой Ивана Павловича Морозова, будущего первого секретаря Коми обкома партии. Много сил и энергии А.Е.Митюшевым отдано людям в бытность работы председателем профсоюзного комитета района работников сельского хозяйства, откуда он и вышел на пенсию.

Расскажите, пожалуйста, о войне.

Война шла, я закончил 10 классов в Визингской средней школе. После экзаменов, можно сказать, со школьной скамьи, призвали в армию. Направили в Левельское военно-пехотное училище недалеко от г.Череповца в Вологодской области. Обучался более пяти месяцев. На фронтах войны шло наступление. Нас перевели в Московскую область, где формировывались десантные войска. Из Визинги многие призывались, кто в Архангельск, кто в Вологду. В Подмоскovie встретились со своими друзьями. Обучались, мы прыгали, бегали, нас готовили бросить в тыл противника. Но, видимо, обстановка требовала другого. Всю дивизию направили на Карельский фронт в Ленинградскую область. Отдыха почти не было. С эшелонов ночью шли в полной боевой готовности до реки Свири. На одном берегу – наши, на другом – противник.

Началось форсирование реки. Река бурная, глубокая, хоть и не широкая. В годы первых пятилеток на этой реке были построены электростанции. Противник стоял долго, укрепил берег. Канонада. Голову поднимешь – все, считай, человека нет. Сделали плоты, маты. Ночью начали переправу. Погибло очень много наших ребят. Из Коми много было, из Архангельска, Московской области. Затем пошли в наступление на Петрозаводск. Финны попросили перемирия, военные действия в этом направлении прекратились.

Через Москву переправили в Белоруссию, в г.Оршу. Привезли парашюты. Под Оршей нас снова начали готовить в десантники. Боевые действия велись уже в Польше. Со своим другом из Архангельской области (крепко мы дружили) Анатолием Бойцовым попали в 387-ю

артбригаду, стали артиллеристами-автоматчиками. Форсировали Вислу, шло наступление на Варшаву. В районе г.Данциг-Гдыня группировка гитлеровцев сильная была. Мы давали залпы из 6-7 мм пушек, и сквозь них были слышны плачь, крики женщин, детей... Мирное население фашисты гнали к морю, утопить. А когда наши войска дошли до берега Балтийского моря – видели, как волной выбрасывало трупы с солью...

(После некоторой паузы, утерев слезы с глаз, Алексей Егорович продолжил свой рассказ).

... 8 мая в войсках было слышно о перемирии. Наши орудия выставили на берегу Балтийского моря, чтобы бить по кораблям противника. А они видны как на блюдце, километров тридцать, как на ладони. Утро. Сопровождали орудийными залпами. Последние залпы были. А назавтра командиры объявили, что победа, война закончилась.

Что Вы при этом чувствовали?

Конечно, радовались. На берег моря наш полк вышел раньше, чем пехота. Магазин там был. Взяли все, что душе угодно. Немецкие будки пограничной охраны стояли. В них мы и отметили 9 мая. *(Улыбаясь, сказал мой собеседник).*

Так кончилась война на фронте, но война еще продолжалась. Надо было ловить фашистов, которые ушли в подполье, их главарей. До февраля 1946 г. мы занимались этим делом. И только потом отправились на родину, в наш Советский Союз.

Ехали через Польшу. В городе Люблине была пересадка. Было два часа свободного времени. За это время мы ходили в лагерь смерти «Майдани», в этом лагере не одна тысяча узников была уничтожена. В нем было шесть печей-крематориев. Уже висела табличка «государственный музей», но запах шел неприятный, вонь стояла во всем лагере.

Домой вернулся в 1948-м.

В армии я вступил в Коммунистическую партию Советского Союза, и сейчас состою в компартии. Первую боевую награду, медаль «За боевые заслуги», получил за форсирование р.Свирь. Другие медали: «За взятие Варшавы», «За победу над Германией», Орден Отечественной войны 1-й степени.

У Вас остались фронтовые друзья?

Фронтовых друзей не осталось. Погибли. Энгельс Третьяков, Павел Кузнецов, Григорий Чередов. Погибли на Карельском фронте.

Что Вы писали с фронта в письмах домой?

Писал часто, переписывался. Семья большая, нас 10 человек было. С братом переписывался. Брат Василий, 1922 года рождения. В 1944-м,

в январе под Харьковом лежал на привале, принесли письмо... (Плачет). Брат погиб.

Как Вы жили после войны?

После войны было трудно. Проводили много организаторской работы. Я дома почти не бывал, все в командировках. Работали с молодежью, с людьми.

Александра Петрова

«Взгляд на войну из современности...»

Война – это страдания, разрушения и гибель невинных людей. Я никому на свете не пожелала бы пережить еще раз эти страшные дни. Для меня война – это самое страшное слово. Когда-то бабушка мне рассказывала про войну, какой она была. Люди постоянно жили в страхе за жизнь, голодные, в холоде. Многие дома были разрушены, и людям негде было жить. В войну шли воевать совсем еще дети, которым еще надо бегать, играть, а не думать о том, что надо идти под пули, защищать своих родных и близких.

На войне было много героев, которые своим умом и своими действиями совершили самые разные благородные поступки. Например, бросались на дзоты, под танки, спасая своими действиями целые отряды.

Я очень горжусь теми людьми, которые воевали. Я хочу сказать им «спасибо» за то, что сейчас мы живем в спокойствии, и у нас нет проблем.

Петрова Катя, 18 лет

Муравьева Ариадна Григорьевна. 1932 года рождения. Проживает в с. Иб Сыктывдинского района. Воспоминания о военном детстве, погибшем отце. Дата опроса – 26 февраля 2004 г.

Расскажите, пожалуйста, о войне.

Когда началась, мне еще не было 9 лет. В годы войны помогали колхозу, как могли. Все летние месяцы до октября месяца все находились на работах: то на сенокосе, то на уборке хлеба. С 9-ти лет. Помогали фронту. Мы летом и зимой собирали металлолом. Ходили по знакомым. В 5-м классе учились. Помню, утром в школу на санках привезла взятые

у родственников чугуны и ведра старые. Взвешивали на весах, по килограмму. Все помогали колхозу, ежедневно трудились.

Когда Вы узнали о том, что началась война? О чем Вы подумали, что ощущали?

Маленькая была, плохого ничего не почувствовала. Был очень хороший, жаркий день. Собрали людей на митинг в центре села, сообщили, что началась война. Перечислили тех, кого забирают на следующий день, в их числе назвали моего отца – Таскаева Григория Ивановича. Нас в семье было четверо: мама, старенькая бабушка, я и двухлетняя сестренка. Мы тогда еще не чувствовали, что какое это горе: бегали, прыгали, колесом по траве кувыркались, смеялись. Ничего не чувствовали. Пока на следующий день не стали провожать отца, когда собрались все провожатые, плачут все. Я поняла тогда, когда все стали выходить из дому, что мне тоже надо одеваться, обуваться и идти. Отец нашел меня в последнюю минуту, поцеловал. Нас с сестрой посадили в телегу, 1 км ехали в гору. А остальные провожатые идут рядом, поют, плачут. Отец был гармонистом, на гармошке и играл. А с горы нас отпустили домой, а другие поехали в город. Вот когда прощаться стали, тогда и я заплакала. Поняла, что отец уезжает. Дошли с сестренкой домой. Сидели на фуфаечке, обнявшись плакали.

Где служил Ваш отец?

Он служил в Прибалтике. Получили 2-3 письма, в которых писал, что завтра идем в бой и что он пулеметчик. После этого никаких писем не было, не приходило ни одного сообщения, извещения о гибели. Мать везде писала, говорили, что без вести пропал. И это мы узнали только тогда, когда вышла «Книга памяти». А после войны стали приезжать местные, которые были в плену. И вот один его товарищ из д.Карберт Таскаев Иван Иванович рассказал маме: «Нас окружили немцы и мы через болото двигались, а сверху бомбят. Мужа твоего ранило в голову, в ногу. Он контуженный был, и как-то еще живой остался». А из «Книги памяти» мы узнали, что он умер в немецком плену в январе 1942 г. Очень жалею, что письма не сохранились.

Может быть, Вы вспомните, что еще писал в письмах Ваш отец?

Однажды написал, что видел сон, как он возил на велосипеде свою младшую дочь, сестру мою. А сам он был в красной рубашке. Это было последнее письмо. А еще писал, что очень скучает. Про войну ничего не писал.

Где и как Вы встретили Победу?

У нас уже тогда было радио. Мама моя постоянно его слушала. В 6 утра объявили, что конец войне. И она с плачем, с радостью побежала

по домам сообщать, что Победа, что надо вешать флаг над Правлением колхоза. Мне было тогда 13 лет.

Вы помните, как возвращались с фронта Ваши односельчане?

Нет, никого не видела. Всех родные встречали в своих домах.

Как Вы учились в школе?

Мы писали на книгах, старых не нужных учебниках. Чернила делали из сажи. У некоторых ребят перья были деревянные. А выжили почему? Потому, что начиная с весны, мы питались природными витаминами. Сначала в лесу мы собирали розовенькие шишечки у елей – это первый витамин, потом снег сойдет – и полевой хвощ собирали, другие травы ели. В лесу, когда в июне месяце дрова заготавливали, тогда луб снимали с сосновых деревьев. Это нам казалось, как теперь мороженое детям.

А еще весной на полях собирали гнилую картошку. В ней образовывался, вроде, как крахмал черного цвета. Мы это собирали, чистили и блины пекли. Нам эти «блины» казались вкусными. А бывало и не находили картошки. Целый день ищешь, копаешь...

Хлеб пекли из клевера в жестяных сковородках. А он рассыпается. Вот мы его ложками и ели. На сенокос идешь с этими жестянками. Хотя и корову держали, но молоко сдавали в приемный пункт, мясо сдавали, картофель. Все сдавали государству. Тогда еще собирали теплую одежду на фронт. А сами мы ходили в одежде родителей. А позже из папиного костюма перешили мне пиджак, когда я уже училась на третьем курсе в педучилище.

Александра Петрова, Татьяна Андреева

«Взгляд на войну из современности...»

Слово «война» означает вооруженное столкновение. Человечество воюет на протяжении всей своей истории. Но в разное время люди относились к войне по-разному.

Для человека былых времен война – законное дело. Сначала он охотился на мамонта, защищая свою пещеру от чужаков. Но идут годы. Человек развивается, умнеет. Дубина и каменный топор сменяются на булатный меч и лук со стрелами. Начинаются завоевания. Приходят Александр Македонский, Чингисхан, Наполеон, Гитлер. Война принимает гигантский масштаб, ведь завоеватели ставят перед собой цель поработить весь мир. Миллионы людей умирают в самом расцвете сил, страдают старики, дети.

Иной взгляд на войну у современного человека. Нельзя сказать, что сегодня нет войны совсем. Горячими точками являются Чечня, Ирак, Афганистан. Но человечество сделало первый шаг – осознало всю черноту, зло, страдания, которые приносит война. За мир во всем мире сегодня борются разные миротворческие организации. Многие страны ведут целенаправленную работу по сокращению гонки вооружений. Люди осознали, как важно созидание. Теперь мы больше думаем о завтрашнем дне, мечтаем о звездах.

Пиликин Спартак, 16 лет

Иловайский Игорь Борисович. 1922 года рождения. Уроженец г.Вологды. Призван Вологодским горвоенкоматом в сентябре 1939 г. Рядовой. Демобилизован в августе 1946 г. Проживает в г.Сыктывкаре. (Книга Памяти Республики Коми. – Т.6. – С.166). Дата опроса – 23 января 2005 г.

Игорь Борисович Иловайский в годы Великой Отечественной войны воевал в Заполярье, в тех краях, где в августе 2004 г. поисковый отряд «Возвращение» работал в поисковой экспедиции. После войны Игорь Борисович преподавал историю в Коми государственном пединституте, Сыктывкарском госуниверситете. Супруга – Мария Ефремовна, в период войны проживала на оккупированной врагом территории.

Игорь Борисович, расскажите, пожалуйста, о войне?

Я родился в 1922 г., в 1939 г. закончил школу, поступил в ВУЗ.

В том же году, как и многие другие, которые получили среднее образование по Указу Верховного Совета СССР, был призван в армию. Всю службу, считая войну, я прошел в Заполярье. Служил в береговой обороне. Сначала – на острове Киргин на выходе из Кольского залива на восток. Потом на Кольском полуострове, на островах Рыбачий и Средний.

Ну, словом, Заполярье – район 70 параллели. Отсюда и все прелести заполярной погоды. Местность в районе боев: побережье высокое, сопки, скалы, валунов масса, водные преграды, полное бездорожье, за исключением дороги в районе Титовки в сторону Петсамо к реке Западная Лица. На севере России согласно плану «Барбаросса» действовала немецкая армия «Норвегия» генерала Дитля, а собственно ее горнострелковый корпус «Норвегия», он действовал на Мурманском направлении.

Немцы первоначально имели успехи и продвинулись к полуостровам Средний и Рыбачий. А основная линия фронта проходила к востоку от Баренцева моря к Карелии. Здесь было правое крыло 14-й Армии Карельского фронта и Северный флот. Был создан дополнительный рубеж обороны к западу от Кольского залива, там были различные части, в том числе легкая артиллерия, минометы и др. Была сформирована и наша 45-я противотанковая батарея. Обязанности командира расчета одного из орудий исполнял я.

Весной 1942 г. немцы снова намеревались начать наступление на Мурманск. Наше командование по распоряжению Ставки готовило свой план. Цель состояла в том, чтобы остановить это немецкое наступление и вывести из строя как можно большее число немцев, уничтожить резервы с тем, чтобы сорвать немецкое наступление. В операции должна была участвовать 14-я Армия и Северный флот. Основная роль отводилась правому флангу 14-й Армии, а Северный флот выполнял вспомогательную роль. По плану операции должен был быть высажен морской десант. В этот десант была назначена и наша 12-я бригада морской пехоты Северного флота. Началась подготовка к операции. Были изготовлены широкие деревянные лыжи с загнутыми концами с обеих сторон, крепкие металлические крепления. На эти лыжи должна была ставиться пушка. Были взяты длинные толстые веревки для того, чтобы тянуть пушку, несколько ящиков боеприпасов. Там были осколочные – фугасные снаряды, осколочная граната. Бронебойные не брали, потому что танки в сопках не могли действовать. Получили боеприпасы на личное оружие. У бойцов – винтовки, у командиров орудий – наганы. Получили сухой паек на пять дней. Нас переодели из морской формы в армейскую.

Все получили эти известные пеналы (солдатские медальоны – *прим. авт.*). Потом повезли нас на общий сборный пункт в п. Ваенга. Это военная база в Кольском заливе. Дня через два был дан приказ на посадку. Вместе с пушкой нас и некоторую часть десантников посадили на небольшое судно. Люди расположились в трюме и мы отчалили. Шли довольно длительное время. Место высадки было в Мотовском заливе. Надо было вклиниваться между Рыбачим, Средним и Кольским полуостровами. Мы высадились благополучно, потому что раньше нас там высадились десантники. Десант состоял из 6 тысяч человек, но, разумеется, мы этого не знали, об этом я прочитал уже после войны.

Немцы не ожидали высадки. Высадка прикрывалась военными кораблями, несколькими самолетами. Это было 28 апреля 1942 г. Поставили пушку на лыжи, потащили ее, потом приказали снять ее с этих

лыж. Потащили орудие волоком. Местность пересеченная, большое количество снега. Пушка кренилась из стороны в сторону, колеса проваливались в снег. Двигались очень медленно, уставали быстро. И только один раз к нам прислали стрелков, для того, чтобы ускорить движение. Задача состояла в том, чтобы приблизиться к одному из наших батальонов и оказать поддержку огнем. В конце концов, пришли на нужное место, сориентировались. Но, поскольку боеприпасов было мало, и они не пополнялись, то приходилось беречь снаряды. Огонь вели изредка и только пулеметом. В ходе боев некоторые пулеметы были подавлены. Бригада продвинулась на 16 км от побережья. Мы обстреливали даже дорогу, по которой передвигались немецкие войска. Дня через четыре резко изменилась погода. Повалил, не переставая, мокрый снег, страшная пурга. Согреться негде, спали в снегу. С питанием первоначально тоже было не очень. Положение было чрезвычайно тяжелое, усталость была страшная. А потом комбриг Россохин написал в своих воспоминаниях, что некоторые морские пехотинцы бригады от усталости теряли сознание и даже умирали.

На время пурги боевые действия замерли. Нашему расчету помогало вынести такую обстановку то, что у нас были сапоги. Портянки сушили на себе. Часть стрелков еще на месте сбора выбрала себе ботинки. Ботинки красного цвета, английские. Это, конечно, не для Заполярья, они в скором времени вышли из строя. Началось большое количество обморожений у тех солдат, что ботинки носили.

Потом немцы подтянули свежие силы. Они находились в лучшем положении. Они могли подбрасывать по дороге, а мы только морем. Немцы перешли в наступление. Снова начались сильные бои за важные сопки. Велся обстрел пехоты, стрелков. Применяли артиллерию, минометы, но к нам они, видимо, не могли пристреляться.

В стороне падали мины. Одна упала вблизи снарядов. Сразу мелькнула мысль – сейчас рванет! Но взрыва не последовало.

После пурги командование Северного флота спохватилось, начали привозить теплое обмундирование, боеприпасы, продовольствие. Но нашему расчету ничего не досталось, правда.

12 мая был отдан приказ на отход. Фактически наступление 14-й Армии провалилось и бригаде пришлось действовать в одиночку. И вместо пяти дней бои шли в течение двух недель. Снова впряглись в орудия, дотащили до побережья. Постепенно проходила погрузка. Немцы вели артиллерийский огонь. Но полностью место посадки не просматривалось, и снаряды ложились либо на большой сопке, либо в море. Может быть, били даже две батареи.

Подошел мотобот, погрузили пушку, расчет, часть десантников и пошли на восток. Высадились за основной линией фронта, там уже были некоторые десантники. Немцы пытались бомбить, но «морские охотники» открыли огонь трассирующими снарядами, немцы отвернули, сбросив бомбы в море.

Мы воевали две недели в сопках, снегу. Усталость неимоверная. Лица были очень обветренные, рот едва можно открыть, чтобы поесть и говорить. Но были молоды и силы постепенно восстанавливались. Два дня отсыпались.

Опять началась военная пора. Потом батарею перебросили на остров Рыбачий. Вот это крупное событие, в котором я участвовал.

Второе событие – это наступление 1944 г. Финляндия была выведена из войны. Немцы часть эвакуировали морем, а часть силы отправили на север в сторону Норвегии. Финны должны были разоружить немцев, но смотрели на это сквозь пальцы.

Немцы не хотели уходить с севера Финляндии и Норвегии. Там добывали большое количество никеля, и в Германию морем постоянно шли караваны. Немцы естественно укрепились сильно. И на основной линии обороны, и на перешейке. Понастроили массу дотов, дзотов, минные поля, проволочные заграждения. Некоторые высоты даже соединились подвесными канатными мостами. Были даже туннели. По плану совместных действий с 14-й Армией необходимо было разгромить эту группировку. Перед наступлением проводилась подготовка на полуострове Рыбачий, Средний. И зимой, и осенью. Взрывали фугасы, метали гранаты, вели стрельбу из ручного оружия, из минометов. Основная роль отводилась 14-й Армии. Северный флот блокировал побережье, а 12-я (наша) и 63-я бригады морской пехоты прорывали оборону на полуострове Средний, чтобы высадиться у Новой Губы. Наша вторая рота, в которой я был командиром минометного расчета, в сумерках двигалась к передовой. Заняли позицию, приготовились к наступлению. Немцы вели артогонь. Было несколько раненых, но убитых не было. Повезло нам.

На передовой нам выдали боеприпасы, сухой паек. Мы видели начальный этап высадки 63-й бригады. Картина была исключительная. Выпал снег. Море темное. Немцы обнаружили десант. Повесили осветительные снаряды. Заливало таким мертвенным светом. Наши корабли открыли огонь по немецким береговым батареям.

Мы приблизились еще более к немецкой обороне. Рота действовала на самом правом фланге. В это время был отлив, и мы по этому отливу прошли. Рота пошла в тыл немецкой обороны. Сразу подорвалось не-

сколько человек на противопехотных минах, но остались живы. Вышли на участок в виде большого сектора. Слева огромная гора и обрыв, а справа покатый обрыв. Площадь сектора усеяна валунами и низкорослыми деревьями. Немцами велся минометный огонь. Мы залегли за валуны. В это время уже стало рассветать. Смотрю, а подо мной провод от мины натяжного действия. Ночью я не заметил, как на него напал. Взрыва не произошло. Поднялся осторожно на руках и отполз в сторону. А мы как раз перед наступлением знакомимся по пособиям с этой миной. Это мое счастье было.

Потом вышли в узкое длинное ущелье, и выбрались на его восточный гребень. Завязалась перестрелка. Спустя короткое время в роте было убито 3 человека, в том числе даже снайпер. Командир роты приказал нам открыть огонь из минометов. Оказалось, что силуэты пехотинцев проецировались на фоне неба. Я сразу не стал подниматься, подполз к валуну. И осторожно поднял голову. Немцы меня заметили. Обстреливали, от камня летели каменные брызги. Открыл и я огонь, там немцев поразили, но перестрелка продолжалась. Немцы снова открыли огонь по ущелью. Там погибло несколько человек. Потом открыли огонь по склону ущелья, на которую выбрались наши автоматчики. Там были потери. В частности, погиб бывший командир минометного взвода лейтенант Симонов. Прекрасный человек был. Рота преодолела сопротивление противника. Бригада прорвала немецкую оборону. Потом происходили короткие стычки с немцами. Основная часть их отступала, боясь попасть в окружение, так как 14-я Армия обошла немецкую группировку. Немцы уходили в сторону Петсамо.

Мы подошли к Петсамскому заливу. Нас посадили на военные катера и перебросили в порт Линаханари, на противоположном берегу Петсамского залива. Там уже побывали десантники, были видны взорванные доты. Потом двигались на запад в сторону Норвегии. Часть бригады действовала с 63-й бригадой, в частности, освободили Киркенес.

Наш батальон разместили в разных местах. Нашу роту разместили в глубине немецких фиордов. А там были немецкие землянки, круглые и прямые. Справа и слева крытые массивы, засыпанные снегом. Ночами вместе с северным сиянием была феерическая картина. В этом фиорде нас и застало окончание войны. Выбежали на улицу, палили в воздух.

Потом части батальона стянули в одно место.

Позже началась постепенная демобилизация. Сначала старшие возрасты, потом мы. Я демобилизовался в августе 1946 г., уехал домой в Пятигорск, где жили родители. Они работали в одном из санаториев.

Родителей не предупреждал о приезде. Сев на небольшой трамвайчик, увидел, что в автобус вошла мама и села рядом со мной. Едем. Я молчу. Потом не вытерпел, по имени-отчеству к ней обратился. Она мне отвечает: «Я вас не узнаю...». «Сына не узнаете?». В автобусе все заулыбались.

Из нашего класса из Вологды часть ребят погибла в войну.

Вы не чувствовали о скором начале войны?

В Кольском заливе от ударов английской авиации весной 1941 г. отстаивался немецкий лайнер. Постоянно летали немецкие самолеты. На наших глазах утонул эсминец «Стремительный», переброшенный из Тихого океана. На Северном флоте силы немцев были крупные: корабли «Тирпиц», «Карл Шарнхорст».

После войны Вы встречались с боевыми товарищами?

В городе раньше жило несколько человек из бригады.

Медальоны выдавались Вам только перед десантной операцией?

Да, мы их сразу заполнили. Потом у уцелевших отобрали медальоны обратно. Позднее их заменили красноармейские книжки.

Как хоронили погибших?

Вывозили, как и раненых, на оленьих упряжках.

Мария Ефимовна расскажите, пожалуйста, о войне.

Я жила в Ставропольском крае. По радио передавали, что немцы еще за 200 км. Утром пошла собирать виноград. Смотрю, прямо по улице по четыре в ряд на мотоциклах едут немцы. Наши войска закрепились в песчаных бурунах и немцы не могли туда добраться. Немцы ушли ночью срочно, быстро. Наши самолеты бомбили нашу деревню. Бомбы прямо на нас летели. Попали в дом, где обосновались немцы, его вдребезги разнесло. Немцы перед уходом хотели взорвать мельницы и электростанцию, но не успели.

Старостой при немцах был наш сосед. Заставляли убирать хлеб, некоторые, ни в какую не хотели работать.

Да, война – это настоящий подвиг народа. Его забывать мы не должны. Не должны для того, чтобы не повторить ошибки прошлого.

Иван Коробов

«Взгляд на войну из современности...»

Для меня любая война – это смерть, голод, разрушение городов и государств, а самое страшное – это когда страдают ни в чем неповинные люди, особенно дети.

Изучая историю, мы видим, что война всегда сопровождала человечество, была способом разрешения международных конфликтов.

Сейчас страшно подумать, что будет, если завяжется война между государствами, в которых есть ядерное оружие, и если его применят. Вот тогда и наступит «конец света». Люди просто себя уничтожат. А сейчас незаметно, но к этому идет.

Я никак не могу понять. Человек – существо разумное – покоряет космос, развивает науку, но не может принять простого, что война – это самое ужасное, что может произойти в мире. И почему люди выбирают вождей, одержимых идеей покорить весь мир?

И еще я понял, что человечество склонно к самоуничтожению, и потому у него нет будущего. Скоро люди не смогут противостоять войнам. Война – это как раковая опухоль, от которой нельзя избавиться. И как раковая опухоль убивает человека, так и война убьет человечество.

Семяшкин Илья, 18 лет

Пунегова Елена Никитична. 1924 года рождения. Уроженка с.Куратово. Призвана Сысольским райвоенкоматом в феврале 1944 г. Демобилизована в июле 1945 г. Проживает в с.Куратово. (Книга Памяти Республики Коми. – Том 6. – С. 426). Дата опроса – 26 февраля 2004 г.

Это интервью прошло тяжело. Бабушка ничего не понимала по-русски, я опрашивала ее на коми языке. Многое ею забыто, что очень огорчило меня.

Елена Никитична живет в с.Заречье, д.Чоййив, что в Сысольском районе. В этом году, 26 апреля ей исполнится 80 лет. В связи с тяжелым заболеванием ей было трудно отвечать на вопросы, но что-то удалось вспомнить.

По данным военного билета Елена Никитична была курсантом 20-го отдельного учебного автополка с декабря 1943 по май 1944 г., а затем по 9 мая 1945 г. являясь шофером в составе 322 батальона, обслуживала аэродром, когда ее часть какое-то время располагалась на Западной Двине.

Елена Никитична хорошо помнит о том, как сильно плакала мама, что ее «дочку берут на войну», держа при этом повестку в своих руках.

Кто провожал Вас на фронт?

Мама, сестры, соседи. Все провожали, плакали. Говорили, что выросла без отца и вот на фронт увозят.

Как добирались до фронта?

Постоянно везли на грузовой машине.

Что Вами чаще всего вспоминается из фронтового быта, военной жизни?

Продукты и воду привозили из деревни. Из Западной Двины воду нельзя было использовать даже в помывке. Она вся была отравлена. Даже был случай, когда молодой парнишка-боец, зашел искупаться, а обратно его вытащили уже мертвым.

Елена Никитична сейчас уже не помнит, где встретила Победу. Со слов дочери, Валентины Ивановны, она раньше рассказывала, но после перенесенной болезни почти все позабыла.

В послевоенные годы работала сначала библиотекарем в сельской библиотеке, затем долгие годы в местном совхозе, откуда и вышла на пенсию.

Когда же я прощалась с Еленой Никитичной, она горячо пожала руку и со слезами на глазах благодарила, что не забываем мы их, что делаем хорошую работу. И еще то, как ей обидно, что ничего не могла она вспомнить из-за своей болезни. И пожелала: «Крепкого вам всем здоровья. Чтобы в вашей жизни был мир и покой. Чтобы вашему поколению не пришлось участвовать в таких боях, которые прошли мы во время Великой Отечественной войны. Чтобы вы не знали, что такое «война», а жили спокойной и мирной жизнью».

Татьяна Андреева

Саркисян Карапет Акопович. 1920 года рождения. Уроженец Ханларского района Азербайджанской ССР. Призван Ханларским райвоенкоматом в октябре 1940 г., рядовой. Демобилизован в 1944 г. Проживает в с.Иб д.Погост Сыктывдинского района. (Книга Памяти Республики Коми. – Т.5. – С. 784.). Дата опроса – 26 февраля 2004 г.

Карапет Акопович из числа тех, кто прибыли в нашу республику не по своей воле. Как бывшего военнопленного его направили сначала в лагерь, а потом с ограничением в гражданских правах определили на

спецпоселение. С тех пор он живет на севере. Женился на ком-девушке, с супругой они вырастили трех дочерей, сейчас помогают воспитывать внуков.

Расскажите, пожалуйста, о войне.

В армию призвали меня в 1940 г. Повезли на границу с Германией. В то время Польша была уже оккупирована: половина – Сталиным, половина – Гитлером. Служил только одиннадцать месяцев. Подняли по тревоге и повезли на границу строить укрепрайон. Это было 18-го, а 22-го – летит самолет над нами, с крестом. Спросили лейтенанта: «Это что за самолет с крестом, почему на нем нет звезды?». Он ответил: «Это, наверное, немецкий самолет заблудился». Командиры и те не знали, что это такое. На нас стали сыпаться снаряды и мины.

Война началась. Мы стали отступать. Отступали до Киева, от границы до Киева. А это несколько сот километров. Нечем стрелять было. Западнее окраины Киева мы держали оборону, а немец в это время был уже в Днепропетровске. Мы оказались в окружении. Если вы, девушки, читали школьный учебник по истории 10 класса, там описана гибель Юго-Западного фронта: погибли три армии – 5-я, 6-я, 37-я. Я там же был. И мы оказались в плену – 60 тыс. человек нас было. Нам политрук рассказывал, что командующий Киевским военным округом давал запрос Сталину оставить Киев. Ответ пришел: «Не оставлять ни за что». Но если бы мы ушли на 12 дней раньше, тогда бы эти три армии не погибли бы. Это так и написано в учебнике. Сейчас пишут об этом, а раньше не писали, тогда мы все были «виноваты».

Плен. Война уже идет вовсю. Нас погнали до Житомира: где пешком, где в телячьих вагонах. Приехали туда, а там большой военнопленный лагерь в 40 тыс. человек. В декабре 1941 г. нас повели на работу около 50 человек. Я шел в конце колонны. Подошла машина, нас с конца колонны, 12 человек, погрузили и повезли вперед. Оказалось, везут дрова заготавливать. Один унтер-офицер жестами показывал-объяснял нам, что нужно собирать сухие ветки для конвоя, чтоб они не замерзли. Начали собирать сухие сучки. Я пошел-пошел вперед. Вижу – шоссе. Это была трасса Житомир-Владимир-Волынь. Пока унтер-офицер стоял спиной, убежал. Бежал километров за 30, еле-еле дошел. А сам заразился сыпным тифом. На мне было миллион насекомых.

Дошел до Черниховского района, там есть большое село – Новополье называется. Там один добрый украинец, Григорий Данько его звали, меня подобрал на улице и повел к себе домой. Меня раздели, вы-

купали и на печку. Вшивую одежду выкинули. Говорят, я у них неделю лежал без памяти. А потом остался у него.

А Вас фашисты не искали?

А я же один ушел. Для них я букашка. Там же было 40 тыс. человек. Каждый день возили померших.

...И вот я жил у Григория Данько. А чтобы идти к партизанам, надо иметь свое оружие, без него не принимали. Так и сказали: «Достанешь оружие – пойдешь, нет – расстреляют».

Почему?

Потому, мол, провокатор пришел, раз без оружия.

В марте 1942 г. пришла девчонка соседа: «Дяденька, бегите. Полиции идут». А полиция местные. Немцы назначили из местных же старосту, а староста себе полицейских подбирал. Я оделся, выскочил и в лес (скрыться в лесу, чтоб в какой-то яме хотя бы для начала спрятаться). Не добегая до него метров 300-400 – выстрел, и пуля надо мной просвистела. Остановился, пришли двое. Повели. К старосте. А у него во дворе был сарай. Меня впихнули в него, а там уже шестеро сидят, беглых, пойманных. Днем трое полицейских нас охраняли, свои же, которые за кусок хлеба пошли на это. Повезли снова в Житомир, под замок. Там набралось таких же беглых человек 60. Потом всех погрузили в товарные вагоны и отправили в Германию, аж до самой ее окраины. Ближе к французской границе. Там есть город Штутгарт.

Нас там разобрали быстро: по фермерским хозяйствам, маленьким заводикам, фабрикам. А меня подобрал такой, солидный немец, Фридрих Букш. У него работали три полячки, три поляка и я. Он выращивал картошку: 10 гектаров поле. Сажаем, окучиваем, копаем. А в Германии тоже была карточная система. У него и жили. Их было двое. Он и жена. Они ненавидели Гитлера. Их единственный сын пропал без вести под Сталинградом.

Я у них жил до 1944 г. В 1944 г. открыли второй фронт. С нами там был бывший офицер Ревазов. Он собрал нас в одну группу...

А впрочем, когда армия занимает территорию, в городе назначается военный комендант. Вот тогда комендант распорядился отправить всех нас на родину. Собралось нас человек 20-25. Мы согласились. На студбеккерах нас отправили на станцию. А ехать через Германию, через Польшу. А еще шла война. Тогда решили они нас отправить через Францию, на южный берег в г.Марсель. В этом портовом городе посадили на пароход до Италии в г.Торонто, а из него – в Одессу.

В Одессе три дня были – в Башкирию... в государственный фильтрационный лагерь. Искали виновных. А я рядовой солдат. Какая на мне вина.

А потом были допросы. Контразведка составила протоколы. И представьте себе, старший лейтенант, артиллерист, текст нам не показывал. Прикрыл его другим листом, оставил место только для подписи. Я говорю: «Дайте хоть прочту, что Вы написали». А он: «Пристрелю. А то подпишись». Что мне оставалось делать? Подписался.

Вернулся туда, где мы жили. А жили в огромных казармах-землянках, в одну землянку можно целую роту заселить. Сел на свое место, схватился за голову: «Почему он так сделал? Что я сделал плохого?». Подошел ко мне старшина. Уже пожилой человек. «Что такое с тобой, – говорит, – сынок? Ты попал во вторую кабину?». Я говорю: «Да». «Тебе, говорит, – прямая дорога на каторгу»...

Вот поэтому я оказался здесь. Сначала в Удорском районе лес рубил. А потом, 4-го августа 1946 г. меня вызвал оперуполномоченный, лейтенант. «Вам, – говорит, – Президиумом Верховного Совета дали 6 лет спецпоселений. Распишись. Возьми записку, иди в контору, тебе положены деньги. Выйди из зоны и заселяйся во-о-о-н в тот барак. Там будешь жить, работать, где работали, сам себя кормить». Получил я тогда за свою работу 700 рублей, там и жил, там и работал. Но уже как спецпоселенец.

А потом приехали вербовщики с леспромхозов. И я оказался здесь, в Ибском леспромхозе. 11 лет работал в лесу, затем на сплаве.

В 1952 г. комендант вызывает в контору, отправил меня в Вильгорт за паспортом. Сфотографировали. Паспорт в руки дали. «Теперь ты, свободный, – говорят». Да какая свобода? Паспорт мне дали со статьей. В Москве, Ленинграде, Киеве, в режимных городах, городах-героях, западных областях не имею права проживать. На сто первом километре только. А моя родная деревня от города (он тогда режимным был) всего в 16 километрах. И я остался в Коми.

Когда в 1953 г. «отец всех народов» «приказал долго жить», Ворошилов стал Председателем Президиума, дал Указ снять все эти статьи. Паспорта поменяли. Я стал свободным.

Но я все равно остался здесь. Была попытка вернуться на родину в 1957-м. Но я там не смог жить.

Почему?

Потому что там живут не так, как здесь. Здесь – абсолютно честный народ. Все 50 лет я живу здесь.

Как Вас встретили на родине?

Братья встречали, на руках вынесли из вагона. Шутка ли, 16 лет не виделись. Но ни отца, ни матери в живых уже не было. Мать умерла в 55-м, а отец остался под Москвой, погиб под Клином.

А теперь там, где моя родина никого наших родных нет. Всею виной Нагорно-Карабахский конфликт. Слышали про него? Все армяне оттуда уехали.

Что Вы чувствовали, когда узнали о Победе?

Когда пришла Победа, я еще был в Башкирии.

А в каком районе Башкирии Вы находились?

В Алкино-2, военный городок.

Были там госпиталь?

Нет, госпиталя не было. Там стоял запасной полк. Только создавали маршевые роты, батальоны и куда-то отправляли. А нас отправили сюда, два вагона.

В каком году Вы были в Алкино?

В 1945-м.

Что бы Вы хотели пожелать молодому поколению?

Служить. Но не видеть войны.

Мой внук в армии. Я ему пишу письмо: «Служи честно. В Чечню не попадай, чтобы войну не видел».

P.S. Наши вопросы к Карапету Акоповичу по поводу Алкино были не случайны. Дело в том, что один из поступивших в «Северную звезду» запросов от родственников погибших в годы войны, связан с Башкирией.

Дочь военнослужащего, принимавшего участие в Великой Отечественной войны в составе трагически погибшей 2-й Ударной армии, обратилась к нам с просьбой установить место захоронения отца. Дополнительно она сообщила нам, что ее отец – Божко Афанасий Иванович был в плену, болел туберкулезом. В последнем письме написал, что «находится на лечении в госпитале в п.Алкино в Башкирии». Больше писем не было. Женщина предполагает, что, видимо, там ее отец умер от болезни. Однако официальный ответ на наш запрос в Военный комиссариат этой республики был отрицательным. Сообщалось, что по спискам офицеров, сержантов и солдат, умерших от ран и болезней в 1941–1945 гг. в военном госпитале п.Алкино-2 Чишминского района Республики Башкирия и захороненных на Алкинском кладбище Божко А.И., 1914 года рождения – не числится.

Из других (не официальных) источников, мы узнали, что в Алкино располагался проверочный фильтрационный лагерь. Эта информация подтвердилась также и тогда, когда мы общались с К.А.Саркисяном. Считать ли это просто совпадением? Возможно, А.И.Божко тоже находился в этом лагере, но, не желая огорчать родных, писал им, что находится в госпитале. Однако это также лишь предположение. Последней

инстанцией, способной дать достоверный ответ, являются архивы федеральных служб безопасности и министерства внутренних дел, которые, к сожалению, далеко не всегда доступны исследователям.

Александра Петрова, Татьяна Андреева

Сивков Василий Афанасьевич. 1924 года рождения. Уроженец д. Вильгорт Удорского р-на. Призван Усть-Вымским райвоенкоматом в июне 1943 г. Рядовой. Демобилизован в феврале 1945 г. Проживает в с.Пажга Сыктывдинского района. (Книга Памяти Республики Коми. – Т. 5. – С. 786). Дата опроса – 20 декабря 2004 г.

В годы Великой Отечественной войны Василий Афанасьевич воевал в самоходном 399-м артиллерийском полку в составе Первого Белорусского фронта. До войны работал бухгалтером на Жешартском фанерном заводе. Как раз начиналось его строительство. После войны на протяжении семнадцати лет в Красном Затоне, в ФЗО № 1, вплоть до его расформирования. Затем перешел в 22-е профтехучилище, оттуда вышел на пенсию.

Расскажите, пожалуйста, о войне. Как это всё для вас начиналось?

У меня в Жешарте была «броня». С Усть-Вымского района призвали в армию. Мы попали в сыктывкарскую автошколу (в училище). Еще полгода прошло. Во время войны в 1943 г. в декабре и увезли из Сыктывкара в Горький в учебную часть. Автополк тоже увозили. И оттуда был приказ еще набрать людей на фронт. Я не закончил там.

Вы проходили курс молодого бойца?

Нет. Тоже по автолинии учились. Изучали автомашины. Но там мы не закончили и попали на призывной пункт в Горьком, и отправили нас сперва на Ленинградский фронт, но в пути свернули на Белорусский. На ходу и обмундировали, и попали в самоходно-артиллерийский полк. С ним шли с боями до ... Я и забыл, как река называется... Днепр тогда уже взяли, когда мы проходили. Украина освобождалась. Висла, наверно, там была... Автоматчиком служил. Охраняли самоходки: пять человек автоматчиков и три человека экипажа. На самоходке и ехали.

Кто вам сообщил о войне?

Узнали по радио 22 июня.

Вы хотели пойти добровольцем?

Желание было, но не разрешили. Не хватало счетных работников.

Сколько вам было лет когда вы ушли на фронт?

Девятнадцать.

Кто провожал на фронт?

Сестра провожала. Сейчас умерла. Мы ведь из Сыктывкара уезжали. На автомашинах в декабре до Княжпогоста. А потом по железной дороге до Горького.

Когда прибыли на фронт и начали воевать, что вы чувствовали?

Страх. Страшно было. Земля дрожала. Самолеты все подкидывали, бомбили. Мы за машиной и следили: самоходку – то и охраняли.

По дому скучали? Письма писали?

Конечно. Писем не писал. Некому было. Сестра малограмотная была. Родители живы были. Мать была жива еще. Неграмотные были.

Что вам было особенно запоминающимся на фронте?

Интересного...я и не знаю. Я рядовым был. Ушел и пришел. Автоматчиком был.

То есть десантником на самоходке?

Да, можно так считать.

Как проходили атаки?

Мы были в передовой части. Самоходки шли вперед. 152-мм гаубицы у них были. Мы за ними. Прикрытие было у нас.

Боекомплекта хватало?

Хватало боекомплекта. Самоходка возила. Погружались туда, пять снарядов и наверху еще ящиков пять с запасом.

Брали чужое оружие?

Такого не было. Были запасные диски: по два диска и так патроны были в мешке.

А как было с питанием?

С питанием перерыва не было. Хорошо кормили. Зараз удалось кушать то вечером, то после боя. Кормили хорошо. С питанием перерывов не было.

Были смешные истории?

Смешные были. Там же веселый народ был, хоть и воевали.

Остались фотографии с тех времен?

Нет, ничего не осталось.

Когда бои затихали, как хоронили солдат?

Хоронили их... Заворачивали в плащпалатку. Так и хоронили. Могилы рыли, когда свободные были от боев. Похоронные команды сзади были. Мы шли вперед.

Как Вы узнали о Победе 9 мая 1945 года?

Я в Сыктывкаре уже был, приехал в феврале 1945-го. Нас отпустили,

полк расформировали. Я заболел туберкулезом, в госпиталь на Черное море отправили. Там офицерский госпиталь создавали и нас кого куда.

Кто вас встречал, когда Вы вернулись домой?

Сестра встречала, а больше некому было в Сыктывкар-то приехать.

Когда вернулись с войн, встречались с однополчанами?

Однополчане были из разных районов и городов. Я никого больше не встречал, с кем из Сыктывкара уехал. Многие в Горьком шоферами стали, большегрузные машины водили.

Что бы вы хотели сказать молодому поколению?

А что сказать? Многие ударились на пьянку, на кокаин. Принимают. Я желаю, чтоб этого не было – пьянства, наркотики чтобы не принимали. Чтобы здоровой была молодежь. И в армии служить отказываются очень многие сейчас. А без армии нельзя ничего построить. В армии служить надо.

Что можно сказать об опрошенном мной ветеране – Сивкове Василии Афанасьевиче? А сказать можно очень много, как и о любом другом ветеране Великой Отечественной войны. Это человек невысокого роста, жилистый, но видно сразу, что жизнь его потрепала. Еще бы, побывать на войне и вернуться с фронта живым (без разницы, благодаря или вопреки чему-либо), а после войны и тяжелой болезни продолжать работать на благо Родины – это подвиг, за который надо сказать БОЛЬШОЕ СПАСИБО всем, кто сражался на фронтах той войны.

Больше всего поразили условия, в которых живет ветеран войны: небольшой домик с низким потолком, спертый воздух, которым трудно дышать... Василий Афанасьевич, конечно, вынес много на своих плечах, но почему сегодня государство не только не облегчает жизнь ветеранам, но и создает дополнительные трудности? Было видно, что ветерану живется не сладко, хоть он и мужественно переносит все тяготы, которые выпадают ему в жизни.

Многим ветеранам сегодня приходится туго, но они не отчаиваются: ведь самое страшное для них уже давно позади. Но было бы еще лучше, если б новых трудностей у них вообще не было. Мне кажется, что в этом и состоит одна из задач молодого поколения и нашего правительства.

Сергей Семячков

Симаков Павел Дмитриевич. 1921 года рождения. Уроженец с.Лозым Сыктывдинского района. Призван Сыктывдинским райвоенкоматом в апреле 1942 г., рядовой. Демобилизован в июне 1943 г. Проживает в

с.Лозым. (Книга Памяти РК. – Т.5. – С.789). Дата опроса – 24 февраля 2004 г.

Симаков Павел Дмитриевич – единственный ныне живущий ветеран из всех участников Великой Отечественной войны, ушедших на фронт из с.Лозым. Познакомились мы с Павлом Дмитриевичем летом 2003 г., когда разыскивали родственников погибшего Емельянова Пантелея Яковлевича, так как в поисках родственников в этом селе нам подсказали обратиться к ветерану. Погибший П.Я.Емельянов оказался одноклассником Павла Дмитриевича. Они вместе росли, учились в школе, летом работали в колхозе. П.Д.Симаков вспоминал, как они вместе пасли коров. Показывал нам те поля. Плакал. Погиб Паня (а именно так в деревне звали Пантелея Яковлевича Емельянова), когда ему шел всего двадцать первый год.

Останки Пани Емельянова были найдены весной 2003 г. недалеко от урочища Зенино Чудкоборской волости Тосненского района Ленинградской области поисковиками из отряда «Сталкер» г. Ноябрьск Ямало-Ненецкого автономного округа. При них был обнаружен металлический чехол для спичек. На тыльной стороне полого коробка были сделаны надписи «Емельянов Паня г. Лозым Коми АССР», «Смерть фашистским оккупантам» и нацарапана пятиконечная звезда. Уже после поисковики из Межрегионального информационно-поискового центра «Объединения «Отечество» (Республика Татарстан) выяснили, что по данным Центрального архива Министерства обороны РФ среди погибших в этом районе числился: «Емельянов Пантелей Яковлевич, 1923 года рождения, уроженец Коми АССР, Сыктывдинского района, призванный Сыктывдинским РВК 11.04.42 года, сержант, 153 стрелковый полк, 80 стрелковая дивизия. Умер 20 января 1944 г. Захоронен на госпитальном кладбище 739 полевого госпиталя, 1,5 км восточнее д. Зенино Тосненского района Ленинградской области».

По просьбе коллег, «Северная звезда» помогла разыскать родственников Емельянова Пани. Оказалось, что родная сестра умерла два года назад, а в Лозыме живет его двоюродный брат – Николай Иванович Мартынов. Сообщили, что останки Пани Емельянова торжественно захоронены 10 мая 2003 г. в братской могиле вблизи д. Чудской Бор Тосненского района Ленинградской области. А в «День памяти и скорби» 22 июня 2003 г. у Сыктывкарского мемориала павшим защитникам Отечества Н.И. Мартынову вручили именную вещь его брата.

Следующий раз побывать в Лозыме нам удалось во время акции «Возвращаем имена» в феврале 2004 г. В посещении с.Лозым у нас было три цели: провести встречу поисковиков в санатории, встретиться и

пообщаться с П.Д.Симаковым, навестить Н.И.Мартынова. Достигли двух из них: незадолго до нашего приезда Н.И.Мартынов скончался.

Вот что нам рассказал Павел Дмитриевич:

Расскажите, пожалуйста, о войне.

На фронт приехал в 1942 г. на Волховское направление. Участвовал в прорыве Ленинграда, до города оставалось 110 км. Ранили многих, меня ранило. А большинство убили. Снаряды падали. Помню в руках у меня был автомат, очнулся – нет автомата. Только кровь по ноге бежит. В госпитале лежал 6 месяцев и 2 дня. Потом домой отправили.

Тебе, девочка, сказать, конечно, не удобно. Но там условия хорошие были, в госпитале. Не сравнить с нынешними. Я два раза в больнице лежал. Обслуживание плохое. А в военные годы сколько людей бомбили, целые вагоны раненых возили – и всех лечили.

Когда Вы узнали о том, что началась война?

По радио передали.

О чем Вы думали, что ощущали, когда узнали о начале войны?

О чем подумали... Война – война и есть. Помирать нечего. Все о Победе думали.

До мобилизации Вы прошли курс молодого бойца в системе Всевобуча? Где и чему обучались? Кто обучал?

А как же! В Вологде. Месяца два, наверное. Но это было после призыва в армию. Учили автомат держать, гранаты кидать, чтобы нас не подорвало. И это все пригодилось.

Когда Вы получили повестку о Вашей мобилизации на фронт?

На фронт? Не помню уже.

Сколько Вам тогда было лет?

Не знаю, но молодые еще были.

Расскажите, как Вас провожали на фронт? Кто провожал (родители, друзья, любимая девушка)?

На фронт провожали хорошо. Нас провожали в Сыктывкаре, под хорошую музыку. Из родных была моя мать.

О чем думали, когда добирались до фронта?

Что думали, что думали – воевать думали.

Приехав на фронт, расскажите о первых впечатлениях? Вы скучали по дому? Часто ли писали письма? О чем писали?

Какой там, по дому скучали. Письма писали, и мать писала. После в госпитале писал, что у меня ногу оторвало.

Ваши фронтовые письма или фотографии сохранились в домашнем архиве?

Сейчас уже ничего не сохранилось.

Что Вам чаще всего вспоминается из фронтового быта, военной жизни?

Война есть война. Сейчас люди между собой воюют. А там хорошие люди были, друзья, друг на друга не ругались. Дружные были.

А сколько людей было – несколько миллионов. Но паек давали. Каждый день. Плохо только со спичками было, а так и хлеб дадут, и табак. Все хорошо было.

Много людей погибало. Вы можете вспомнить, как хоронили погибших бойцов?

Не знаю как. Нас тогда ранило шесть человек сразу. Да там в траншее все остались, наверное. На войне ведь люди и теряются.

Встречались ли Вы после войны с родственниками погибших на фронте друзей?

Да-да. Вернулся в село, родственники сотни раз спрашивали о тех, кто погиб, кто нет. Никто тогда не знал, кто погиб, или нет и где. А сейчас в Книге памяти все написано: кто, где и когда погиб.

Где и как Вы встретили Победу? Расскажите, что Вы при этом чувствовали?

Я уже ведь дома был после ранения. Конечно, радость почувствовал. Везде говорили: «Конец войне! Наши победили!». Если муж не приходил – жена заплачет... Но, конечно, мало с войны возвращались, мало...

Когда Вы демобилизовались?

12 апреля 1943 г.

Вы помните, кто и как Вас встретил дома?

Мать была у меня. Дочка ее, сестра моя, померла. А у зятя, который был на войне, остались дети. Самому младшему два года, самому старшему было 14 лет.

Что дополнительно Вам хотелось бы сказать молодому поколению?

Не знаю. Война – это плохо! Война никому нам не нужна. Это горе и слезы. Но все равно, я считаю, что в Великой Отечественной порядку было больше, чем в нынешней чеченской. Там, я слыхал, плохо кормят. А тогда в госпитале кормили хорошо. А сколько было раненых, в одной Казани было только 120 госпиталей. Заботились тогда о людях. Сталин заботился о людях. А сейчас что???

Светлана Стефанович

Шешуков Иван Дмитриевич. 1926 года рождения. Уроженец с. Усть-Нем Усть-Куломского района. Призван Усть-Куломским райвоенкоматом в октябре 1943 г., ефрейтор. Демобилизован в сентябре 1950 г.

Проживает в г.Сыктывкаре. (Книга Памяти Республики Коми. – Т. 6. – С. 367). Дата опроса – 28 февраля 2004 г.

Иван Дмитриевич часто бывает в разных школах Сыктывкара. Выступает перед учащимися, рассказывает о прошлом. Вот и мы с ним впервые познакомились на мероприятии – «Клятва бойца поискового отряда». Давать клятву перед ветеранами – очень ответственно. Ответственность о проводимой работе чувствуешь двойне, когда выслушаешь напутствия участников войны перед выездом в поисковую экспедицию.

Расскажите, пожалуйста, о войне.

На войну я попал в конце ее. После призыва мы шли в основном пешим ходом человек 400 из нашего района: из Усть-Нема до Усть-Кулома – 82 км, из Усть-Кулома до Сыктывкара – 180. Дальше до Шежама еще 50 км. В 1943-м. Служили в первое время в 33-м запасном полку в Архангельске. Получили азы военной подготовки, нацепили погоны. Через три-четыре месяца приехали авиаторы, стали набирать людей, которые имели 7-10 классов образования. Отобрали 17 человек, попали в Вологду уже в 22-й запасной полк. Там я проучился почти полгода. Учили нас на радистов. Я радиоспециалист второго класса. В конце войны нас, как пушечное мясо, на войну уже не посылали, а обучали. В Туле изучали, как устроены американские радиостанции. И только в феврале 1944 г. нас направили на фронт. Летели на американском «Дугласе», попали под обстрел. Сначала в Белоруссию, потом Литва, Тильзит, Кенигсберг. Война для нас закончилась не 9 мая, а позже. В виду того, что после штурма Кенигсберга, участником которого я был, мы занимались ликвидацией фашистского «отродья». Нас направили на Восточный фронт. Но доехали до Смоленска, война на Восточном фронте закончилась. Мы осели в Смоленске. Я потом служил в этом городе много лет.

Что Вы чувствовали, когда узнали, что началась война?

Мой отец охранял заключенных в Шексне. Он там и умер. Мама была репрессированной, работала истопницей. Отца не было, я жил в детдоме. Когда началась война, учился в ремесленном училище. Там и узнал. Все пацаны 15-17 лет, все почему-то просились на фронт. Мне тоже, как и всем хотелось. Хоть и родители были прижаты (репрессированы), но чувства, чтобы «отлынивать» не было. В первое время и не чувствовалось, что война. Говорили, что в течение трех дней пройдет. Что там Гитлера за государство такое, победим. В первое время чувства были чуть-ли не радостные. Это уже потом поняли, что война – горькая пилюля.

Война началась – забрали старшего брата.

Вы получили повестку из военкомата или пошли добровольцем на фронт?

Когда я закончил ремесленное училище, работал в МТС. Нас вызвали на сборы. Капитан говорит: «Ну что, сынки. Война идет. Надо готовиться». Мы считали, что мы готовы. А он продолжил: «У вас и роста не хватает, и времени». Мой рост был 149 см, годов 17 лет и три месяца. Но я и еще три моих товарища пошли в военкомат, нас призвали.

Как Вас провожали на фронт?

Сестра и мать не знали, что нас на войну отправят. Мы все трое позвонили и только. Больших проводов не было.

Чем Вы занимались в дороге? О чем думали?

Ощущение было, будто на праздник идем. Как какая-то игра была. На газогенераторных машинах везли котомки, а мы все шли пешие, гурьбой. Было даже весело. Редко проскакивали моменты, что идем на войну.

Какие были Ваши первые впечатления, когда Вы попали на фронт?

Первое время такое чувство, что тебя обязательно убьют, или ты попадешь. А потом в колеюходишь и вроде бы ничего.

Вы писали письма домой?

Да, писал. На радиостанции когда дежурил, время иногда было. Тем более, что конвертов не надо было, в треугольник сложишь и отправляешь. Я до последних годов все хранил три треугольника. Потом раздал по школам. Сейчас ни одного письма нет.

О чем писали письма? О войне писали?

О военных действиях нельзя было писать. Я пытался. Как-то получаю письмо от сестры, она пишет: «Что ж ты, братишка, все письмо исчеркал». Я понял, что это цензура сделала.

Что Вам чаще всего вспоминается из фронтового быта?

В авиации нас кормили, можно сказать, хорошо. Может быть, не всегда «с котелка», но норма не плохая была. Нам давали вплоть до коньяка. Я даже подрос. Но были и дни, когда горячей пищи не было. Выдавали сухпак. Чаще это были американские консервы. Они очень жирные, даже неприятно есть было. Выдавали шоколад, по 10 штук папирос. В то время я не курил, отдавал ребятам. Закурил после войны.

Раза два в месяц натягивали большую-большую палатку. В ней устраивали баню, мылись.

Вы можете рассказать, как хоронили погибших бойцов?

Это сложный вопрос. Не видел ни разу.

Встречались ли Вы после войны с родственниками погибших фронтовых друзей?

Встречался. Например, Окулов Миша, я вместе с ним служил, а когда узнал, что в Сыктывкаре живут его родственники, я встретился с ними. Очень трогательная встреча была.

А в своем селе, в своем селе бывало не возможно рассказывать. Тимушевы, Габовы, Денисовы, другие. Одни слезы. Встречался, но очень осторожно. Даже старался редко. Если кто-то узнавал, что я приехал, приходили в дом, расспрашивали.

Где и как Вы встретили Победу?

О! Интересный случай. Я как раз с 8-го на 9-е дежурил на радиостанции. А уже поговаривали офицеры, что дело идет к концу. Да и все мы чувствовали. Я дежурил. Полвторого ночи дают сигнал «асс», значит «ждать». А потом включается Левитан и начинает говорить о капитуляции. Я срочно по всем трем телефонам звоню дежурному по части, в штаб. Говорю, что война кончилась. Как радист, видимо, первый узнал.

Что началось... Пальба началась. Кто с пистолета, кто с пулемета, даже с самолетных пушек стреляли. Пока генерал Шевченко не приказал по радио прекратить стрельбу. Примерно до 10 утра стреляли.

Что Вы чувствовали в этот день?

По-моему, умирали от радости. Что живы остались. Сложно передать. Обнимались..., целовались..., плакали..., плясали...

Когда Вы демобилизовались?

Демобилизовался в 1950 г. Мне не хватило 17 дней до семилетней службы.

Что бы Вы хотели пожелать молодому поколению?

Мне хочется, чтобы наша страна по-настоящему встала на ноги. Чтобы молодежь не отворачивалась от службы в армии. Служба в армии – это закалка, это мужество. Настоящими мужчинами надо быть. А когда я слышу или вижу, что этот не хочет идти в армию, другой прикинулся больным – это не парни. Родину защищать надо в любое время, при любом правительстве. Отслужить надо с честью. Желаю, чтобы все были патриотами своей Родины.

Иван Дмитриевич продолжает активную деятельность. Много публикуется в средствах массовой информации, участвует в организации школьного музея в школе № 43, посещает «Клуб ветеранов».

Татьяна Андреева

Шолон Елизавета Николаевна. 1924 года рождения. Уроженка д.Екимово Антроповского района Костромской области. Призвана Антроповским райвоенкоматом в июне 1943 г., ефрейтор. Демобилизована в июле 1945 г. Проживает в г.Сыктывкаре. (Книга Памяти Республики Коми. – Том 6. – С. 369). Дата опроса – 28 февраля 2004 г.

Расскажите, пожалуйста, о войне.

Мне было 17 лет, нас, молодых девчонок, посылали копать под Ярославлем противотанковые рвы. Потом строили дорогу Галич-Кострома для того, чтобы с Востока перевозить военную технику. У нас была только одна железная дорога – Северная. Потом с мужиками вместе грузили порох, патроны. Отправляли нас и на лесозаготовки. Одежды и обуви хорошей не было. Топор дадут в руки, а рукавицы обледенели, топор выскальзывает...

А в 1943 г. взяли на фронт. Приехали мы в Сполье, привели нас в клуб, где были сделаны четырехярусные нары. Я подумала: «Господи, пропаду, наверное, я здесь». У нас с собой было немного еды. Вот сидишь, достанешь из котомочки немного картошки, поешь с кулачка. Думаешь, господи, куда это. Так мы прожили трое суток. Потом вдруг пришел дядька, пересчитывает нас, переписывает. И как закричит: «Збруева! (это моя девичья фамилия). – Становись!». А там одни мужики уже стоят. И нас он повел по шоссейной дороге к берегу Волги, на пароме переправили на другой берег.

Мужики в землянке жили, а мы при штабе. Я была зачислена в 40-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, в взвод управления, который работал при штабе дивизиона. Нам велели по ускоренной программе «учить самолеты». А эти самолеты – целые альбомы. Мы должны были знать все виды фашистских самолетов. И радиостанцию, и телефонию, и разведку – это все мы должны были выучить по ускоренной программе.

Чуть позже приезжает начальник дивизиона. Ему мы сдавали экзамен. Я сдала все на отлично. Была старшим телефонистом. Зенитки нашего дивизиона стояли в с.Ляпино, а потом в Савино. Мы сдали экзамены, меня посадили на коммутатор. А в этих кабинах сидят девчонки, как на выборах: уголочек, стульчик, телефон, ручка и бумага. Все было закодировано. А по середине располагалась оперативная комната: столы все обшиты, на столах карты. Я, например, передаю: «40-й, ель, сосна, пихта, осина». И позывные менялись постоянно. Как только наблюдательный пункт передает, что приближается вражеский самолет, я нажимаю командир, а он дает команду: «Положение № 1».

Все слетаются в эту комнату, каждый садится на свое рабочее место, все при деле.

А потом наш дивизион послали на 3-й Белорусский фронт. Всех погрузили в состав, все наши зенитки. По дороге нам вручили значки.

Там мы жили в земле. Наша комната была вырыта в земле. А питались в столовой, там питались и офицеры. Только офицерам еду получше давали, из другой кастрюльки.

Когда Вы узнали о том, что началась война?

Я жила в деревне, а станция была примерно в километре. Все идут: и старухи, и бабы – говорят, что война началась. Мама моя и все остальные заревели, а мы рот разинули, стоим. Ну, думаем, нам-то дома не дадут жить, нас будут гонять куда-нибудь. Без слез не обошлось, все плакали, охали. Война есть война.

О чем Вы подумали, что ощущали, когда узнали о начале войны?

Подумала, что ничего хорошего не будет. Стали забирать всех наших парней, говорили, что еще и девчонок заберут.

Вы прошли курс подготовки молодого бойца?

Ничего не проходили.

Расскажите, как Вас провожали на фронт? Кто провожал?

На фронт провожала мама, сестра Марья, Валентина. Мама наказывала: «Лизонька, милая, если будешь на войне, не теряй себя, свое достоинство. Там все мужики, не теряй свое достоинство». Я всегда это помнила.

Как Вы добирались до фронта? Чем занимались в дороге?

Со всех сторон нашего района собрались в военкомат. До военкомата 25 км шли пешком. Подали нам состав товарного поезда. А по дороге людей все добавляли, добавляли.

Расскажите о первых своих впечатлениях армейской жизни? Вы скучали по дому? Часто ли писали письма?

Очень скучали, как не скучать на фронте. Но письма писала не часто. В Ярославль Марья приезжала. А потом освоились, и как будто, так и надо. Но у нас одна девчонка застрелилась. Она была на посту с винтовкой.

Где и как Вы встретили Победу? Расскажите, что Вы при этом чувствовали?

Победу встретили в Новой Вилейке. У нас был клуб свой. Ну, все радовались, конечно. Нам устроили праздник: дали по 10 м белого шелку, 1 кг сахара. В штабе были танцы. Ухаживали за нами. Со мной все полковник танцевал.

После войны вместе с мужем – Шолон Михаилом Григорьевичем, также участником Великой Отечественной войны, Елизавета Николаевна приехала в нашу республику. Работала инкасатором, перед пенсией – продавцом в одном из Сыктывкарских магазинов.

Татьяна Андреева

Ольга Ивашина

«ПОИСК» – ЭТО НАША РАБОТА

Коми республиканское поисковое объединение молодо. Первый поисковый отряд «Северная звезда» появился 28 февраля 2003 г., когда состоялась учредительная конференция. Первоначально отряд состоял из пятнадцати человек, создавался на базе Коми филиала Кировской Государственной медицинской академии. Постепенно интерес к поисковой работе увеличился. К ребятам-медикам присоединились студенты других вузов столицы – численность «Северной звезды» возросла до 30 человек. Осенью 2003 г. в Сыктывкаре были созданы другие поисковые отряды. 8 октября появился отряд старшеклассников «Наследие», позднее – отряд Коми государственного педагогического института «Поколение». Так возникла необходимость создания единого органа, объединяющего и координирующего деятельность поисковых отрядов на территории республики. И 17 января 2004 г. была создана одноименная первому поисковому отряду общественная молодежная организация «Коми республиканское поисковое объединение «Северная звезда». Летом того же года возникли еще новые отряды: в Сыктывкаре – «Возвращение», в Прилузском районе в д.Тыдор – «Звезда».

За два года работы за плечами ребят восемь экспедиций «Вахт Памяти». Выезжали отряды в Новгородскую, Мурманскую, Ленинградскую области. Не единожды – в Старорусский район Новгородской области. По «Книге памяти Республики Коми» выявлено, что в Новгородской области погибли и пропали без вести 1715 солдат, призванных военкоматами тогда еще Коми АССР. А еще эта область интересна потому, что за бои на этой земле звание Героя Советского Союза получили два человека, призванные военкоматами Коми АССР. Они похоронены на Новгородчине: в городе Чудово – Николай Васильевич Оплеснин, а в с. Гора – Сергей Михайлович Черепанов.

Экспедиции «Вахты памяти-2004» для отрядов «Северная звезда» и «Поколение» были совместными. Сводный отряд работал в составе поис-

ковой экспедиции «Долина». Место, где довелось работать, во время фашистской оккупации получило название «Рамушевский коридор», недалеко от города Старая Русса. В годы войны этот город был символом стойкости Северо-Западного фронта, своего рода плацдармом на подступах к Москве и Ленинграду.

Благодаря совместной работе за весну и лето только сводному удалось поднять останки шестидесяти восьми воинов Красной Армии. Шестьдесят два из них были захоронены с отданием воинских и гражданских почестей безымянными: лишь в пяти из девяти найденных за этот период медальонов были вкладыши. Прочитаны шесть имен, на шесть строчек сократился список пропавших без вести. Один из бойцов Красной Армии, останки которого были подняты сводным отрядом, – Василий Филиппович Абрамов, уроженец Московской области. В записке медальона значилось, что его отец, Абрамов Филипп Васильевич, проживал в Москве, на Моховой улице. Оказавшись в столице России, ребята заглянули на Моховую. Но там их ждало разочарование – дом, где проживал Филипп Васильевич, решено снести, жильцов расселили несколько дней назад. Найти их адреса достаточно сложно. Но работа по поиску родственников ведется. Мы ждем ответов на запросы из адресных столов.

Обе экспедиции-2004 сводного отряда прошли близ деревни Омычкино. Места здесь стали почти родными. Во время весенней «Вахты памяти» в лесу нашли могилу советского летчика – младшего лейтенанта Дмитрия Стыркаса, который погиб в бою 28 июня 1942 г. Место его гибели родным не было известно. Сын занялся поиском могилы отца и нашел спустя 47 лет. На обрыве реки соорудил могилу. Увиденное в лесу – потрясло. Мы решили, что на местах, где подняты останки бойцов с медальонами, будем сооружать могилы и ставить кресты, напишем имена солдат, которые 60 лет ждали, что их вернут из забвения. Так, у молодых отрядов из Коми появилась еще одна поисковая традиция.

«Вахта памяти» – это не только работа в лесу и раздумья о жестокости войны. Походная жизнь, рассказы бывалых поисковиков и песни под гитару – все это неотъемлемая часть любой экспедиции, все это уже поисковые традиции. У ребят из «Северной звезды» накопились свои стихи, отрядные приметы, собрался небольшой словарь, который постоянно пополняется. Но игрой все это никто не считает. И даже бытовые неурядицы – холодная вода в умывальнике, сырость в палатках, подгоревшая на костре каша, многокилометровые переходы от лагеря к раскопу, работа по колено в болотной грязи – все это они называют одним очень емким и теперь таким родным словом «поиск».

Иван Коробов

ОТЕЦ

*... Они до сей поры, с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.*

...Весной 2004 г. отряды поискового объединения «Северная Звезда» вновь выезжали на Вахту Памяти в Старорусский район Новгородской области. Вахта была полна самых разнообразных событий. Мы подняли останки 33 бойцов и командиров Красной Армии, и, самое главное, нашли три смертных медальона. Причем два медальона были найдены в один день. Работали мы в районе урочища Сутоки Новосельского с/с на берегах р. Робьи.

Я вместе с Андреевым Александром и Половинко Евгенией, пока основная часть ребят работала на левом берегу реки, обследовал правый берег Робьи.

Довольно интересное было наше занятие. Была найден немецкий бетонированный «колпак», гусеницы от танков (последних, к сожалению, обнаружить не удалось) и еще много интересных вещей. Но самое интересное нас ждало к обеду первого дня разведки – на берегу Робьи нами была обнаружена могила младшего лейтенанта Стыркаса Дмитрия Константиновича.

Надписи на металлической плите:

Младший лейтенант Стыркас Дмитрий Константинович.

КВУ-4. 951 АП 391 СД. Погиб в бою 28.06.1942 г.

Надпись на металлической плите:

На боевом счету Стыркаса Д.К. сбитый самолет под г. Холм, сотни фашистов, много дзотов и дотов, минометов и пулеметов. Майор И. Руденко.

Надписи ниже:

Вечная память героям.

Через 47 лет я нашел тебя отец. 1989.

С правой стороны от сосуда надпись на плите:

Земля с могилы мамы. Макарово. Подмосковье.

Эта могила нас очень удивила и взволновала. Был солнечный день, но в тени высоких сосен могила была не заметна. Она была обнесена заборчиком. А самое главное – на могильном бугорке лежали свежесрезанные еловые ветки. Позднее мы спрашивали местных жителей и поисковиков о могиле, но те лишь пожимали плечами. Скорее всего,

на могилу приезжал сын Дмитрия Константиновича на майские праздники. Наше предположение подтверждается сообщением местных жителей о приезде в деревню «питерской» машины, но была она недолго буквально часа 4 – 5. Как раз не спеша за это время можно дойти до могилы.) Мы думаем, что сын приезжал на могилу отца за день до нашей находки.

Да, такая находка, да еще в таком лесном массиве! Здесь в период Великой Отечественной войны погибли сотни тысяч немецких и советских солдат. Ясно, что сын нашел своего отца. Прочитав надпись «Через 47 лет я нашел тебя отец», внутри нас что-то перевернулось. Мы – поисковики, открыли для себя еще одно лицо «Поиска». Эта могила еще долго не покидала нашей памяти. Через два месяца наш отряд снова работал в этом районе, ребята еще раз посетили это святое место и почтили память всех погибших за нашу Родину минутой молчания...

Эта история и взволновала меня, и заинтересовала. Первоначально мы все решили, что обнаружили могилу летчика (надпись: «... сбитый самолет под г. Холм» подталкивала нас на это). Я пытался найти информацию о 391-й стрелковой дивизии, но данные о ней оказались очень скудны. Дивизия была сформирована уже после начала Великой Отечественной войны. Однако совсем недавно я нашел информацию, напрямую проливающую свет на эту историю. Статья «Как дивно поют соловьи», опубликованная в альманахе г. Старая Русса «Соборная сторона», отвечала на все наши вопросы.

«...Все это было, и была жизнь – с простыми человеческими чувствами, настоящими и искренними. С довоенной фотографии смотрит красивая пара. Семья Стыркас – одна из многих разлученных навсегда 42-м годом. Рядом со снимком за музейным стеклом – письма, 4-летний сынишка шлет привет папушке на страницах его лекций по высшей математике. И ответ: «Сынуля, молодец, ты научился писать! А вот на фронт ко мне приезжать не надо, потому что громим мы немцев тут – будь здоров. Я узнал из маминого письма, что у тебя болят ушки. Одевайся теплее». Из письма жене: «Удивительные люди встречаются на местах прохождения службы – добрые, щедрые, открытые. И ты знаешь, дорогая, как дивно поют здесь соловьи...» Это было в деревне Кулакове под Старой Руссой: он погиб от прямого попадания мины в блиндаж. Вдова офицера не вышла замуж, храня память о нем и воспитывая сына. Сын математика вырос, стал ученым и поэтом».

В принципе, статья подтвердила наши догадки. Мы ошибались лишь в одном. Младший лейтенант Стыркас – бывший математик, в

годы войны стал артиллеристом-зенитчиком. Этим и объясняется сбитый им самолет под г. Холм.

*...И в том строю есть промежуток малый,
Быть может, это место для меня.*

ВАХТА ПАМЯТИ

Ежедневный рапорт о результатах работы в штаб поисковой экспедиции «Долина» (г. В.Новгород)

Место проведения полевой поисковой экспедиции: Новгородская область Старорусский район дер.Омычкино урочище Надеевка, урочище Сутоки.

Сроки: с 24 апреля по 8 мая 2004 г.

Поисковый отряд (название, регион): Сводный поисковый отряд «Северная звезда»-«Поколение», г.Сыктывкар, Республика Коми.

Количество членов: 18-21 человек.

Итоги работы за 24 апреля.

Место работы – урочище Надеевка.

1. Найдены в этот день останки четырех бойцов РККА.
2. Эксгумированы и вынесены к месту сбора останки двух бойцов РККА.
3. Начата и не закончена эксгумация останков двух бойцов РККА.
4. Обнаружены фрагменты останков в двух местах на отвалах окопов.
5. При погибших обнаружено:
 - медальонов – ноль
 - документов – ноль
 - другие именные вещи (подписанные котелки, ложки, кружки, ножи и т.п.) – ноль
 - стрелковое оружие (пистолеты, винтовки, пулеметы, автоматы, прочее) – фрагменты затвора винтовки образца «Мосина».
 - Фрагменты обмундирования – фрагменты ботинок 44 размера. Немецкие монеты, противогаз, стеклянная фляжка.
 - Другое – гильзы, патроны.
6. Обнаружено взрывоопасных предметов – 12.
 - Из них: минометных мин – 3, гранат Ф1 – 3, гранаты РГД – 4.
 - Из них уничтожено – ноль. Передано саперам.
7. Количество работавших в поиске (на раскопках) – 15 чел., в лагере оставалось 2 чел. (дежурные), выезжали в г.Старая Русса – 1 чел.

Итоги работы за 25 апреля.

1. Найдены в этот день останки одного бойца РККА, до конца рабочего дня эксгумация не закончена.
2. Закончена эксгумация двух бойцов РККА, начатая в предыдущий день.
3. Найдены фрагменты останков двух бойцов РККА.
4. Останки двух бойцов, а также найденные фрагменты останков вынесены к месту сбора.
5. При погибших медальонов, документов, других именных вещей, а также стрелкового оружия не обнаружено.
Личные вещи – две каски, кружка.
6. Обнаружено взрывоопасных предметов – 6.
Из них: минометных мин – 2, гранат Ф1 – 2, гранаты РГД – 2.
Из них уничтожено – ноль. Передано саперам.
7. Количество работавших в поиске (на раскопах) – 15 чел., в лагере оставалось 2 чел. (дежурные), выезжали в г. Старая Русса – 1 чел.

Итоги работы отряда за 26 апреля.

1. Обнаружены останки двух бойцов РККА.
2. Закончена эксгумация останков бойца, найденного в предыдущий день. Останки вынесены к месту сбора.
3. Начата и незакончена эксгумация останков двух бойцов.
4. Найдены останки одного бойца Вермахта.
5. При погибших обнаружено:
медальонов – ноль,
документов – ноль,
другие именные вещи – ноль,
стрелковое оружие – фрагменты затвора винтовки образца «Мосина».
Фрагменты обмундирования – противогаз, каска русская, обрывки телефонного кабеля, капсула от немецкой ракетницы и др.
Другое – гильзы, патроны.
6. Обнаружено взрывоопасных предметов – 3.
Из них: минометных мин – 1, гранат Ф1 – 2.
Из них уничтожено – ноль. Передано саперам.
8. Количество работавших в поиске – 13 чел., в лагере оставалось 3 чел. (из них: дежурные – 2 чел., заболевшие – 1 чел.), выезжали в г. Старая Русса – 2 чел.

Итоги работы отряда за 27 апреля.

- Место работ – урочище Надеевка, местечко Сутоки.
1. Найдены фрагменты останков двух бойцов РККА.

2. Продолжена эксгумация, начатая в предыдущий день останков двух бойцов – одного бойца РККА и одного бойца Вермахта.
3. На раскопах остались не вынесенными к месту сбора поднятые останки бойцов РККА и Вермахта, а также найденные отдельные фрагменты останков двух бойцов.
4. При погибших обнаружено:
 медальонов – ноль,
 документов – ноль,
 другие именные вещи – ноль,
 стрелковое оружие – ноль,
 холодное оружие – штык четырехгранный от винтовки образца «Мосина».
 Фрагменты обмундирования – ботинки, фрагменты свитера, кружка, ложка.
 Другое – гильзы, патроны.
5. Обнаружено взрывоопасных предметов – 6.
 Из них: минометных мин – 1, ПОМЗ – 1, Мина-лгушка – 1, гранат Ф1 – 1, гранаты РГД – 2, ручная противотанковая граната – 1.
 Из них уничтожено – ноль. Передано саперам.
6. Количество работавших в поиске (на раскопах) – 19 чел., из них: в урочище Надеевка – 16 чел., в местечке Сутоки – 3 чел. В лагере оставалось 2 чел. (дежурные).

Итоги работы отряда за 28 апреля.

Место работ – урочище Надеевка, местечко Сутоки.

1. Найдены фрагменты останков четырех бойцов РККА в местечке Сутоки. Эксгумация закончена.
2. Закончена эксгумация останков одного бойца РККА, начатая в предыдущий день в урочище Надеевка.
3. Вынесены к месту сбора останки трех бойцов – (двух бойцов РККА и одного бойца Вермахта, оставленные в предыдущий день на раскопах), а также найденные фрагменты останков четырех человек.
4. При погибших медальонов, документов, других именных вещей, стрелкового оружия не обнаружено.
5. Обнаружено холодное оружие – штык четырехгранный от винтовки образца системы «Мосина».
6. Фрагменты обмундирования – фрагменты шинели, ремня, ботинок, кружка, ложка, кисет.
7. Обнаружено взрывоопасных предметов – 4.

Из них: минометных мин – 3, ПОМЗ – 1, 45-мм артиллерийский снаряд – 1.

Из них уничтожено – ноль. Передано саперам.

11. Количество работавших в поиске – 19 чел., из них: в урочище Надеевка – 14 чел., в местечке Сутоки – 3 чел. В лагере оставалось 3 чел. (из них: дежурные – 2 чел., заболевшие – 1 чел.).

Итоги работы отряда за 29 апреля.

Место работ – урочище Надеевка, местечко Сутоки, Новорамушево.

1. Найдены в этот день останки одного бойца РККА, фрагменты останков двух человек.
2. Вынесены к месту сбора останки одного бойца РККА, фрагменты останков двух человек.
3. При погибших медальонов, документов, других именных вещей, стрелкового оружия не обнаружено.
4. Обнаружено холодное оружие – штык четырехгранный.
5. Фрагменты обмундирования – ботинки, противогаз, пуговицы, кружка, ложка.
6. Обнаружено взрывоопасных предметов – 7.
Из них: минометных мин – 3, ПОМЗ – 1, Мина-лгушка – 1, гранат Ф1 – 1, гранаты РГД – 1, ручная противотанковая граната – 1.
Из них уничтожено – ноль. Передано саперам.
8. Количество работавших в поиске – 19 чел., из них: в урочище Надеевка – 11 чел., в местечке Сутоки – 3 чел., в Новорамушево – 3 чел. В лагере оставалось 4 чел. (из них: дежурные – 2 чел., заболевшие – 2 чел.).

Итоги работы отряда за 30 апреля.

Место работ – урочище Надеевка, местечко Сутоки.

1. Найдены фрагменты останков пяти бойца РККА (из них в местечке Сутоки – троих, в урочище Надеевка – двоих).
2. Эксгумация останков начата, но не закончена.
3. При погибших медальонов, документов, других именных вещей, стрелкового оружия не обнаружено.
4. Обнаружены фрагменты обмундирования – кожаный кошелек, ложка с нацарапанными буквами «МИ».
5. Обнаружено взрывоопасных предметов – 6.
Из них: минометных мин – 2, гранаты Ф1 – 1, ПОМЗ – 3.
Из них уничтожено – ноль. Передано саперам.

6. Количество работавших в поиске – 16 чел., из них: в урочище Надеевка – 12 чел., в местечке Сутоки – 4 чел. В лагере оставалось 3 чел. (из них: дежурные – 2 чел., заболевшие – 1 чел.), выезжали в город – 1 чел.

Итоги работы отряда за 1 мая.

Место работ – урочище Надеевка, местечко Сутоки.

1. Найдены в этот день останки шестерых бойцов.
2. Эксгумированы в этот день фрагменты останков четырех бойцов РККА в местечке Сутоки.
3. Не закончена в этот день эксгумация одного бойца РККА.
4. Закончена эксгумация останков пяти бойцов, начатая в предыдущий день.
5. Вынесены к месту сбора останки пяти бойцов РККА, а также найденные фрагменты останков пяти человек.
6. При погибших медальонов, документов, других именных вещей, стрелкового оружия не обнаружено.
7. Обнаружены фрагменты обмундирования – каски русские, фрагменты шинели, ремня, ботинки, бляхи, фрагменты ремня, кружки, ложки, кисет.
8. Обнаружено взрывоопасных предметов – 10.
Из них: минометных мин – 3, гранаты Ф1 – 5, гранаты РГД – 2.
Из них уничтожено – ноль. Передано саперам.
9. Количество работавших в поиске – 18 чел., из них: в урочище Надеевка – 4 чел., в местечке Сутоки – 14 чел. В лагере оставалось 3 чел. (из них: дежурные – 2 чел., заболевшие – 1 чел.).

Итоги работы отряда за 2 мая.

Место работ – местечко Сутоки.

1. Найдены в этот день останки двух бойцов РККА.
2. Закончена эксгумация бойца, найденного в предыдущий день.
3. Не закончена эксгумация останков одного бойца РККА.
4. Вынесены к месту сбора останки двух бойцов РККА.
5. При погибших медальонов, документов, других именных вещей не обнаружено.
6. Обнаружено стрелковое оружие – две винтовки образца системы «Мосина».
7. Обнаружены фрагменты обмундирования и личные вещи – кружка, ложка, подсумки, ремень, ботинки 42, 44 размера, монеты советские достоинством 5 и 20 копеек.

8. Обнаружено взрывоопасных предметов – ноль.
9. Количество работавших в поиске (на раскопах) – 7 чел., в лагере оставалось 14 чел. День объявлен как «Свободный выход в лес».

Итоги работы отряда за 3 мая.

Место работ – местечко Сутоки.

1. Найдены в этот день и эксгумированы останки одного бойца РККА.
2. Найдены в этот день фрагменты останков двух бойцов.
3. Закончена эксгумация останков одного бойца, начатая в предыдущий день.
4. Вынесены к месту сбора останки двух бойцов РККА, а также найденные фрагменты останков двух человек.
5. При погибших медальонов, документов, других именных вещей, стрелкового оружия не обнаружено.
6. Обнаружены фрагменты обмундирования, личные вещи (фляжка стеклянная), гильзы.
7. Обнаружено взрывоопасных предметов – 2.
Из них: гранаты РГД – 2.
Из них уничтожено – ноль. Передано саперам.
8. Количество работавших в поиске – 19 чел. В лагере оставалось 2 чел. (дежурные).

Итоги работы отряда за 4 мая.

Место работ – местечко Сутоки.

1. Найдены в этот день останки девяти бойцов РККА.
2. Закончена эксгумация шести бойцов РККА.
3. Вынесены к месту сбора останки шести бойцов РККА.
4. Начата и до конца дня не закончена эксгумация трех бойцов РККА.
5. При погибших медальонов, документов, других именных вещей, стрелкового оружия не обнаружено.
6. Обнаружены личные вещи – советские монеты, бритва, мундштук, каски, ботинки и др.
7. Обнаружено взрывоопасных предметов – 3.
Из них: фугасная граната – 2, гранаты Ф1 – 1.
Из них уничтожено – ноль. Передано саперам.
8. Количество работавших в поиске (на раскопах) – 19 чел. В лагере оставалось 2 чел. (дежурные).

Итоги работы отряда за 5 мая.

Место работ – местечко Сутоки.

1. Найдены останки восьми бойцов РККА.
2. Начата и закончена эксгумация пятерых бойцов РККА, найденных в этот день.
3. Закончена эксгумация трех бойцов РККА, начатая в предыдущий день.
4. Не закончена эксгумация останков трех бойцов, найденных в этот день.
5. Вынесены к месту сбора останки восьми бойцов РККА.
6. При погибших обнаружено:
 - медальонов – два, из них прочитано – два.
 - Других документов, именных вещей (подписанные котелки, ложки, кружки, ножи и т.п.) не обнаружено.
7. Обнаружено стрелковое оружие – винтовка образца системы «Мосина».
8. Обнаружены фрагменты обмундирования – фрагменты ботинок, три ложки, три ножа, пуговицы, монеты, мундштук, зеркало, точильный брусок. Другое – гильзы, патроны.
7. Обнаружено взрывоопасных предметов – 2.
 - Из них: гранаты РГД – 2.
 - Из них уничтожено – ноль. Передано саперам.
8. Количество работавших в поиске – 17 чел. В лагере оставалось 2 чел. (дежурные).

Итоги работы отряда за 6 мая.

Место работ – местечко Сутоки.

1. Продолжена эксгумация останков трех бойцов РККА, начатая в предыдущий день.
2. Вынесены к месту сбора останки двух бойцов РККА, фрагменты останков одного человека.
3. При погибших обнаружено:
 - медальонов – один, из них прочитано – ноль, передано на экспертизу – один.
4. Документов, других именных вещей, стрелкового оружия не обнаружено.
5. Обнаружены личные вещи – ложка, подсумок, нож, пуговицы.
6. Обнаружено взрывоопасных предметов – 1.
 - Из них: граната РГД – 1.
 - Из них уничтожено – ноль. Передано саперам.
7. Количество работавших в поиске (на раскопах) – 17 чел. В лагере оставалось 2 чел. (дежурные).

Итого, за время полевых работ:

1. Организаторам экспедиции переданы для захоронения останки 33 бойцов РККА, 1 бойца Вермахта.
2. Сдано в штаб экспедиции 3 медальона.
3. Передано для уничтожения 62 взрывоопасных предмета.
4. По акту передано представителям МВД 3 винтовки образца системы «Мосина».

7 мая – выезд отряда.

8 мая – торжественное захоронение в г.Старая Русса.

Командир отряда (группы)

С.А.Вилежанинов

Дата заполнения: 8 мая 2004 г.

Ольга Ивашина

«ПРАВДА О БУДНЯХ» «СЕВЕРНОЙ ЗВЕЗДЫ»

Среди поисковиков «Северной звезды» в большей части студенты вузов Сыктывкара. Среди них самые обычные ребята, различные по социальному происхождению, воспитанию. На Вахтах памяти, на раскопах они выполняют достойную работу, которая заставляет их задумываться о смысле жизни, об обыкновенных житейских ценностях. Им присущи шутки и юмор. Но допускают они их только по отношению друг другу и только на привалах, у костра.

Дневники экспедиций хранят «правду о буднях» поисковиков. Они пишутся в каждую экспедицию. Представляем вниманию читателя один из них – дневник сводного отряда «Северная звезда» КФ КГМА и отряда «Поколение» КГПИ, написанный во время третьей поисковой экспедиции в апреле-мае 2004 г. в Новгородскую область Старорусский район.

За два года работы в отряде сложились свои приметы, утвердились лидеры. Действующие лица в дневнике описаны так, как поисковики отряда обращаются к друзьям в обыденности, по принятой всеми традиции обозначения друг друга безобидными прозвищами, «позывными». Однако «позывные» есть не у всех, так получается, что меж собой ребята кого-то без обращения по «позывному» уже и представить не могут, а к кому-то клички, пусть они и добрые, но совсем «не пристают». Представляем расшифровки наиболее часто встречающихся по тексту имен:

1. «Командир», «Сержант», «Сережка», «Сережа», «Сергей Александрович» – командир отряда «Северная звезда» Сергей Вилежанинов.
 2. «Комендант» – ответственный в отряде за снаряжение Александр Александров.
 3. «Майор» – родоначальник отряда «Северная звезда», тогда еще майор, а ныне подполковник Алексей Юрьевич Логинов, преподаватель военной кафедры КФ КГМА.
 4. «Алкер» – командир отряда «Поколение» Александр Андреев.
 5. «Еж» – студентка Александра Момина.
- Этот дневник писался двумя авторами – Олей Ивашиной и Леной Боле. В квадратных скобках даны указания авторства, пояснения. В круглых же скобках – примечания и эмоции.

18 апреля [от Оли]

Реальность весенней Вахты появилась только сегодня – только сегодня мы почувствовали, что скоро-скоро отправимся в ставшие для некоторых уже почти родными места. А сегодня у нас «Клятва бойца поискового отряда» [мероприятие проходит в зале Боевой славы Национального музея Республики Коми для вступивших в поисковый отряд]. Все, с одной стороны, торжественно, а, с другой, очень трогательно и доверительно: получился разговор с друзьями. После «Клятвы» все роднее, что ли стали. Новичкам очень идет форма, девочки такие милые, мальчишки серьезные. Волнуются, боятся ошибиться. Это правильно: все-таки такое случается редко, тем более, здесь и друзья, и ветераны, гости. (Командир настоял, чтобы присутствовали ветераны войны – ребятам ответственности больше).

Андрюша Соловьев сегодня очень серьезен – у него важная миссия: держит знамя. Даже охрана у Мавзолея с ним не сравнится. А у Сережки дрожит голос. Волнуется наш командир. Интересно, о чем все думают сейчас, слушая слова клятвы?

19 апреля [от Оли]

До Вахты – считанные дни. Точнее с сегодняшним днем – всего два. Хочется, чтобы они скорее прошли. Но с другой стороны, нужно еще немного времени, чтобы подождать денег от благотворителей. Ничего, командир, как всегда, пытается «разрулить» ситуацию – решить все проблемы.

20 апреля [от Оли]

Собираемся. Завтра основной состав отряда уезжает. Вечером в нашей маленькой комнатке в центре [Центр патриотического воспитания детей и молодежи г.Сыктывкара] не протолкнуться: отъезжающие, провожающие. Все стараются внести свою лепту. Из-за всеобщей активности по три раза пришлось перекладывать некоторые хозяйственные рюкзаки – то угол ящика оказывался на спине, то ручка кастрюли. Без внимательного и бдительного взора Коменданта не обошлось. Главное, чтобы они все нашли, когда приедут на место. Ну, кажется, все собрали. Завтра утром встреча на вокзале, поезд – в 7.10.

21 апреля [от Оли]

Как всегда удивил Майор – взял с собой лодку. На вопрос – «Зачем?» – резонно ответил – «Чтобы плавать». Народ интересуется: «А батискаф он с собой не прихватил?». К отправлению никто не опоздал – что очень порадовало. Немного припозднился Комендант (это в его традиции, см. «Дневник первой Вахты памяти. Апрель-май 2003 г.»), но он, слава Богу, пока никуда не уезжал. Провожающих очень много, пришел даже Родион Юрьевич, (хотя почему даже, он ведь председатель Совета Объединения, ему сам Бог велел прийти). Волнуется за нас.

В сводном отряде – студенты п.о. «Поколение» и «Северная звезда», всего 21 человек.

Только вот примета на этот раз, похоже, подвела: снег не идет, хотя на улице очень холодно. Перед посадкой в поезд – «раздача слонов»: Ежик подготовила для всех «старичков», которые едут на эту Вахту, сюрприз – купила носочки, вышила на них имена и позывные, подарила, чтобы в поезде по ногам было видно кто где. У Оли Шмидт – свой подарок – конфеты. Часто, говорит, вспоминает, как во время первой Вахты мы ели конфеты на Ленинградском вокзале. Романтика: Москва, вокзал, где идут ремонтные работы, куча рюкзаков на полу и несколько дежурных, которые в ожидании остальных ели карамельки. Тогда мы еще не знали, что эта первая поездка будет иметь в нашей жизни такое значение... В суматохе Ольгин пакет с конфетами где-то потерялся, одно точно – он потом найдется, приметы известны.

Поезд почему-то долго не отправлялся или нам казалось, что долго. Уже давно все сели в вагон, уже вышли провожающие, даже у семафора загорелся зеленый глаз. Я предложила отъезжающим взять в руки весла и помогать поезду. Еще мгновение.... И поезд поплыл, поплыли лица ребят. Все, поехали. Ежик бежала за поездом, она, до последнего, надеялась, что тоже сможет поехать. Но, увы.

Сложнее всего было провожающим, кто-то даже плакал, кажется, Мося. Немного легче было Коменданту, Алкеру и мне – до нашего отъезда всего три дня.

В тот же день [от Лены]

Отряд едет в Москву. Полдня все спали. Но это нормально и традиционно. Как правило, в ночь перед отъездом, как и в ночь перед экзаменом, поспать удастся не всем и не всегда. Командир вообще не ложился, Наташа Цельмер спала всего полчаса, я больше – почти час. Повезло Маше Володиной: она вечером попила пива и выспалась хорошо!

– Что написать в дневник?

Н.Цельмер: Не пиши пока ничего. Просто выехали.

Ж.Половинко: Еще так мало времени прошло.

С.Вилежанинов: Мнение в сравнении – первый день лучше, чем первый день второй Вахты. Но хуже, чем первый день первой. «Колбасит» от мысли, что скоро встретимся с Кировом [п.о. «Фронт» из г.Кирова], хочется скорее в Старую Руссу.

Еще командир просит отметить (хотя это в дневнике уже есть, но по настоятельной просьбе командира повторим), что в первый раз рано утром на перрон пришла такая огромная толпа провожающих. А Ежик бежала за поездом – интересно, зачем, ведь всем известно, что она противотанковый, а вот противолокомотивный ли?

Т.Андреева: Еду в первый раз. Нет слов. Ничего еще не знаю, что будет впереди?

Н.Пяткова: Я в ожидании чего-то нового. Ежика хочу увидеть и зайца, и их домики.

А.Коснырев: У нас новый позывной – «Мелкая», в жизни ее зовут Света Парначева.

Потом все играли в «Мафию».

22 апреля [от Лены]

Прибыв в Москву на Ленинградский вокзал, мы обнаружили, что там, где в прошлом году мы устраивали «лагерь», сейчас – красивые витрины, много магазинов. Поэтому расположиться мы решили у памятника Ленину. У подножия – живые цветы. Вспомнили, что сегодня день рождения вождя революции и мирового пролетариата.

Как и всегда, часть ребят поехала посмотреть Москву. Таня Андреева впервые видела негра на очень близком расстоянии. Традиционные были и ее эмоции по поводу увиденного. Всякий раз, кто бывает в Москве

впервые, испытывают похожие эмоции по отношению к людям черной расы. В общем, ничего нового для нас, мы это уже слышали.

В 12.30 проводили Ванечку Коробова, Сережку Глабая и Фаю во главе с Алексеем Юрьевичем на поезд. Они выехали в Старую Руссу пораньше. Будут ехать на электричках, бедолаги. Остальные, оставшиеся сидеть практически на полу Ленинградского вокзала, уедем отсюда в 19.55. А вокруг сквозняки...

Купить тазик, пленку и умывальник в Москве не удалось...

В 19.55 сели в поезд. Ехали на боковушках, в вагоне – духотища, а еще с нами ехала группа школьников. Впрочем, это уже когда-то было, даже уже определенная традиция сложилась. Хорошо, что на этот раз никто из детей ничем не поранился, а то, как в прошлый раз, пришлось бы оказывать медпомощь. [В первую Вахту кто-то из школьников стеклом порезал руку, Саша Александров оказал первую помощь].

23 апреля [от Лены]

4 часа 23 минуты. Утро.

Мы приехали на Старорусский вокзал. Здесь изменения. Здание выкрасили в ярко-голубой цвет.

На перроне начальник штаба отряда – майор Логинов по собственной инициативе построил отряд в две шеренги и сказал: «Фронт начинается здесь!». Потом отпартовал командиру, что отряд построен.

Сережка сказал, что мы приехали не отдыхать, а работать... Хорошо сказал, одним словом, по-доброму, мягко, тактично. Он у нас по-другому и не умеет. И за это мы его любим (это только в частности, так как у него есть много и других достоинств). А потом слово взял замком [заместитель командира] и тоже решил высказаться: «Есть три командира (ого-го): командир, замкомандира и начальник штаба. Они отдают приказы. Остальным приказы не обсуждать, а выполнять» (жаль, Ежа дома оставили, Еж у нас - боец без портфеля).

Короче, опять же все традиционно, все в своем репертуаре. А потом все трое [командиры] куда-то направились, никому ничего не сказав. И никому из них не пришло в голову дать распоряжения отряду, что же всем остальным делать дальше. Только отойдя метров десять, замком небрежно крикнул: «Да, кто замерз, может зайти на вокзал погреться. И распределитесь там сами, кто останется вещи сторожить» - вот такие у нас командиры (а шо делать...).

В начале седьмого утра приехал встречать нас Леша Борисов. Теперь он командир старорусского отряда «Память» и соответственно возглавляет экспедицию в районе.

Штаб в эту Вахту стоит в Новорамушево. Но так как там еще около 250 человек, то нам предложили встать на старом месте в Омычкино к Кутергину [Алексей Кутергин – командир п.о. «Фронт»].

Так и сделали, нас оставили на «зачистке местности» [работать на участке, где не один год работали поисковики, но продолжить очищать его квадрат за квадратом от взрывчатки и боеприпасов, поднимать останки людей, которые находятся на этих участках]. Когда Леша Кутергин вышел из палатки, он, похоже, был не очень доволен видеть нас, потому что мечтал стоять одним лагерем. Но ничего. Места вокруг много. Хотя мы разбили лагерь совсем рядышком. Все пообнимались, поцеловались. Леша подобрел.

Лагерь ставили не очень долго. Натянули арендованный из «РОСТО» парашют, под него поставили палатки, правда, не все: Машин и Лешин «дома» не влезли. Сделали умывальник, туалет. Сережа Глабай с Ванькой Коробовым – полочки для посуды. Только не подняли флаги и не сделали навес над костром (ничего, к отъезду сделаем).

В остальном – все замечательно, погода дивная (тьфу-тьфу, чтобы всегда такая была). Солнце светит. Кругом все зеленеет на глазах. У всех носы загорели, скоро шелушиться начнут.

24 апреля [от Лены]

Первый день на раскопе.

Подъем в 7.00. Дежурят Коснырев А. со Светой. Сварили гречку с жареным луком на завтрак. Было вкусно, но всем не хватило, так как сварили всего полведра, еще не научились рассчитывать пропорции на такую армию едоков. Собрались, пошли на раскоп. К счастью, ожидания большой воды по весне не оправдались. Дорога довольно сносная, пройти можно и без бродней, хотя не очень быстро, конечно.

Урочище Надеевка в 6-8 км от лагеря. Работали там же, где и в августе прошлого года. В течение дня подняли 2-х бойцов, еще 2-х найденных начали, но не закончили, судя по раскиданности останков здесь были «черные» [черные копатели]. Командир сказал, что завтра будем проверять после них отвалы раскопов. Два бойца в первый день работы – это наш рекорд. В предыдущие Вахты в первый день находили и поднимали по одному.

Сегодня мы нашли много экспонатов для нашего будущего музея. Например, немецкие монеты, противогаз, стеклянную фляжку и др.

Вернувшись с работы, мальчики заказали местным жителям баню. Тоже рекорд! В первый день работы в поле баню еще не устраивали

никогда. Хотя всем помыться не удалось: баня по-черному и маленькая, быстро остыла. Остальные помоются завтра.

Все замечательно. Только вот одно огорчает: уже 22.00, а в лагере до сих пор нет начальника штаба, который устроил для себя выходной (похоже, по полной программе). Как мы поняли, он уехал в Старую Руссу.

Кажется, на сегодня все. Народ собирается у костра с гитарой, а я, пишущая этот дневник, ложусь спать, так как уже темно, я пишу почти на ощупь да и выспаться очень хочется, чего после защиты диссера до сих пор сделать как-то не получалось, разве что только в поезде. До свидания. Спокойной ночи!

Да уж! Конечно! Поспать не удалось. Меня «вытащили» из палатки. Оказалось, что мы не провели традиционное – опять же ш – вручение «птичек» [традиция вручения нашивок ребятам, которые первыми в экспедиции обнаружат останки бойцов]. Надо присутствовать всем. Сергей Александрович путем сдирания «птичек» с формы «старичков» сыктывкарского поиска (в суматохе забыли купить новые) отметил заслуги новичков. Отличились девчонки: Настя и Люда. Молодцы!!! Впрочем, «старички» тоже не подкачали: Ваня и Фая.

После вручения к костру в гости приходил Леша Кутергин, даже песню спеть пытался (раньше такого за ним не замечалось?): сначала долго настраивал гитару, потом перешел к словесной подготовке: (пишу по ролям, как в настоящей драме – иначе не назовешь)

Леша: Кто будет смеяться – убью! (Шекспир «Отелло»)

Народ притих, приготовился слушать (Пушкин «Борис Годунов»)

Леша: Док, у тебя есть на гитаре такой-то аккорд?

Все ждут.

Леша: Сержант, а ты помнишь, как песня начинается?

Все с нетерпением ждут.

Потом еще несколько вопросов – по существу и не, потом грянула песня (и как-то вдруг быстро закончилась).

А в это время в Сыктывкаре... [от Оли]

Ура!!! Она все-таки сработала, эта примета – снег все-таки пошел!!! Конечно, немного огорчало, что на улице очень холодно, но ведь это наша примета! Значит, у нас все получится!

Провожających сегодня не много – и это хорошо, меньше будет слез. На перроне, как всегда – верный Еж и Элина. Мося /Элина/ передала для Сержанта письмецо – ко дню рождения, я клятвенно обещала передать его именно 28 апреля. При посадке у меня спросила проводница:

«У вас группа? Дети?» «Дети» (Комендант и Алкер) за спиной радостно заулыбались. Проводница заметила: «Хорошие дети». Потом та же проводница отругала Коменданта, который получил от меня задание, отправился мыть огурцы к крану с питьевой водой (прости, Саша). Как всегда, спокойно наш Комендант заметил: «Раньше я только догадывался, что там ничего мыть нельзя, а теперь я это точно знаю». Я нашла товарища по любви к сладкому – конфеты мы едим вместе с Алкером. День прошел спокойно, мы все больше спали. Только после 10-ти вечера выпили бутылку портвейна на троих (мужская часть группы, наконец, дождалась этого счастливого момента). Позднее окажется, что они и пиво не пили потому, что боялись моего строгого взгляда (хм, это надо использовать в воспитательных целях). Спать легли рано – завтра всех ждет сложный день.

25 апреля [от Лены]

День как день. С утра встали, умылись, вышли на работу. Сергей с Витей из Кирова ходили на разведку ближе к Сутокам, а отряд работал на Надеевке.

Майор приехал утром (совсем неудивительно), а вечером он с Лешей на лодке (ура, все-таки пригодилась!!! Не зря везли) поставили сети (у них еще и сети были? Однако!). Мальчики заготовили дрова. Нам в эту Вахту очень повезло – нет проблем с дровами, потому что есть бензопила (прости меня, командир). Спасибо спонсорам, точнее Сережиному папе. У нас теперь все как в хорошем хозяйстве – одни пилят, другие колют, третьи складывают в поленицу – красота. По сравнению с летней Вахтой в лагере – чистота (что-то уже стихи), порядок. Уютно. Посуда на земле не валяется, вокруг костра много сидячих мест.

Девочки ходили в баню. Она не очень хорошая, но когда ничего другого нет, потерпеть и помыться можно.

Вечером банный день был и у первых музейных экспонатов – их мыли в реке. Заполнили списки инструктажей для «Долины».

Уже можно говорить, что коллектив сводного из «Северной звезды» и «Поколения» сложился. Все хорошо относятся друг к другу. Особенно приятно, что дежурят все отлично, готовят вкусно. Все супер, мы срослись.

А в это время в Москве... [от Оли]

День начался рано. Алкер и я проснулись рано – еще не было семи. Точнее проснулся Алкер и меня разбудил – чтобы не скучно было (интересно, почему он не будил Коменданта? Сама ответ знаю – потому что

бесполезно). В Москве довели вещи до моей тети и разделились на две группы – у всех свои дела. Порадовала Наташняк: позвонила, сообщила, что стоим рядом, что наши подняли двух бойцов, что воды – море и что все нас уже ждут. Это приятно. Интересно, а лодкой уже пользовались. Если на ней не плавать, то можно использовать как матрас – как идея?

Отряд чуть не пополнился еще одним бойцом – большим улыбчивым и прожорливым. С нами решила отправиться собака моей тети. И почти поехала, но ее дальше порога не пустили – может, нам самим есть нечего будет. Кстати, а, может, и нет, в очередной раз звонил Гектор (он делал это несколько раз, когда мы ехали в поезде). Он не пришел нас провожать – проспал и теперь очень нам завидовал и хотел к нам. Может, придет? (С него станется, он и «стопом» сможет).

Ленинградский вокзал преобразился (это, наверное, заметила и наша первая – большая часть отряда): вместо железных заборов – витрины магазинов, светящиеся вывески. Даже негде бросить рюкзаки. Ничего, устроимся около памятника Ленину, рядом со школьниками – они тоже куда-то едут.

Как сели в поезд, как ехали никто уже не помнит – так хотелось скорее приехать, скорее встретиться в ребятами, с лесом, с поиском. Спешу поезд, спешу...

26 апреля [от Лены]

Сегодня рано утром, с того же поезда, что и мы (он тут единственный, потому и с отъездом бывают проблемы) приехало пополнение – долгожданные Комендант, Оля и Алкер. Днем они уже вышли в лес, в поиск. А еще привезли письмо от Элины, которое было в виде медальона, и которое Сержант читал вслух.

Сережа и я ездили в Старую Руссу. Был инструктаж всех командиров и прочие хозяйственные вопросы решались. В военкомате оставили запрос, который нам поручили выполнить во время «Клятвы», ответить обещали в течение двух дней. В Руссе закупили еще продуктов – все ждем дня рождения Сережки. Это будет послезавтра, ура!!!

Третий день находился в «увольнительной» товарищ Майор.

Еще одно важное событие – к нам в гости приезжали саперы. Наш друг Саша Фролов! Обещали приехать на день рождения к Сереже. Ура!

Ура еще раз. Сегодня у нас подняли флаги. И сразу всем стало как-то веселее. Новеньким очень нравится, что есть флаги. А еще в Руссе звонили Родиону Юрьевичу. Он беспокоится, как мы здесь устроились, как погода, не мерзнем ли. Я сказала, что все хорошо, погода теплая,

больных нет. Он спросил: «Как взаимоотношения в коллективе?». Я ответила: «Климат хороший». Он передал всем привет.

Короче, опять же ш все хорошо. И дай Бог так будет всегда!!!

[на этом Лена завершила свои записи, далее у дневника будет один автор]

А в Старой Руссе...

Приятно, что нас встретили. Вместе с отрядом из Магнитогорска нас «погрузили» в Урал (кажется, так называется большая машина, которая доставила нас до места). Ехали долго: ждали каких-то попутчиков, кого-то подвозили. В лагерь мы прибыли рано – все еще спали, кроме дежурных (Тани и Насти). Приятно обнаружили, что Наташка не обманула: два – наш и Кировский – лагеря рядом. Потому встреча должна быть вдвойне радостной. Хотели запечатлеть сей момент на камеру, но... опять «косяк» – сел аккумулятор. Но прелесть свою встреча не потеряла.

Вновь прибывшим командир разрешил в лес не ходить, но я решила время не терять и идти сразу, мальчики пришли позже, ближе к ужину, но в лагере успели переделать кучу (не Кутергина) дел. Главное, наконец, подняли флаги.

Работаем на окопах. «Поколение» – молодцы, новички, а терпят и холодную воду по утрам, и долгие переходы. Ничего, закалятся. У меня сегодня – гильзовый день, попадают одни гильзы. У Джонни, кажется, немец. Она нашла даже останки свитера, но скелет не весь, только несколько костей. У Фаи тоже только несколько костей, но она еще не закончила раскоп, завтра продолжит работу здесь.

Вечером порадовали дежурные – на ужин был вкусный борщ. Спать легли, как всегда, поздно. Долго пели песни, ходили в гости к Кирову, люди перемещались от одного костра к другому. Здорово!

27 апреля

Сегодня первого бойца в этой Вахте нашла я. Он верховой, я нашла фрагмент черепа и челюсти, сохранность хорошая. Правда, на этом находки закончились, мы с Машей расширяли раскоп, но больше ничего не нашли. Рядом проходил добрый Кутергин и посоветовал перекопать вон ту воронку и вон тот раскоп, и углубиться метра на три, и расширяться на пару километров. Тут же рассказал душещипательную историю, как они копали-копали, выкопали яму глубиной метра четыре, но ничего не обнаружили. Мы решили оставить совет Леши без внимания, тем более наш командир, проверив все вокруг щупом, дал нам команду искать в другом месте, что мы и сделали.

Дежурили Лена и Сережа Глабай. Выявилось, что у Сережки не все в порядке с давлением. Он немного поколол дрова, и у него пошла кровь из носа. Долго не могли ее остановить, и Лене пришлось везти его к фельдшеру. Давление было высокое – 160/120. Из-за этого он не смог принять участия в «Посвящении в поисковики», которое устроила Тезка [Женя Коромыслова из п.о. «Фронт»]. Она незаменимый организатор этого мероприятия, но завтра уезжает. Поэтому до ее отъезда мы решили провести «Посвящение» раньше обычных сроков. Испытания были серьезные – новички и гранаты метали, и по болоту пробирались, и по звуку определяли, что нащупали щупом. Главное же, надо было отбиваться от «зондеров». Эти вредители (с последней Вахты их стало больше, плодятся, понимаешь, климат что ли такой?) наших забрасывали навозом, валяли в грязи, кого-то из кировчан утопили в болоте (настоящем). Не повезло и с погодой: накрапывал дождик и было холодно. Молодежь держалась мужественно, трудности преодолевали бодро. Наши «накосячили» только с консервной банкой: нашли где-то нож и им открыли банку кильки, а надо-то щупом. Командиры лютовали, заставили мальчишек отжиматься, а девочек приседать. Но наши все-таки обогнали кировчан по времени. Потом – опять же по традиции – клятва бойцов и бойщиц и лобызание-целование щупа и каски. Выглядели все уморительно – чумазые, мокрые, килькой перемазанные, встают на колени – серьезно и строго. Играли в веселую игру – «Хочешь найти медальон?» – собрали остатки воды с земли, весь дождь был в этот вечер на наших новичках. Все посвящение провели за полтора часа, если верить Коменданту. Только бы никто не заболел...

28 апреля

Этот безумный, безумный, безумный день...

Дежури́м мы с Машей (лучше бы кто-то другой). Утром обнаружилось, что идет дождь, что спички остались в нашей палатке, а она занята. Пришлось ползти по спящим людям, шебуршать и искать спички. Вчерашнее посвящение дало о себе знать – девочки покашливали, даже температура у некоторых поднялась. Потому утро началось поздно, завтрак затянулся почти до 12. Но всех порадовали глазированные сырки на завтрак – в честь дня рождения командира (оказывается Сережа с Леной привозили еще с Руссы и запрятали «до лучших времен»). А в лесу на раскопе Сережа угощал отряд зефиром (он тоже был «занятый») – девочки вспоминали и рассказывали об этом очень восторженно.

Еще с утра, когда отряд ушел в лес, приехали саперы (а законов гостеприимства никто не отменял). Угломился лагерь лишь после 13-ти, но наш лагерь. Зато оживился соседний кировский – начались проводы – сегодня уезжают Тезка и Витя. Народ долго прощался. Мы пошли провожать кировчан до Коровитчино. В автобусе Тезка плакала – так ей не хотелось уезжать. Даже карамельки не подняли ей настроения. После их отъезда стало грустно и не сладко нам. Зефир в шоколаде немного поправил положение дел. Да острый язычок Васи не давал совсем загрустить. По дороге стали считать дни до окончания Вахты.

В лагере скуку как ветром сдуло: началась подготовка к торжественному ужину. В меню сегодня – суп из крапивы и плов. За первый отвечаю я, за второй – естественно Майор – это его фирменное блюдо. Лена зафиксировала еще одну традицию, появившуюся в нашем отряде: «Если майор приготовил плов, значит, Вахта удалась» (с чем все безоговорочно согласились). Куриные окорока привезли саперы, они тоже приглашены на праздник.

Правда, в нашем неорганизованном лагере, как всегда, все началось поздно. Мальчишки еще ходили в баню. Сержант пытался помыться перед принятием поздравлений и подарков, но оказалось, что помылся он лишь холодной водой из реки – другой не было.

Честно признаться, дальнейшее развитие действий автору этих строк не известны – усталость одолела, и после трудовой вахты у костра вместе с Машей (второй дежурной) мы уснули, да так крепко, что Алкеру пришлось нас долго будить, чтобы забрать подарок, который они с Комендантом подготовили для командира. Потом приходила за подарком Лена, потом... Интересно, что было потом?

29 апреля

После бурного празднования «днюхи» Сережи, подъем на час позже. Но этот лишний час особо выспаться прогулявшим всю ночь не помог. Кого-то разбудил грозный голос Кучи – Алексей поднимал свой отряд очень эмоционально (читай – с большим количеством загадочных слов, однако они были поняты всеми). Кто-то проснулся сам, а чей-то сон был прерван замечательным способом (уже давно известным, но редко применяемым на практике), который решил-таки испытать Ванечка – он поливал холодной водой тех, кто долго не вставал. Пострадали – вчерашний именинник и Алкер. А Комендант не растерялся и воду выпил, еще и спасибо сказал.

День обещал быть солнечным, немного портила впечатление подгоревшая каша.

Сегодня работали тремя группами: основная часть – на старом месте близ урочища Надеевка, трое – на Сутоках, трое – в Новорамушево. Сегодня я в первый раз ездила на ГТТ – впечатляет.

Вечером мы пошли в лагерь, в гости к сольцам [поисковикам из г.Сольцы Новгородской области]. Нас приняли приветливо, напоили чаем и кофе, хотели накормить, но мы отказались. А еще нас согрели...интересными разговорами.

30 апреля

Сегодняшний день – начало новой жизни. Командир дал команду: в 7 часов- подъем, в 8 – выход в лес. Сегодня на Надеевке активная работа: Света и Таня еще вчера нашли бойца дальше в лесу, у болота. Кировчане нашли череп – сняли с кочки дерн, а там...Потом они в одном месте сразу троих подняли. Продолжают работать на воронке – деревья корчуют, воду вычерпывают. Позже – обнаружила Люда, сохранность бойца хорошая, присутствуют останки всего скелета.

Сегодня сняли клеща со Светы – прямо на раскопе. Молодцы, не расстерялись – залили его маслом из пакета лапши быстрого приготовления. Вид у больной – очень трагический, диагноз – конкретный. Предположительно «последними словами» больной могли быть такие: «Не хочу умирать, надо хотя бы институт закончить». У операционной кочки – Комендант. Операция прошла успешно. Больная институт закончит.

Рядом с костром нашли «помзину» [взрывоопасный предмет, противопехотная мина осколочного заграждения]. Майор случайно наткнулся на нее щупом. Шуму было!!! Как заметил Босс: «Смерть ходила рядом, но рядом был щуп» (возможен вариант «Смерть ходила рядом, но наткнулась на щуп»)

Сегодня для оставшихся «непомытых» девочек баня. Сережа договорился с местными жителями в Новоселье. Хозяйка оказалась почти наша землячка – из Межого (мы его проезжаем на поезде). Хозяин – человек необыкновенно общительный. Пока мы сидели под яблонькой, поведал, что к ним часто приходят поисковики. Они дружат с ребятами из Иркутска. Еще у хозяина в Коми живет друг – в Усть-Куломском районе. Правда, почти 20 лет он не пишет. Попробуем поискать.

Девочки позвонили домой. Здесь связь ловит на одном холме в 3 км от лагеря. Вечером в гости приходили сольцы [ребята из п.о. г.Сольцы], мы мило пообщались.

1 мая

В честь праздника подъем в 8 часов, а потом солидарные трудящиеся отправились...естественно... трудиться. Большая часть отряда сегодня – на Сутоках. Разведка сработала хорошо – потому решили перебраться работать сюда, да и ходить ближе. К обеду Лена почти подняла вчерашнего бойца, которого обнаружил Док. Там оказались останки не одного, а двоих. Маша нашла еще одного. При нем кружка – эмаль почти новая, монетки, диск от ППШ, ремень. Очень хочется, чтобы и медальон был, но ожидания напрасны. Радость у Коменданта. Он тоже нашел останки. Мы начали этого бойца поднимать сегодня – нашли только руки, череп и ремень. Завтра работу продолжим. Работали сегодня рядом с сольцами. У них поразительные результаты – только сегодня два медальона: один пустой, другой с запиской. Ничего, мы тоже найдем.

Сказочно хорошо в лесу. Кажется, листочки распускаются прямо на глазах. Вокруг такая зеленая дымка – счастье! А белые от цветов поляны! Говорят, что это подснежники. Верю, потому что раньше не видела подснежников. Такие удивленные белые создания, ходить по ним жалко: такие они нежные и необыкновенные. Лес очень обитаемый, в отличие от леса близ Новорамушево, где все темное и заросшее. Здесь солнечно. Какие-то жуки спешат по своим делам, птицы о чем-то перебиваются, кукушка считать учится. Много дождевых червей. Они работать мешают, вредные.

Для отряда в день праздника – поисковый подарок. Ванечка с Алкером и Джонни обнаружили в лесу могилу: сын после войны нашел место, где погиб отец. Он погиб в 1942 году. На обрыве сын соорудил могилу. На ней надпись:

«Младший лейтенант Стуркас Дмитрий Константинович. КВУ – 4 951 АП 391 СД

Погиб в бою 28.06.42»

На отдельной табличке:

«На боевом счету Стуркаса – сбитый самолет под городом Холм, сотни фашистов, много дзотов и дотов, пулеметов и минометов... Майор И.Руденко. Вечная память героям!»

«Через 47 лет я нашел тебя, отец. 1989г.»

Справа сбоку от могилы - сосуд с надписью:

«Земля с могилы мамы Макарово, Подмосковье»

День прошел.

Спустя какое-то время после ужина большинство бойцов и бойниц [юноши и девушки – члены отряда] разошлись по палаткам. Спокойной ночи...

2 мая

Сегодня свободный выход в лес [для желающих отдохнуть – выходной день]. С утра – пополнение числа укушенных клещами. Эти «мерзкие звери» напали на Машу и Алкера. Но больше всего клещи, похоже, любят Колю. Он их постоянно находит то на себе, то на палатке, один раз его клещ укусил, а сколько было попыток – и не сосчитать!

Вернемся к событиям утра. Начать говорить о нем можно словами из песни: «На заре ты его не буди...». Далее не по песне – это бесполезно... Это о Коменданте. Говорят, что он сегодня дежурный (до сих пор непонятно – один или с Джонни) и утреннее дежурство проспал. Кашеварил сегодня Алексей Юрьевич. Надо отдать ему должное – гречневая каша была очень вкусная. Кстати, ужин, которые готовили дежурные (ими все-таки оказалась Комендатура), тоже был очень вкусный.

В лес (на Сутоки) ходили семь человек (причины – см. выше). Остальные были в лагере. День был очень солнечный, теплый, многие загорали. Подняли двух бойцов: закончили поднимать бойца, найденного вчера Комендантом, и Коля, Леша и Ванечка нашли еще одного. И Маша нашла. Молодец, Муха! Начала раскоп, но до конца рабочего дня не успела, не закончила.

В наших лагерях весь вечер царило веселье. Везде принимали гостей. Пели песни, пили чай, смеялись.

Еще одно событие сегодняшнего дня, (о котором я, правда, вспомнила лишь пятого мая): мы тянули бумажки на «гусятник» [праздник подведения итогов экспедиции по возвращении домой]. Значит, он будет!!! Это радует отдельно. Только вот не все остались довольны выбором. Но к «гусю», я думаю, все определятся. Сегодня же в отряде появились новые позывные:

Люда О. – «прапорщик»

Лена С. – «васек»

Люда С. – «пушок»

Света – «мелкая»

Настя – «фомка»

Сережа Г. – «фраск»

Коля – «укол»

3 мая

Сегодня дежурил один Алкер. На завтрак была овсянка. Кстати, говорят, что сварена вкусно. Верю на слово, даже походные условия отношения моего к овсянке не изменили.

Утром весь отряд сфотографировали – будем ждать от Дениса из Кирова фотографий.

Сегодня на Сутоках работал весь отряд. Работал не очень плодотворно, останков обнаружили мало, и то там отдельные кости. Зато у Кирова рекорд: они недалеко от Коровитчино нашли траншею. Там только сегодня подняли 27 человек. Леша Шевченко говорит, что туда после боев стаскивали погибших, сделали такую братскую могилу. Встречаются останки и солдат, и мирных жителей. Оружия нет, личных вещей много. Несколько медальонов нашли. Завтра ребята продолжат там работать.

Сегодня – опять баня. «Старички» говорят, что такой чистой Вахты еще не было. Обычно за всю экспедицию мыться ходили раз-два. Короче, не Вахта, а санаторий.

Около полуночи к нам в гости пришел голодный Киров (это любя). Сержант угощал их холодными макаронами – доели почти все (вот хорошо). Кутергин ушел довольный (даже сказал, что он нас тоже любит).

4 мая

Сегодняшний день наполнен всевозможными событиями. Во-первых, день рождения Алексея Юрьевича, и в честь этого он сегодня дежурный. Может на ужин будет что-то вкусненькое. Ожидания оправдались: завтракали гречневой кашей, а ужинали постными щами и пловом (еще раз!). На поздний ужин Таня и Наташа пекли оладьи. Получился настоящий праздник.

Во-вторых, на раскопе утром мы не обнаружили двух щупов-вертух, двух ножей и пары перчаток (моих – синих прорезиненных и грязных), кто-то «прихватизировал». В работе думали, что будет также, как вчера. Но вышло все иначе. Результат – 9 найденных бойцов! Вот тебе и «зачистка» местности. Работа, наконец, пошла. Правда, работать в лесу осталось всего три дня. А у нас нет ни одного медальона. Жаль, жаль.

Из леса пришли все довольные. Надеемся, что завтра будет не менее плодотворный день.

Вечером уезжали Лена Боле и Сережа Глабай. У Лены заканчивается отпуск, а Сережку мы решили отправить по состоянию здоровья. Он так и не выздоровел. Возвращаться домой им совершенно не хотелось. Но... Приехала машина, зашуршал под колесами гравий. Все. Уехали. Прощаемся не надолго. Встретимся в Сыктывкаре.

В лагере вечер прошел очень спокойно. Сегодня особенно людно у кировского костра. Док пел, как всегда, «клево». Он успел выучить много новых песен. Так что репертуара хватило надолго.

Шутка дня:

Кто-то из новичков посетовал: «Позывной у меня какой-то дурацкий, ни к селу, ни к городу». На что Ваня заметил: «Да, действительно, это тупой позывной – «ни к селу, ни к городу», очень тупой».

А еще на раскопе остались все без обеда. Купили «бич-пакеты», а они оказались с истекшим сроком годности. Многие даже пробовать не стали – очень уж неприятно пахла эта лапша.

5 мая

Утро началось звуками цивилизации: Света раздобыла где-то будильник и залезала с ним в каждую палатку. Благодаря этим, можно сказать военным действиям, лагерь проснулся относительно быстро. В 7.50 спала только Комендатура. Командир даже пытался их «построить» – не вышло.

Сегодня самый удачный день. Мы нашли два медальона. Герои – Док и Алкер. До обеда отличился Док. Крику в лесу было – ого-го! На обеде почти весь отряд заснул на полянке – теплое солнышко и гречневая каша просто всех разморили. Небольшой перерывчик. На второй медальон народ отреагировал сначала вяло. Но потом, когда все поняли, что это второй МЕДАЛЬОН, и в тот же день! Столько было эмоций... Меня вываляла в грязи Джонни, Сержант – Алкера. Так что сегодня был бедный лес – мы дважды орали: «МЕДАЛЬОН», казалось, деревья попадают. Ура, ура! Оба медальона с записками.

Сегодня полноценные поднятые бойцы у меня. Оказалось, что рядом лежали два бойца. Покопать мне пришлось много, потом болели руки.

Вечером лагерь жил обычной жизнью. Уже все вошло в колею, и ничего особенного не происходило. Правда Дока от радости по медальону «колбасило» и вечером тоже. Он, похоже, сорвал голос в лесу. Сержант тоже ходит полунемой. Алкер вообще человек-загадка. Наверное, это эмоции. А вот командир оплошал: традиционной стуженки никто не получил. Обидно. Очень сладкого хотелось.

Спать некоторые легли рано, некоторые очень рано, некоторые совсем рано...

6 мая

У нас действительно «пошла маза». Сегодня нашли еще МЕДАЛЬОН! На этот раз повезло Комендатуре (кстати, это слово встречается не

первый раз, но еще не объяснено. Придумал его Майор. Так назвать решили Коменданта и Джонни и, заодно, палатку, где они обитают. Что ж, метко подмечено). Сохранность записки медальона не очень хорошая. Но, надеемся, прочитают на экспертизе в Новгороде. Сольцы над нами смеются – над тем, что мы так орем в лесу. Все спрашивали, не сорвали ли мы голоса. Пусть смеются. Зато у нас ТРИ!!! ТРИ МЕДАЛЬОНА и все с записками. Три имени!!!

У нас пополнение: приехали Татьяна Геннадьевна (мама Таня) и Ваня (наш второй «штатный» оператор). Для некоторых членов отряда [Оле Ивашиной] начнется трудная жизнь – хочется еще работать в лесу, заниматься непосредственно поиском, а придется бегать с микрофоном. Но это тоже надо, потому – вперед с микрофоном в одной руке и щупом – в другой. Конечно, так долго продолжаться не может, придется выбирать. У нас всего один съемочный день – надо много успеть.

Еще мальчишки решили осушить воронку. Начали, кажется, вчера. Сегодня Леша активно там копался. Надеется, что завтра удастся здесь поработать. Сходили посмотреть какую воронку вырыли сольцы. Такая яма – ужас! Правда, нашли только одного бойца, но и ради этого стоило там работать.

Долго не мог решиться вопрос, когда ж нас вывезут в Старую Руссу и будем ли мы работать завтра. Бедный командир, он сорвал голос, а ему приходится отвечать на вопросы, ответов на которые он не знает. Он даже раздражаться начал и совсем озверел, когда, наконец, нам сообщили, что поедем завтра. Значит, с утра придется активно собираться, значит, сегодня последний вечер в лесу, у костра, значит, «окончилось все, расставаться пора...». Так жалко!

Возле лагеря слышны какие-то нечеловеческие крики – оказывается, это Док и Сержант открыли купальный сезон. Только так кричать зачем???

Вечером у костра – «разбор полетов» – тоже традиция. Как сказали все бойцы и бойщицы, Вахта была «клевая», все было хорошо. «Косяки», конечно, тоже были (не без этого):

не было дисциплины – Комендант (чья бы уж корова мычала!),

много было начальства – Алкер,

не научились варить пшенную кашу – это я отличилась.

Сегодня же вручали сгущенку за медальоны. Док был не доволен, что мне вручили 2 банки (это было решение командира), чем, признаться, меня растрогали. Потом мы послушали долгую речь отца Владимира о жизни, о судьбе, о поиске. Немного посидели у костра. Как всегда, отделилась «группа в полосатых купальниках» (наверное, опять пошли

в баню). Девчонки без разрешения ушли к сольцам. А командир, придя к костру и никого не обнаружив, запретил им гулять по Москве 9 мая (а что ему оставалось делать). Короче, все как всегда. Что-нибудь новое придумали бы что ли?!!

7 мая

Хлопоты, сборы – сплошной сумбур утром. За нами обещали приехать около трех: до этого времени надо успеть собрать лагерь. Кировчанам повезло – они еще целый день проведут здесь, их увезут завтра. Они будут сегодня работать на траншее. Их обещали привезти к захоронению. Маша решила остаться с ними. Мы с завистью проводили кировчан в лес и стали собирать вещи. (Конечно, свои вещи убрали все, а вот общие...). На сбор лагеря ушло шесть часов (если верить привыкшему все считать Коменданту). Наверное, произошло бы все быстрее, как у Кирова, если бы за дело взялись все. Но народ спал на солнышке, пока считанные единицы (Ванечка, Джонни, Сержант, Комендант, я и еще несколько смелых) складывали в рюкзаки общее снаряжение. Вместо обещанных 15 часов, за нами приехали после 18. Обещанного, говорят, три года ждут, так что нам повезло. Кстати, вечером засобирались в Руссу и кировчане. Ура, ночевать будем опять вместе, а то прощание выглядело очень грустно.

Поселили нас во второй школе Старой Руссы, в спортзале. Часть отряда ушла на раскладку костей по гробам к завтрашнему захоронению. Остальные бойцы и бойницы занимались разными делами: ходили в баню, закупали продукты. Потом готовили ужин – макароны с тушенкой.

Как заметил Ванечка, в Руссе поисковиков уже боятся. На газоне он обнаружил табличку с надписью: «Не копать!».

Вечером был нагоняй девчонкам. Мы под предводительством Алексея Юрьевича отправилась гулять по Руссе – без ведома командира. Кстати, он «накосячил» не меньше – никаких указаний насчет дежурства не дал и исчез с группой товарищей в неизвестном направлении. А остальным что делать – сидеть и смотреть на груды рюкзаков в спортзале? Ничего себе перспективка. Вот народ и ушел гулять – за что и получил. Спать легли в грустном настроении – неприятные какие-то чувства были, кто виноват, кто прав?

А мы чудно погуляли. С нами были местные провожатые. Нам читали стихи о Старой Руссе собственного сочинения (Люда Пушок их даже записала), рассказывали об истории города, мы пели поисковые песни. Потом решили зайти в бар «Тоска зеленая» (он так называется).

До закрытия осталось всего полчаса. И мы просили, чтобы нас пропустили за полцены. Но охранники заупрямились. Странные, у них все равно посетителей не было. Но мы не растерялись и устроили дискотеку прямо на улице, возле бара. Мимо проезжали машины, ходили люди, а нам было очень весело. И пусть жалеют те, кто с нами не был.

8 мая

Утром ребята опять отправились на раскладку костей, позавтракав вчерашними макаронами. Остальные занимались подготовкой к захоронению. Сегодня же мы передали наши медальоны в штаб «Долины» и заполнили акты и протоколы. Борисов Леша выглядел совершенно замученным. Он так устал за эту Вахту, на него смотреть было тяжело.

Два Алексея (Майор и Михайлов) отправились на поиски древков для флагов – о них вообще поздно вспомнили. Правда, древка не нашли ни одного, пришлось прикрепить отрядный флаг к палкам от палатки (уж не знаю как она правильно называется).

Сама процедура захоронения сложностью не отличалась – все было просто и торжественно. Сначала речи: военком Старорусского района, зам. Главы администрации города, начальники отдела культуры и образования. Вручали грамоты. Из Коми наградили двоих – Женю Половинко и Аллу Александровну Таскаеву. Кстати, и ее, и Сергея Викторовича мы встретили на кладбище, узнали, что они нашли медальон (кажется, на день раньше, чем мы).

Долгая процедура отпевания. Наши стояли мужественно – молодцы. Ветер только вот свечи задувал. Самый волнующий момент, когда гробы ставили в могилу. Деревянные, немного опаленные, они вереницей поплыли мимо ребят. По лицам тех, кто нес эти гробы, было видно, как они тяжелы. Мне ребята рассказывали об этом, но только там я явственнее поняла, для чего мы работаем. Как близких кого-то провожали. Около 30-ти гробов положили на лапник в могиле, в этих гробах – останки 973 воинов. Каждый, кто пришел в этот день на кладбище, бросил на могилу по три горсти земли. Могилу начали закапывать лопатами, а завершил бульдозер. Немного он портил впечатление, но иначе очень долго бы пришлось вручную ее закапывать. Наши мальчики и кировчане потом подравняли холм, положили цветы. Скоро здесь появится плита, на которой будет написано, что здесь захоронены останки 973 бойцов Красной Армии, поднятых во время весенней Вахты Памяти 2004 г.

После захоронения – дорожные хлопоты. Нужно было освобождать школу. Борисов попросил сделать это пораньше. Он признался, что

скорее хочет все закончить. Он устал. Нас вывозили вместе с кировчанами (мне кажется, что мы уже один отряд). Вещи погрузили в «урал», а нас повезли на «газ-66» (гашиш, как называли его ребята).

Пятеро (среди них Алкер и Маха) поедут с кировчанами до Москвы – их поезд около часу ночи. У остальных поезд в 21.37. Свободное время решили посвятить прогулкам по Старой Руссе. Отряды смешались. Сегодня в городе много поисковиков. Особенно восторженно местное население встречает девушек в форме. Наших новичков, по традиции, сводили в музей Северо-Западного фронта. Правда, времени было мало, они буквально пробежали по залам. Около музея сегодня открыли площадку. Там установили танк, который подняли из болота. Он одно время стоял в Коровитчино. Теперь его передали Старой Руссе. Местные жители [из Коровитчино] решили, что танк кто-то украл. А он, оказывается, теперь будет жить в городе.

Потом ребята еще ходили на знаменитый Старорусский курорт, пили минеральную воду, отдыхали. Даже уснули на лежаках. Благо погода радовала.

А мы побывали в штабе отряда «Память» и в их музее. Попали туда совершенно случайно. Мы (Наташка, Маха, Вжик, Светик, Таня и я) гуляли по Руссе. Возле шахматного клуба увидели Лешу Борисова. Он пригласил нас в гости, вот мы и зашли. За партией – Куча, Юра, Рома. Сидели мы недолго – надо было спешить на вокзал. Ребята пошли нас провожать. Кировчане помогали грузить рюкзаки. Прощались по-настоящему. За 4 минуты, которые поезд стоял в Руссе, успели закидать вещи в вагоны. Поезд все-таки немного задержался...

Поехали. Только тронулись, к нам в купе (мы ехали вчетвером – Таня, 2 Вани и я) пришли не совсем трезвые, очень пьяные милиционеры – хотели посмотреть, что мы везем. Честно говоря, мы перепугались. Придраться же можно было к чему угодно. Благо рядом была Танина сумка, и она бесстрашно показывала им свои вещи. До наших рюкзаков дело не дошло. Мы МИЛО поговорили, рассуждали о жизни, о поиске, о красотах Старой Руссы и о мотоциклах... Короче, все обошлось.

Уф, ну и денек. Кажется, все, закончился. До завтра.

9 мая

В Москве высадились без происшествий. Прощтрафившиеся еще в Омычкино остались дежурить, остальные гуляли. Сержант купил билеты нашей необилеченной пятерке – в наш же вагон, поедем вместе. Ура! Мы едины! Поезд из Старой Руссы встретили, ребята приехали уставшие:

попали в общий вагон, где было 19 болельщиков какой-то футбольной команды. Ночью поспать не удалось: фанаты разбили окна, устроили драку. Бедные поисковики. Нам больше повезло. Правда, сильно ворчали проводники – им приходится (по их словам) долго отмывать вагоны от поисковиков – вот ведь врут. Киров уезжает домой после 14-ти. Опять будут нас провожать. Ох, и не люблю прощаться. Хотя, наверное, со стороны выглядело красиво – мы встали в круг, пели поисковые песни, «День Победы» и другие. Прохожие оборачивались, но нам было хорошо и грустно одновременно, грустно, потому что прощались, хорошо, потому что «пятнистая спина к другой спине...».

Объятия, поцелуи, слезы... Тронулся поезд, ребята долго бежали за ним, махали нам руками, платочками, посылали воздушные поцелуи. Даже Куча бежал – такой он был трогательный в этот момент. Даже не верилось, что по утрам он на Вахте будил своих «трехэтажными пэрлами». Дольше всех бежала за поездом Наташка. Мы думали, что она добежит за нами до Ярославля. Нет, устала...

В поезде долго размещались, потом готовили обед. Опять же по традиции, потеряли какой-то пакет с едой. Было видно, что все устали. Устали от работы, от дорог, от недосыпания, друг от друга. Впрочем, относительно последнего можно поспорить: немного все поспали и опять стали кучковаться, особенно там, где звучит гитара. Песни в нашем купе пели дольше всех: сначала пел Док, потом ему на помощь пришел Леша Михайлов. Потом мы пели акапельно. Потом пришла Комендатура и исполнила свой репертуар из трех песен. Комендант пытался еще что-то наиграть, но мы его закритиковали. Потом забежала по пути Фаечка на 4-5 песен. Закончил концерт Алексей.

PS: В Ярославль проехали без потерь (см. «Дневник Вахты памяти. Апрель-май 2003 г.»). На улицу выходили, купили мороженого. Но в вагоны забрались задолго до отправления поезда. Слава Богу!

10 мая

Сегодня мы приезжаем домой. Чем ближе, тем быстрее хочется приехать. В Сыктывкаре поезд будет после 3-х дня. Мы уже с полудня сидим на чемоданах. В Микуни вышли погулять. Когда тронулся поезд, не досчитались командира (неужели отстал?). Все видели, как он направился в противоположную от вокзала сторону с какой-то девушкой (как известно, у моряка девушка в каждом порту!). Честно говоря, все думали, что повторилась Ярославская история прошлого года. Появился он лишь возле Эжвы. Оказывается, встретил приятеля, который ехал в другом вагоне и проболтал с ним все время.

Отряд, между тем, времени не терял, готовился к выходу: переодевался в камуфляж, чистил берцы. Когда все были готовы – начали петь. В последнем купе и хлопали, и топали в такт, весело было. А потом почему-то загрустили: Вахта закончилась, опять начиналась рутинная жизнь.

В Сыктывкаре нас очень ждали. На вокзале народу нас встречало столько же, сколько и провожало. Такие родные мордашки!!! Приятно было видеть их вновь!!! Как мы, оказывается, по ним скучали!!! Как мы, оказывается, их любим!!!

Здесь тонко и нежно плачут березы,
В лесах новгородских, на топких полянах.
Роняют березы хрустальные слезы
И сон охраняют бойцов безымянных.
Средь ржавых снарядов и касок пробитых,
Листвой прошлогоднею припорошенных,
Мы ищем героев когда-то убитых
С землею, с травой теперь породненных.
Снаряд, разорвавшийся ржавой ромашкой,
Как памятник стал на безвестной могиле.
Могли ль вы укрыться за этим овражком ,
Скажите, родные, могли ли, могли ли ?
Вы тропок не топчите, веток не гнете,
Ваш след нам никто никогда не покажет.
И песен своих вы уже не поете,
Но ветер слова нам тех песен подскажет.
Тот сон, что березы в лесах охраняют,
Отряд потревожит, ведомый звездою.
Мы снова приедем – снега лишь растают –
И лагерем станем над стылой Редьею.

О.Ивашина, 24.04.2004

Содержание

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ	3
Золотарев О.В. Народное образование Коми АССР в годы Великой Отечественной войны	3
Калинин Н.С. Командир штрафного батальона	16
Сурков Н.И. Великая Отечественная война в судьбах моих близких	19
Калинин Н.С. От солдата до генерала	24
Сурков Н.И. Судьба солдата	29
Шпилева Н.А. Как это было: война на Печоре глазами очевидцев ...	34
Семяшкина И.А. След войны в судьбах моих родственников	48
«СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА»	56
От редакции	56
Поисковики не играют в войну	59
Ивашина О. «Поиск» – это наша работа	116
Вахта памяти.Ежедневный рапорт о результатах работы в штаб поисковой экспедиции «Долина» (г. В.Новгород)	120
Ивашина О. «Правда о буднях» «Северной Звезды»	127

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В СУДЬБАХ ЖИТЕЛЕЙ КОМИ РЕСПУБЛИКИ**

Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук.
Выпуск 3

Научное издание

Рекомендовано к изданию Президиумом Коми отделения
Академии военно-исторических наук

Редактор Н.К.Забоева
Оригинал-макет – Н.К.Забоева

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982 г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
Компьютерный набор. Уч.-изд.л. 8,3. Тираж 200 экз. Заказ № 21.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «Полиграф-сервис»
ЧП Сысуев А.Н. Лицензия ПЛД 19-40
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36